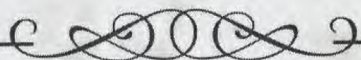

Дмитрий Шерих

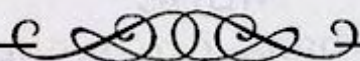

НЕВСКАЯ ЗАСТАВА

Берег левый...

Дмитрий Шерих

НЕВСКАЯ ЗАСТАВА

Берег левый...

Москва — Санкт-Петербург

ЦЕНТРОЛИГРАФ

МиМ-Дельта

2006

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
И.А. Озерова*

В книге использованы архивные фотографии,
предоставленные автором, и современные фото
М.Н. Микишатьева

Шерих Д.Ю.
Ш49 Невская застава. Берег левый... — М.: ЗАО
Центрполиграф, 2006. — 351 с.

ISBN 5-9524-2519-4

Невская застава — неотъемлемая часть старого Санкт-Петербурга, его исторический центр, о чем многие горожане даже не подозревают.

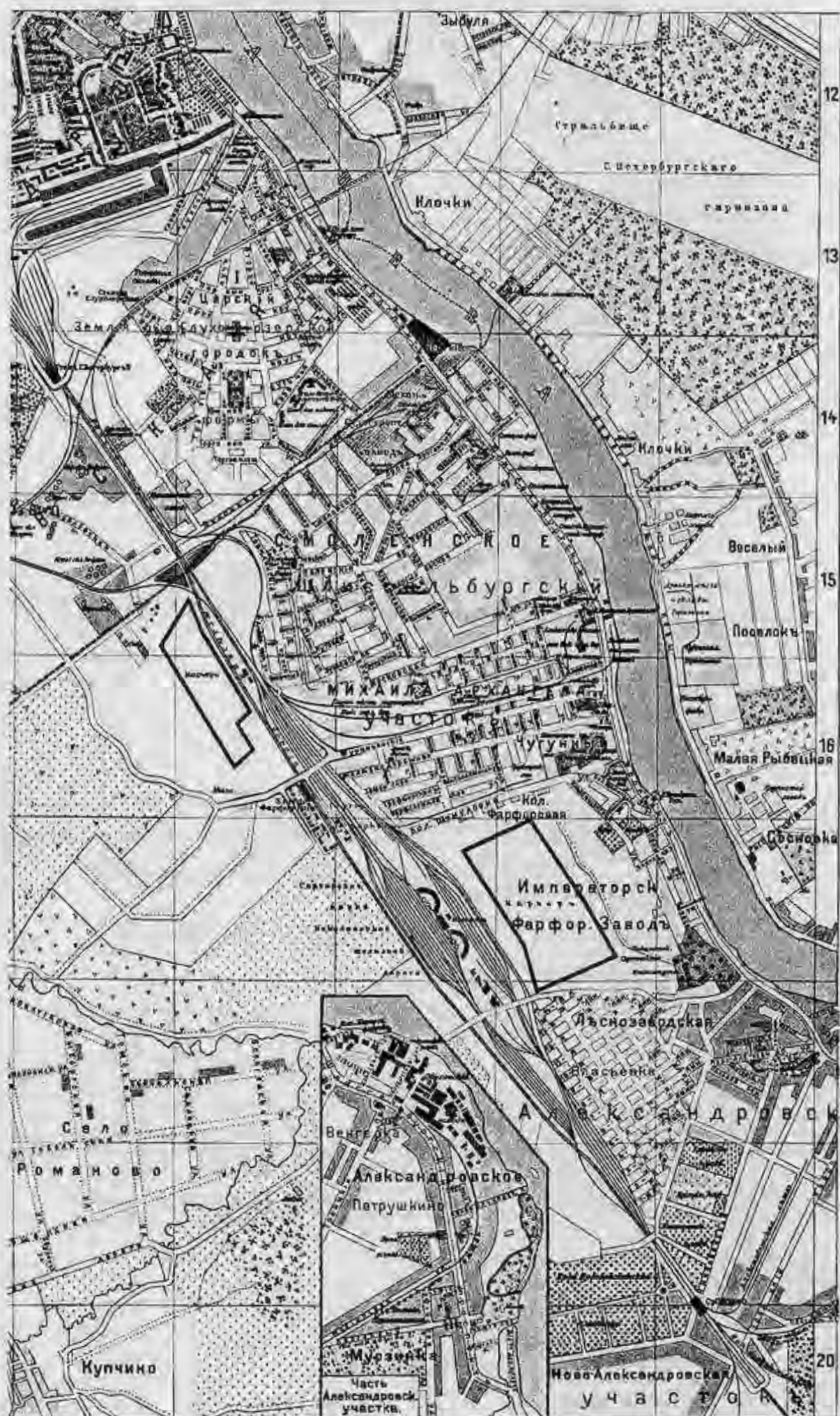
Однако вельможная вотчина постепенно превратилась в царство промышленных гигантов и, соответственно, в обширный жилой район для их тружеников.

Невская застава не обделена вниманием историков, но в ее историографии преобладают рассказы о революционном движении, о достижениях советского народа. Книга Д.Ю. Шериха восполняет эти пробелы. Живо и занимательно автор рассказывает об эволюции одного из старейших городских районов, о событиях, происходивших здесь, и о людях, чьи судьбы связаны с этой местностью.

ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

ISBN 5-9524-2519-4

© Шерих Д.Ю., 2006
© ООО «МиМ-Дельта», 2006
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2006

ОТ АВТОРА

Вот уже полтора десятка лет я каждый день захожу в павильон станции метро «Елизаровская», чтобы отправиться по своим делам. Вначале путь вел меня в школу, потом в институт, в последние годы — в редакцию газеты, где я имею честь работать. Разное бывает настроение, по-разному выглядят «Елизаровская» и ее окрестности, но одно ощущение не меняется. Неизменно я испытываю сожаление, что спешащие по своим делам люди и не подозревают, что они — в самом центре исторического Петербурга.

«В центре Петербурга? Да что это автор такое говорит?» — могут раздаться голоса.

И в самом деле, разве есть вокруг «Елизаровской» исторические здания и достопримечательности? Разве можно увидеть шедевры зодчества и близ других станций метро невиского левобережья — «Ломоносовской», «Пролетарской», «Обухово», «Рыбацкого»? Ну разве что замечательная церковь XVIII века «Кулич и Пасха» может прийти на ум, да и та расположена в отдалении от «Пролетарской», от метро ее не увидишь ни при каких условиях.

Все это так. Окрестности всех перечисленных станций метро густо застроены в советские годы. Но не данный факт определяет историческое бытие этих мест.

Многочисленные шведские поселения находились вдоль левого берега Невы еще до Петербурга.

Осиновая деревня, она же Хаапаси, в районе нынешнего железнодорожного моста и Слободской улицы. Деревня Каллиси к северу от «Елизаровской». Деревня Мийккула у теперешнего Володарского моста. Список можно продолжать...

В XVIII столетии Невская застава была важнейшей частью Петербурга. В самой середине этого века Андрей Иванович Богданов, прилежный составитель описания столицы, отмечал:

«От Александроневского Монастыря, вверх по берегу Невы Реки, расстоянием на дватцати верстах, все почти сплошь жилые места имеются».

Здесь находились села и мызы, кирпичные и гончарные заводы (казенные и частные), огромные бо-лота с пустырями, и — слободы двух знатнейших предприятий тогдашнего Петербурга, Стеклянного и Фарфорового заводов.

А в екатерининское время здесь была настоящая вотчина вельмож: вдоль Невы и нынешнего проспекта Обуховской Обороны (а тогда — Шлиссельбургской дороги, Шлиссельбургского тракта) располагались роскошные усадьбы светлейшего князя Потемкина, князя Вяземского, князя Куракина и других богатейших жителей столицы. Здесь не раз бывала с визитами Екатерина Великая!

К пушкинскому времени Невская застава уже перестала быть вельможной вотчиной — здесь возникало все больше промышленных объектов. Самыми крупными новоселами стали Александровская мануфактура, основанная при Павле I, и Александровский чугунолитейный завод, получивший тут прописку при Александре I.

В 1839 году по Шлиссельбургскому тракту прокатился маркиз де Кюстин, внимательный и довольно брюзгливый гость из Франции, и вот что он увидел:

«Из Петербурга выезжаешь по чему-то вроде деревенской улицы, чуть менее однообразной, чем те дороги, по которым мне приходилось ездить в России до сих пор. Вид на реку, на миг открывавшийся кое-где сквозь березовые аллеи; чередой довольно многочисленных фабрик и заводов, работающих, судя по всему, на полную мощность; бревенчатые деревушки — все это отчасти оживляло пейзаж. Не думайте, будто речь идет о природе, живописной в обычном понимании этого слова, — просто в этой части города местность не такая убогая, как в другой, вот и все».

А потом началось сплошное промышленное освоение этих земель: капитализм в России стремительно наращивал обороты. И уже через пару десятилетий всякий горожанин знал: отправляясь за Невскую заставу, на Шлиссельбургский тракт (переименованный затем в проспект), он попадет в царство промышленных гигантов — ткацких фабрик, сталелитейных и механических заводов. Что здесь строятся корабли и паровозы, отливаются пушки для русского флота и чугунные ограды для столичных садов. Откуда, скажите пожалуйста, родом знаменитая Колесница Славы, что вознеслась над Аркой Главного Штаба? А отсюда же, из-за Невской заставы!

Александр Исаевич Солженицын в «Октябре Шестнадцатого» так описал впечатления горожанина начала XX века:

«И вот, житель петербургский, хоть и не самых приятнейших кварталов, а всего лишь с какой-нибудь Стремянной... отсюда, с дальнего конца Шлиссельбургского проспекта, совсем по-новому ощущаешь и видишь этот знаменитый город... Ты обнаруживаешь, что точка опоры, что твердь системы не там, а здесь; что центр тяжести этой многовостроенной Северной

Пальмиры или Венеции — не сверкательный Невский, не лепнокаменная Морская, не золоченые шпили, не россияевские колоннады, не фельтеновские решетки, вдоль которых рассеянной легкой походкой бродили легендарные наши поэты, — но сами решетки эти, и многие львы, и Колесница Победы на величайшей арке, и самые мосты под коней чугунных или живых — Аничков, Николаевский, Синий, Цепной — отлиты здесь, далеко за Невскою заставой, на Александровском механическом. Отсюда ты твердо узнаешь, что главный вес Петербурга — не то, что понимается и смотрится всеми как Петербург. Напротив, это столпление, яркое цветное днем и многоламповое вечером, это жадное сгромождение дворцов, театров, ресторанов, магазинов видится отсюда праздным, безрасчетным, глумливым перегрузком дальнего конца честно рассчитанного рычага, оттого опасным, что — на самом дальнем конце плеча, угрожая перепрокинуть.

А здесь был главный, понятный, трудовой смысл: как те распотешливые решетки и колесницы, так и многие деловые, нужные вещи, и первый русский паровоз, и невские суда, и чугунные, и стальные отливки, от самых огромных и до самых малых, именно здесь впервые находили свою окончательную массу, форму, подвижность и назначение».

Да ведь и промышленная история — лишь часть летописей Невской заставы. Здесь действовали земские школы и лечебницы, здесь проповедовали деятели церкви, здесь вели активную работу революционеры — от народников до большевиков. А знает ли читатель, что за Невскою заставой прошла большая часть детства знаменитой Ольги Берггольц?

Невская застава — неотъемлемая часть старого Петербурга, его сердце. И нам пора отправиться в путь, чтобы убедиться в этом воочию.

Читатель может совершить это путешествие виртуально, сидя в кресле, а может и в самом деле отправиться в дорогу — скажем, на трамвае по проспекту Обуховской Обороны. Последний вариант позволит ему ощутить себя прямым наследником тех горожан, кто ездил за Невскую заставу в конце девятнадцатого столетия. Ведь южнее Обводного канала нынешние трамвайные пути проложены фактически по тому же маршруту, по которому ходила известная всему старому Петербургу паровая конка...

«КОГДА СЯДЕШЬ НА НЕВСКИЙ ПАРОВИЧОК»

Ох уж эта паровая конка, в обиходе — паровик! Казалось бы, обычная ветка петербургского транспорта, да еще и захолустная. Путь от нынешней площади Восстания за Невскую заставу — что, казалось бы, могло привлечь в этом поэтов и писателей?

А вот же!

В великой литературе русской есть сразу несколько красочных упоминаний и даже описаний этого долгого пути. Лидирует, конечно, ахматовское, 1961 года, стихотворение «Петербург в 1913 году»:

*Фасад одного из домов по Шлиссельбургскому проспекту.
Начало 1900-х годов*

За заставой воеет шарманка.
 Водят мишку, пляшет цыганка
 На заплеванной мостовой.
 Паровик идет до Скорбящей.
 И гудочек его щемящий
 Откликается над Невой...

Поэзия, конечно, никогда не являлась залогом точности. И знаменитый паровик ходил не только до Скорбящей, знаменитой Скорбященской церкви у Невы, но и много дальше. Его 12-верстный маршрут лежал за Обуховский завод, к деревне Мурзинке, лишь чуть не доходя до Рыбацкого.

Вообще паровик — паровая конка — появился в конце XIX века. Проезд из конца в конец внутри вагона стоил 20 копеек, а интервал движения составлял 12 минут. Немного и по сегодняшним меркам! Немудрено, что популярностью паровик пользовался большой: на рубеже XIX и XX столетий он перевозил в год 10 миллионов человек.

О том, как паровик выглядел, рассказал писатель Лев Успенский, оставивший красочные записки «старого петербуржца»:

«Более или менее обычный маленький локомотив был как бы обшит некоей прямоугольной металлической коробкой, превращен в нечто похожее на заводские „паровозы-танки“. Внутри коробки вокруг

*Скорбященская церковь
на Стеклянном заводе*

Паровая конка

котла был проход, по которому гуляли важный спокойный механик и всегда черный, измазанный углем молодой помощник — кочегар. Сквозь боковые и передние смотровые окна без стекол можно было так ясно, как никогда на железных дорогах, увидеть внутри тупой торец котла, и топку, и манометры, и слабо поблескивающий замасленной сталью большой рычаг — „реверс“; созерцание всего этого завораживало меня, и няня подолгу теребила „мальчика“ за руку: „Ну идем, Левочка. Ну и что тут смотреть, Левочка?! Ахти-матушки, черные, грязные, как трубочисты какие!“ У нее был один угол зрения на мир, у меня — другой».

К локомотиву были прицеплены вагоны — иногда открытые, но чаще закрытые. Свой путь состав проходил примерно за 70 минут — то есть преодолевал где-то десяток километров в час. Невеликая скорость, но петербуржцев того времени она не удивляла. Небыстро ходила и обычная конка, вагоны которой тянули лошади.

Но мы обещали читателю литературные описания паровика и его пути. Пожалуйста! Солженицын описал этот маршрут преподобнейше:

«Когда сядешь на невский паровичок из трех коротких вагонцев с империалами, и обогнет он Александро-Невскую лавру, Подмонастырскую слободку, через Архангелогородский мост выедет на Шлиссельбургский проспект (а наверно, судя по мосту, то был старинный санный выезд на Архангельск). Набирая версты, минует Стекланный городок и ампирные хлебные амбары по берегу Невы, пристани, лесные биржи, сенные балаганы. Минует Семянниковский завод (но тебе не туда), Катушечную фабрику, не похожую и на фабрику своей отменною постройкой. Проехав Рожок, обколесит стороной село Смоленское и село Михаила Архангела с их отдельными церквями, и Александровский механический завод при том селе (но и не туда тебе сейчас). И, теперь плотнее к берегу, покатит вдоль самой Невы, на обширных ледяных площадях которой... сходятся на кулачные бои деревни правого и левого берега, или затевают бои петушины, или голубиные состязания, как если б те мужики и не знали никакой всесветной петровской столицы рядом. Дальше прокатит паровичок мимо Фарфорового завода, третьего по древности в Европе, едва секрет фарфора был открыт. Мимо редких уже остатков приречных вельможных дач анненской, елизаветинской и екатерининской поры, все более заменяемых фабричными кирпичными корпусами и долгими стояками труб, из которых черные клубы выползают и распыляются, пачкая небо, грязня Неву, при одном ветре медленно утягивая на Малую Охту, при другом принимая сюда дымы охтенские и с Пороховых. И вот, наконец, за Куракиной дачею доберется он и до бывшего

поместья княгини Вяземской, которого и следа уже осталось мало за полвека сталелитейного завода, основанного здесь инженером Обуховым вослед несчастной крымской кампании, где непригодными к бою оказались многие наши пушки. И у того завода, броневое и пушечного, с поселком двухэтажных современных всеудобственных рабочих домов тебе выходить, сюда тебе».

Герою Солженицына пора выходить у Обуховского завода, а нам еще туда рано, мы еще успеем добраться до этого знаменитейшего предприятия. Пока же нам надо завершить с паровиком. Нам стоит прочесть еще одно описание его пути, сделанное уже упомянутым Львом Успенским:

«За часовней „Скорбящей“, где перед образом со вплавленными в дорожную ризу чудотворными медными копейками и полушками всегда рыдала, крестилась, шептала молитвы толпа, мимо нахмуренных корпусов „Обуховца“, вспоминающего прославленную свою оборону, паровозик увозил вас почти за город, туда, где начинались скудные березки, где на другом берегу лепились по горке кулацкие домики немецкой Саратовской колонии, где уже голубела на горизонте „тьма лесов и топь болот“, как во дни Петровы, и где по-прежнему там и сям „рыбарь бородатый“ вполне еще мог „колотить дырявый челн“.

Вас обгоняли парные выезды директоров и членов заводских правлений — господина Гартмана Ричарда Федоровича, управлявшего Невским химическим, господина Берхгольца, ведавшего землями богача Паля, чьим именем долго еще назывался нынешний проспект Елизарова, господина Ферветтера с Петровской бумагопрядильной — по большей части все немцев. Но в ваш вагон садились и рабочие тех же заводов и фабрик; могли ехать с вами с самого начала и тихая курси-

сточка, в порыжелом саквояжке у которой лежала новая брошюра, полученная только что для передачи в собственные руки какого-нибудь „товарища Петра“..., и „гороховое пальто“, делающее вид, что с увлечением читает очередной выпуск „Антонио Порро, мускулистого преступника“, но из-за книжки нет-нет да бросающее быстрый, пронзительный взгляд на списанного на берег матроса с великолепными усами над губой и с надписью „Рюрик“ или „Андрей Первозванный“ на бескозырке...»

Насчет тихой курсисточки Успенский прав. За Невскую заставу столицы ездили на дымном паровике многие революционеры. В их числе Ленин, Крупская и многие другие. Более того, в судьбе Владимира Ильича и Надежды Константиновны паровик сыграл свою роль, способствовав их сближению.

Этот эпизод стоит обозначить отдельно. Как известно, молодой юрист Владимир Ульянов прибыл в Петербург осенью 1893 года. Находясь под негласным надзором полиции, вел себя осторожно. Только через месяц после приезда впервые отправился на явочную квартиру, а потом начал расширять контакты. В феврале 1894-го, на Масленицу, побывал на блинах у инженера Классона на Большеохтинском проспекте. Застолье было лишь прикрытием для серьезного диспута, в котором участвовало более десятка марксистов. И в их числе Надежда Крупская. Потом встречи продолжились...

А осенью 1894 года Ульянов и Крупская неожиданно встретились в вагоне паровой конки, шедшей из-за Невской заставы. На конечной остановке вышли, разговорились. Крупская пригласила Владимира Ильича к себе в гости, благо идти было недалеко. Жила она тогда вместе с матерью в доме № 97 по Невскому — совсем рядом с нынешней площадью Восстания, тогда Знаменской.

Визит состоялся: Ульянов познакомился с бытом Крупских, отпил чаю. С этого дня знакомство их стало более тесным. А потом, как известно, Надежда Константиновна стала спутницей жизни Владимира Ильича...

Паровик уступил место трамваю только после революции. В 1922 году состоялось торжественное открытие трамвайной линии за Невскую заставу, построенной силами безработных.

А пока мы по следам паровика отправляемся за Невскую заставу.

МОНАСТЫРСКИЕ АМБАРЫ

Проспект Обуховской Обороны берет начало от самой площади Александра Невского, пересекает реку Монастырку (она же в прошлом Черная речка) и дальше через Обводный канал устремляется в сторону Ладоги. Это самый длинный проспект Петербурга, его протяженность около 9700 метров.

Когда-то магистраль делилась на несколько самостоятельных частей. До 1952 года, например, последовательность их выглядела так: Шлиссельбургский проспект, проспекты Села Смоленского, Крупской, Села Володарского, Обуховской Обороны и Деревни Мурзинки. И только в декабре 1952 года эти шесть проспектов были слиты воедино под нынешним названием.

Примерно в этом месте была Невская застава. Фото 2007.

Все пространство между Монастыркой и Обводным принадлежало в былые годы Александро-Невской лавре. Этот богатейший монастырь, основанный еще Петром I и получивший статус лавры при Павле I, был обладателем несметных богатств. Оно и понятно: здесь, в главном монастыре Петербурга, находилась резиденция митрополита. Здесь служили лучшие певчие — и петербургская знать XVIII столетия с наслаждением слушала их пение. Монахи лавры угождали сильным мира сего и на других поприщах, иногда весьма неожиданных. Известно, например, что для императрицы Елизаветы, очень любившей медвежьей пляски, мохнатых танцоров обучал келейник лавры Карпов. В 1754 году он доносил о своих трудах: одного медведя приучил ходить на задних лапах и в платье, а вот «другой медвебенок к науке непонятен и весьма сердит».

Одним из самых серьезных достояний лавры были земли вдоль Невы — «от речки Черной вниз по Неве 200 и вверх 800, всего 1000 сажений». Здесь в середине XIX века были выстроены каменные хлебные амбары, обошедшиеся монастырю недешево — от 20 до 30 тысяч рублей каждый. Но игра стоила свеч. Устроенные амбары стали сдаваться в аренду хлебо-торговцам, причем арендная плата за каждый составляла больше 1100 рублей в год. В конце XIX столетия все строительство не только окупилось, но и принесло лавре хорошие барыши.

Любопытная деталь: по договору с монастырем арендаторы обязаны были «складывать хлеб, отступая от стен на аршин и более, на столько же не докладывая его вверху до стропил». Иными словами, зерно лежало в амбаре, не касаясь его стен.

Лаврские амбары были частью огромного речного порта, существовавшего вдоль левого берега Невы.

Лаврские амбары. Фото 2006 г.

Большое принадлежавшее лавре здание стояло на нынешней предмостной площади, образовавшейся после возведения моста Александра Невского. (И мимо него от Монастырки к Калашниковской набережной шла Амбарная улица.)

Два десятка амбаров высились друг за другом вдоль Невы на нынешней Синопской набережной, а за Монастыркой эту линию продолжали еще полтора десятка — до самого Обводного канала.

Был еще десяток амбаров по другую сторону Шлиссельбургского тракта: эта чередка начиналась у самого Никольского кладбища и завершалась у Обводного.

Наконец, пять амбаров стояли уже вдоль самого Обводного.

Ольга Берггольц, немало лет прожившая за Невской заставой, вспоминала, как очутилась в этой части Шлиссельбургского тракта в первые месяцы Великой Отечественной:

«Я шла одна между двумя рядами кирпичных грузных, приземистых, глухих — без окон — амбаров.

Никаких домов, кроме них, здесь, на Шлиссельбургском, не было — только амбары. Кирпичный, чем-то враждебный мир... Я помнила, что в дни Октябрьской революции на всех фронтонах этих амбаров прописными изогнутыми буквами были начертаны революционные лозунги: „Не работающий да не ест!“, „Кто не с нами, тот против нас!“, „Ум не терпит неволи!“, „Охраняйте революцию!“ и много-много других — на каждом амбаре по лозунгу, вписанному полукругом во фронтон... Они еще отчетливо виднелись в годы нэпа и первой пятилетки, я всегда читала их, когда ездила из-за Невской заставы в город, в университет...»

Еще перед войной, как вспоминала Ольга Берггольц, в этих амбарах хранилось зерно — «рожь, и даже между амбарами, под навесами тоже лежали груды ржаного зерна». Конец амбарному царству пришел после войны. Вначале снесли ту часть амбаров, что закрывала вид на Александро-Невскую лавру с Невы. При строительстве моста Александра Невского последовала новая чистка территории.

Теперь хлебные амбары лавры сохранились только на берегу Обводного канала (ныне это дома 3—5 по каналу). Оно, наверное, и к лучшему: благодаря сносу этих построек вдоль Невы был устроен неплохой парк. В промышленной части Невской заставы не так уж много зеленых зон...

МИМО НЕКРОПОЛЕЙ

Продолжение рассказа о торговле у Невы у нас еще впереди, а мы пока обратим взгляды на саму лавру.

Тенистый парк за высокой стеной — это Никольское кладбище, самое молодое из кладбищ лавры. Здесь были погребены многие именитые петербуржцы, в том числе и связанные с историей Невской заставы. Вот лишь несколько имен из числа самых звучных: певица Анастасия Вяльцева, пушкинский соученик барон

Александрo-Невская лавра. Фото 2006 г.

Алекса́ндро-Невская ла́вра. Фото начала XX в.

Модест Корф, инженер и основатель Обуховского завода Павел Обухов, многолетний директор того же завода Александр Колокольцов, журналист Алексей Суворин. Раньше на Никольском были еще могилы великого балалаечника Василия Андреева, актрисы Веры Комиссаржевской, художника Бориса Кустодиева. Однако в советские годы их захоронения перенесли в Некрополь мастеров искусств, еще одно из лаврских кладбищ...

А еще Никольское кладбище было настоящим пантеоном первых русских авиаторов. Сколько великих летчиков начала XX века нашли здесь последний приют! Прославленный Сергей Уточкин, не менее известный Всеволод Абрамович (установивший множество рекордов и совершивший первый в русской авиации международный перелет), печально знаменитый Лев Мациевич, ставший первой жертвой русской авиации...

Лев Макарович Мациевич погиб в Петербурге осенью 1910 года во время показательного полета на Всероссийском празднике воздухоплавания. Журнал «Нива» сообщал тогда своим читателям подробности: «Аппарат Мациевича... приняв ненормальное вертикальное положение, стал быстро опускаться вниз. Затем

от аппарата отделилась маленькая черная линия и, опережая падавший Фарман, понеслась к земле... Тело тяжело ударилось о землю, отскочило на сажень вверх и снова упало. И все поле ахнуло от ужаса... Тело несчастного авиатора превратилось в мешок переломленных костей... На месте падения образовалась довольно глубокая выбоина, сохраняющая форму человеческого тела».

Похороны летчика состоялись через три дня; участие в траурной процессии приняли тысячи горожан. Надгробие летчика было исполнено по проекту талантливого архитектора Ивана Фомина; к счастью, оно сохранилось и поныне...

В последнее время на Никольском снова стали хоронить видных горожан — историка Льва Гумилева, первого мэра Петербурга Анатолия Собчака, убитых киллерами вице-губернатора города Михаила Маневича

Кладбище на территории Александро-Невской лавры, 1980-е гг.

и депутата Госдумы Галину Старовойтову. Особая часть Никольского — захоронения церковных иерархов и монахов Александро-Невской лавры.

Разумеется, Никольское — не единственное лаврское кладбище. Сегодня в лавре шесть некрополей и усыпальниц, а до революции мест последнего упокоения было еще больше. В лавре тогда работали полтора десятка храмов, и часть их использовалась как усыпальницы...

И кто только не был погребен в лавре в разные годы!

На Лазаревском кладбище — ученый и поэт Михаил Ломоносов, политик Сергей Витте, архитекторы Андрей Воронихин и Карл Росси, Джакомо Кваренги и Иван Старов, Тома де Томон и Андреян Захаров. Едва ли не весь цвет петербургского зодчества!

В Благовещенской усыпальнице — правительница Анна Леопольдовна и светлейший князь Александр Безбородко, начальник Тайной канцелярии Андрей Ушаков и фаворит императрицы Елизаветы Иван Шувалов. И конечно, Александр Васильевич Суворов.

Был погребен в этой усыпальнице и Петр III, но после восшествия на престол его сына, Павла I, монарху были устроены новые торжественные похороны. Вначале гроб извлекли из склепа, потом останки переложили в новый, богато обитый гроб. Торжественная процессия доставила в лавру специально изготовленную корону, которую Павел возложил на гроб отца.

А 2 декабря 1796 года процессия доставила гроб из лавры в Зимний дворец. Этот день запомнился всем горожанам. Как писал журналист Николай Греч, «гвардия стояла по обеим сторонам Невского проспекта. Между великанами гренадерами, в изящных светло-зеленых мундирах с великолепными касками, теснились переведенные в гвардию мелкие гатчинские солдаты в смешном наряде пруссаков Семилетней войны». В тот

день был достаточно сильный мороз. Императорскую корону Павел назначил нести графу Алексею Орлову, одному из убийц Петра III. Уверяют, что перед началом процессии граф рыдал в темном углу церкви, не в силах прийти в себя.

Медленное шествие прошло по плану. Потом из Зимнего дворца останки Петра III вместе с останками Екатерины II были перенесены в Петропавловский собор, где их окончательно предали земле...

А самое, пожалуй, знаменитое кладбище лавры — это Некрополь мастеров искусств. Когда-то это было обычное Тихвинское кладбище, но после похорон здесь историка Николая Михайловича Карамзина оно постепенно стало превращаться в пантеон русского искусства. Тут обрели покой Жуковский и Крылов, Глинка и Чайковский, Достоевский и Мусоргский... А в советские годы сюда перенесли множество захоронений с самых разных кладбищ города. Так и сформировался известный всем Некрополь мастеров искусств.

Всего же на кладбищах лавры погребено около 12 тысяч человек.

«В БОЮ ШЛИ СТЕНА НА СТЕНУ...»

Пока мы не удалились от стен Александро-Невской лавры, самое время рассказать об одной из самых ярких и в то же время кровавых народных традиций старого Петербурга, упомянутых уже Солженицыным кулачных боях. Потому как самое активное участие в этих сражениях принимали крючники (грузчики), работавшие в лаврских амбарах.

В первые десятилетия петербургской истории кулачные бои устраивались в самом центре города. Власти долго и безуспешно пытались запретить бои или хотя бы придать им управляемый характер. Екатерина I, например, в 1726 году издала указ «О небытии кулачным боям без позволения Полицеймейстерской Канцелярии». Из текста этого документа можно узнать, что бои устраивались тогда на нынешней Дворцовой площади, на Аптекарском острове «и в прочих местах во многолюдстве», причем они не обходились без «смертных убойств, которое убойство между подлыми и в грех не вменяют». Во избежание этого указ регламентировал правила боев: чтобы они проходили без оружия «и прочих инструментов», без «продерзостей», а «кто упадет, лежащих никого не били б».

К концу XVIII столетия власть изгнала бои из центра города. В 1832 году был принят закон о том, что «кулачные бои как забавы вредные — вовсе запрещаются». Однако и после этого царского вето кулачные

бои оставались непременной чертой жизни Невской заставы. Устраивались они, как правило, на Неве близ амбаров Александро-Невской лавры, а также в других местах, в том числе у села Смоленского. Бились стенка на стенку, шли берег на берег — бойцам с левого берега Невы противостояли бойцы с правого...

Красочное описание боя охтинских жителей (поречан) с крючниками из амбаров Александро-Невской лавры оставил Николай Помяловский:

«Зимой, каждый праздничный день часа в три пополудни, на дорогу, лежащую поперек реки Невы, собирались крючники и поречане играть в старинную славянскую игру, называемую боем. Со стороны поречан сходилась до полутора ста человек, а со стороны муравьев, т. е. крючников, вдвое больше. Сначала с обоих берегов реки, на средину ее, сходились мальчишки, крича „Дай бою, дай бою!“ Призывный крик к битью. Только к вечеру собирался взрослый народ, тогда дети отодвигались в правую сторону от дороги и устраивали здесь малое плюходействие. В бою шли стена на стену, впереди каждой силачи, а сзади остальной люд, напиравший на противника массою. Стали биться очень плотно, дружно и хлестко. Поречане хотя и были теперь теснимы, но отступали в строгом порядке, по вершку, по полувершку. Однако пядень за пяденью отодвигала их несломимая сила крючников. Тяжело было смотреть на знаменитую битву. Это была уже не игра. На всех лицах было написано откровенное желание сломить у своего врага, вышибить вон какую-нибудь основную часть тела. Они сыпали друг другу страшные удары, но лицо и грудь их окаменели, точно они были не люди, а какие-то изваяния. Окровавились, жестоко бьются, до лома костей бьются, но ни один не сделает фальшивого полуоборота, изучают каждый взгляд и удар друг у друга. Душа замирает

у бойца, но и при замирании сохраняется полное присутствие духа... Что за сфинксовые лица? Изредка скрипит челюсть, изредка хрустит кость, совершается дело, если хотите колоссальное, поэтическое, ярко характеризующее народную натуру, и в то же время такого рода дело, которого лучше бы не было на Руси».

Как бы жестоки ни были сражения, бойцы соблюдали некоторые основные правила. Строго по указу Екатерины I. Запрещалось вооружаться какими-либо предметами, бить противника с тыла. Не били упавших, а если кто из бойцов увлекался и нарушал это правило, ему кричали знаменитое «Лежачего не бьют!».

Устраивались кулачные бои не только на Неве. Рабочие Невской заставы бились друг с другом близ вагонных мастерских (о которых мы еще расскажем), шли стенка на стенку жители села Александровского и Фарфоровой слободы.

Кровь играла, жизнь кипела!

КАНАЛ, ОГРАНИЧИВАЮЩИЙ ГОРОД

Обводный канал, через который лежит наш путь, строили свыше тридцати лет, с 1805 по 1836 годы. На восемь километров длины канала — срок немаленький. Правда, одно оправдание такому долгострою есть: на время Отечественной войны и восстановительного после нее периода строителям пришлось оставить свои труды. Четыре года из тридцати можно вычеркнуть по вполне уважительной причине...

Обводный канал. Фото 2006 г.

Не забудем, однако, и другое: часть работы была уже сделана задолго до 1805 года — канал строился вовсе не на пустом месте. Еще в 1760-е годы было решено обозначить южную границу города вместе с его предместьями каналом «шириною в 4 и 5 сажень» (то есть до 11 метров), который служил бы заградительным рубежом. Во времена Екатерины II часть новой протоки от Екатерингофки была успешно прорыта. Так и была обозначена трасса нынешнего Обводного — в те времена «Городского канала», «Нового канала», «Канала, ограничивающего город» (устоявшегося названия еще не было).

А в 1804 году последовало новое высочайшее повеление — «Об устройении обводного около Санкт-Петербурга канала». Строила канал огромная команда инженеров, рабочих. Возглавлял работы вначале инженер Иван Герард, а затем известный ученый и инженер Петр Базен при участии Бенуа Поля Эмиля Клапейрона. Того самого Клапейрона, который по возвращении своем в Париж вывел уравнение состояния идеального газа, обобщенное потом Дмитрием Менделеевым и известное сегодня каждому школьнику как уравнение Менделеева — Клапейрона.

Прорывая канал, строители рассчитывали: новая водная артерия ослабит наводнения, ибо часть невской воды пойдет по нему и не будет затоплять город. Эти надежды жили долго. Еще в 1873 году журналист, описывавший очередное наводнение в Северной столице, свидетельствовал: «иные говорят, что Петербург в эту ночь был спасен обводным каналом». Впрочем, он же продолжал: «другие говорят, что канал этот ничем не помог горю и что наводнение не приняло огромных размеров только потому, что переменился ветер как раз вовремя».

Время и наука показали, что в деле борьбы с наводнениями Обводный канал и вправду бесполезен.

Зато он оказался очень удобен для грузовых перевозок. Канал связал коротким путем разные промышленные зоны столицы и фактически соединил речной порт, находившийся на Неве, с морским. Так Невская застава приобрела очень выгодное для развития промышленности местоположение. Не случайно именно после пуска канала здесь стали так бурно развиваться новые предприятия.

Современный свой облик Обводный приобрел в советское время. Еще в 1932 году «Красная газета» извещала горожан, что власти приступают «к переустройству Обводного канала», причем «предусмотрено бетонное укрепление стенок и замена деревянных мостов...».

Все это случилось, но уже после войны, к 1960-м годам. А в совсем недавние времена Обводный канал хотели было засыпать. Эту идею активно обсуждали на самых верхах городской власти, но затем пришли к выводу: Обводный должен остаться!

ОТ МОРДУХА ДО ЛЕНИНА

Вот красноречивое напоминание о том, как начальство должно обращаться со своими подчиненными, включая самых скромных по должности. Мельница Мордуха была построена у Обводного канала в 1907 году. Выбор места для нее вполне понятен — поближе к невским пристаням и амбарам, традиционному центру перевалки зерна. Здания мельницы и сегодня привлекают внимание своей величиной — их можно увидеть справа.

Мельница Мордуха. Фото 2006 г.

Любопытно, что в постройке мельницы принимал участие инженер Генрих Гиршсон, вошедший в историю города как горячий сторонник строительства метро. В самом начале XX века он предлагал проложить подземную линию под Невским проспектом, от Адмиралтейства до Знаменской площади. Какой виделась ему дорога? Две конечные станции, несколько промежуточных. Над станциями — стеклянные павильоны с уходящими вниз винтовыми лестницами. Саму трассу Генрих Антонович собирался заключить в бетонную трубу квадратного сечения, а поезда предлагал сделать недлинными: «двигательный вагон» и два-три пассажирских...

Впрочем, все это так и осталось в области проектов. А вот мельница стала реальностью — единственная осуществленная постройка Гиршсона в Петербурге. Купец второй гильдии Давид Мордух стал одним из директоров нового предприятия, а владеть ею стало акционерное общество санкт-петербургских товарных складов, холодильников и элеваторов. Развитие мельницы шло быстро. Строились железнодорожные подъезды, запускался механизированный элеватор, вводились новые технологии — в 1914 году, например, мельница была первой в России электрифицирована.

Осуществляя все это планов громадье, владельцы мельницы, наверное, и не обращали внимания на одного из самых мелких своих служащих. В 1915 году подметальщиком здесь служил 14-летний латыш Федор Ульдрик. Надолго, правда, он тут не задержался — видимо, работа была сложной. Да и характер Федора, судя по всему, был очень непрост. Началась чехарда со сменой работ: ученик, подручный шлихтовальщика, шлихтовальщик на фабрике «Торнтон» (что на правом берегу Невы), рабочий на судостроительном заводе, батрак, фасовщик на аптекарском складе (отсюда, как

достоверно известно, был уволен за неповиновение начальству), помощник химика в изготовлении красок, безработный. В последнем качестве Федор Ульдрик встретил Октябрьскую революцию.

А вот тут все перевернулось с ног на голову. В то время как владельцы мельницы и прочих предприятий лишились своего имущества (их предприятие было национализировано), Федор Ульдрик взмыл ввысь. Он занимал должности от секретного уполномоченного Петроградской ЧК до начальника ОГПУ в крупных губерниях страны. Бывшие его работодатели получили все основания трепетать!

Полегчало им только в 1936 году, когда Ульдрик был уволен из НКВД «за систематическое пьянство, хищения, растраты и подлоги». Ветерана органов арестовали и приговорили к пяти годам лагерей, а дальнейшие его следы теряются в тумане...

На бывшей мельнице Мордуха и сегодня сеют муку. Предприятие долгие годы было известно всей стране как Мельничный комбинат имени В. И. Ленина. В блокаду предприятие работало без остановки, обеспечивая город продукцией — специальными помолами из пищевых заменителей и крупами. Сегодня это Открытое акционерное общество «Невская мельница» (проспект Обуховской Обороны, 7).

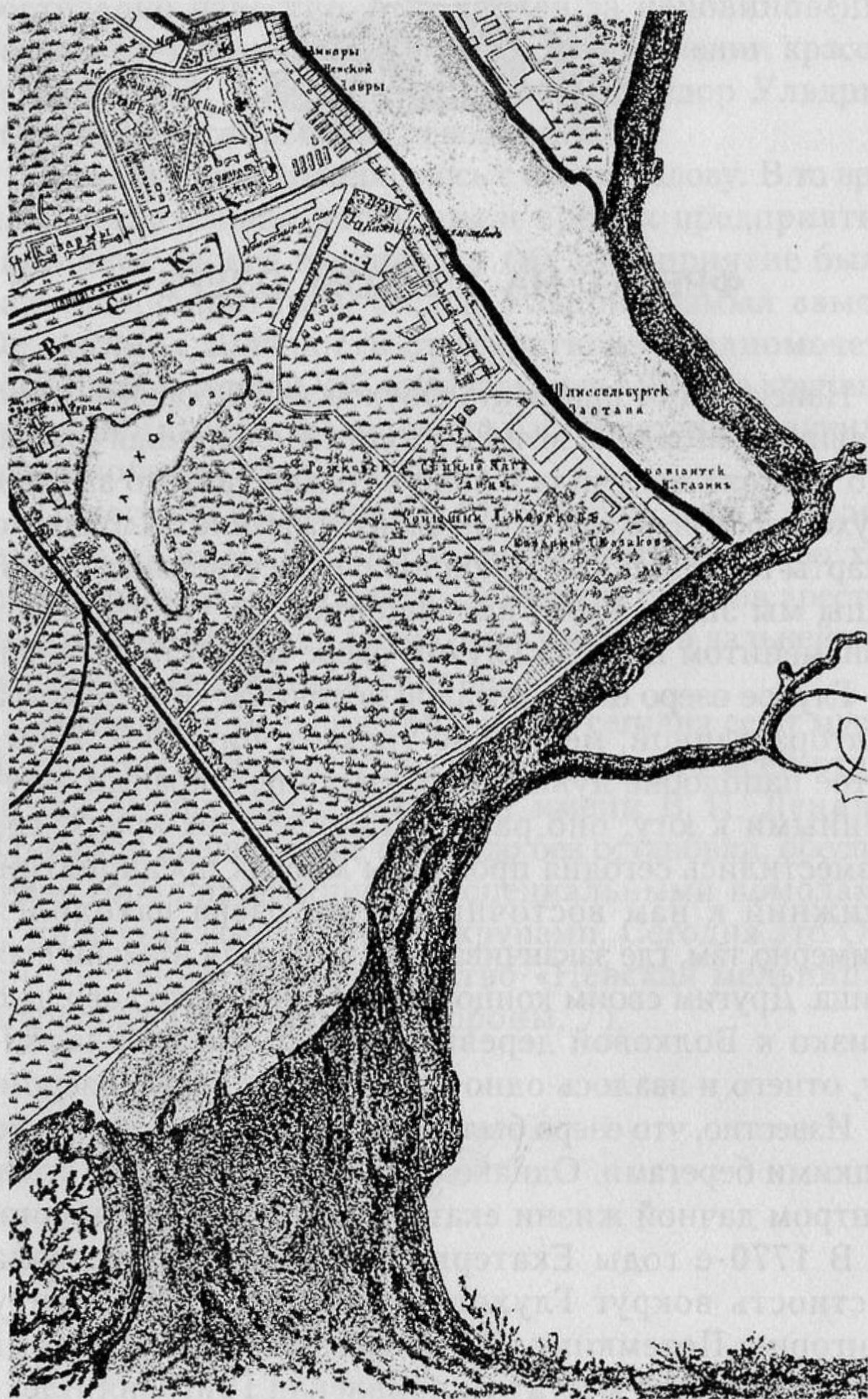
ФРЕГАТ НА ГЛУХОМ ОЗЕРЕ

Наискосок от проспекта Обуховской Обороны, мимо мельницы Мордуха вглубь уходит Мельничная улица. Это имя она получила в 1950-е годы, а до того звалась Глухоозерской. Жаль, что прежнее название было стерто с карты города. В конце концов о существовании мельницы мы знаем и без посвященной ей улицы, а вот о знаменитом некогда Глухом озере мало кто слышал.

Глухое озеро было немалой величины — километра полтора длиной, метров до трехсот шириной. Изогнутое наподобие лунного полумесяца, с краями, опущенными к югу, оно располагалось в тех краях, где разместились сегодня промзоны многих предприятий. Ближний к нам восточный берег озера находился примерно там, где заканчивается нынешняя Мельничная улица. Другим своим концом озеро подходило довольно близко к Волковой деревне и Волковскому кладбищу, отчего и звалось одно время Волковским озером.

Известно, что озеро было мелководным, с достаточно топкими берегами. Однако это не помешало ему стать центром дачной жизни екатерининского Петербурга.

В 1770-е годы Екатерина Великая пожаловала местность вокруг Глухого озера своему фавориту Григорию Потемкину. Несмотря на отдаленность от центра столицы, места эти привлекли Григория Александровича — вокруг стояли леса, а само озеро было

Карта района Глухого озера

оваяно легендами. Ходило предание, что именно в этом озере были затоплены шведами их медные пушки.

Как бы то ни было, Потемкин вложил огромные средства в освоение окрестностей Глухого озера. Основное его имение помещалось у восточной оконечности озера. В лесу были поставлены несколько построек и в их числе роскошный дом для балов, на озере появился увеселительный фрегат. Всему этому великолепию дано было имя «Озерки» — якобы потому, уверяют историки, что в имении были два озера. Правда, вот странность: ни на одном из старых планов Петербурга, виденных автором этих строк, второго озера нет. Есть только одно — Глухое. Быть может, его причудливый изгиб сбил с толку Потемкина, убедив его в том, что водоемов — два?

Как бы то ни было, под названием «Озерки» имение вошло в русскую историю. Сюда в гости к своему ближайшему помощнику не раз заезжала сама императрица. Известно, что один из таких визитов состоялся в субботний день 27 мая 1777 года. Императрицу сопровождали тогда тридцать пять человек свиты, в числе которых оказался 30-летний гусарский майор Семен Зорич.

Бравый серб впервые попал на придворный прием, и не случайно это случилось в имении Потемкина. Григорий Александрович боролся тогда с излишне самостоятельным фаворитом царицы Петром Завадовским. Он искал человека, который мог вытеснить Завадовского из сердца императрицы. Красавец и храбрец Зорич, бывший сослуживец Потемкина, показался ему подходящей кандидатурой.

26 мая (за день до праздника в «Озерках») Потемкин просил императрицу назначить Зорича командиром лейб-гусарского эскадрона и лейб-казацких команд. Судя по всему, субботний экзамен майор прошел

успешно. 30 мая он получил назначение и был произведен в подполковники. И начался взлет нового фаворита!

Фельдмаршал Румянцев в своей автобиографии писал: «Возвратясь в Петербург, мы нашли Завадовского, теряющего фавор, и без того недолговременный. Зорич заступал его место. Почести, награды, богатство посыпались на него». К концу года Семен Гаврилович Зорич был уже генералом и шефом Ахтырского гусарского полка.

Саксонский дипломат Георг фон Гельбиг, служивший в Петербурге екатерининских времен, красочно обозначил траекторию взлета:

«Ни один из любимцев Екатерины не получил в течение одиннадцати месяцев (время его „случая“) таких чрезвычайных знаков милости, как Зорич. За время своего пребывания при дворе он получил чистыми деньгами более 500 000 рублей, в том числе 20 000 на первое обзаведение, 80 000 для своего устройства в поместьях, 240 000 рублей на уплату долгов, и, сверх того, ему были уплачены все оклады по его должностям. К тому же он получил 1500 крестьян, на 120 000 рублей земель, купленных в Лифляндии у графа Бутурлина, и так как этот подарок казался малоценным, то императрица прибавила из своей шкатулки стоимость доходов с этой земли за последние десять лет, командорство Мальтийского ордена в Польше, приносящее ежегодно около 10 000 рублей, и, наконец, довольно значительный город Шклов в Польше, который был куплен у князя Адама Чарторижского за 450 000 рублей. Он получил бриллиантов значительно более чем на 200 000 рублей. Лишь в день коронации 1777 года он получил звезду и знаки ордена Меча, аксельбант, саблю (так как он всегда ходил в гусарском мундире), перо, кольцо,

булавку (которую тогда носили на шее, как теперь носят на груди) и пряжки на башмаки все из бриллиантов. Его гордость также была польщена: минуя чин бригадира, он стал генерал-майором и генерал-адъютантом императрицы. Из русских орденов он имел только орден св. Георгия 4-й степени, заслуженный им за свою храбрость, но имел несколько иностранных. В августе 1777 года гроссмейстер Мальты прислал императрице в ее распоряжение два креста; Екатерина отдала один Рибасу, другой Зоричу. Шведский король, быв в Петербурге, пожаловал Зорича в кавалеры ордена Меча и прислал ему из Гельсингфорса большую желтую ленту. Наконец, в 1777 году, он получил из Варшавы орден Белого Орла».

Впрочем, возвышение Зорича длилось меньше года. По сути, он повторил ошибку Завадовского: решил начать самостоятельную игру. По остроумному замечанию того же Гельбига, «человек нерассудительный, он думал, что может летать на своих крыльях. Но Потемкин заметил этот самостоятельный смелый полет и прижал Зорича к земле».

Зорич пытался бороться. Он даже вызвал Потемкина на дуэль — но вызов его был холодно отклонен. Семен Гаврилович взывал к императрице. Однако дни его при дворе были сочтены: императрица милостиво, но твердо отослала Зорича из Петербурга. Спустя годы она довольно уничижительно охарактеризовала своего бывшего фаворита: «Можно сказать, что две души имел: любил доброе, но делал худое; был храбр в деле с неприятелем, но лично трус»...

В своих «Озерках» Потемкин не раз устраивал праздники. Один из самых ярких состоялся 25 июня 1779 года, по случаю рождения великого князя Константина Павловича — с маскарадом, балом и фейерверком.

Над озером тогда взлетали огненные гирлянды, причем «явились разные новые изобретения „прихотливого воображения“, например плавучая картина, представлявшая храм с именами членов императорского дома. Во всю ночь продолжалась иллюминация; аллея от большой дороги к дому освещена была горящими гирляндами, по кустам развешанными. Над озером видны были разного рода здания, блиставшие разноцветными огнями».

Известны и другие подробности благодаря описанию праздника, составленному современником:

«Место, где приготовлен был ужин, представляло пещеру кавказских гор (находившихся в одном из наместничеств, вверенных хозяину); пещера была убрана миртовыми и лавровыми деревьями, между которыми вились розы и другие цветы; ее прохлаждал ручей, стремительно падавший с вершины горы и разбивавшийся об утесы. Во время ужина, устроенного по обычаю древних, хор певцов под звуки органа пел в честь славной посетительницы строфы, составленные на эллиногреческом языке; они были переведены по-русски Петровым, который пользовался особенным покровительством Потемкина».

В екатерининской сказке о царевиче Фееве есть эпизод, навеянный потемкинским именем: «Царевич поехал верхом за город, мимоездом, невзначай, заехал к барину Решемыслу» (под именем которого августейшая писательница подразумевала Потемкина). «Царевич позавтракал у него в беседке на большом озере, сидя на лавке, увидел из окна малую лодку»...

Неожиданное упоминание об «Озерках» есть и в радищевском «Путешествии из Петербурга в Москву». Александр Николаевич бывал здесь, очевидно, в конце 1780-х: «Приятность вечера после жаркого летнего

дня выгнала меня из моей кельи. Стопы мои направил я за Невский монастырь и долго гулял в роще, позади его лежащей». К последней фразе Радищев дает лаконичное примечание: «Озерки»...

Смерть Потемкина неминуемо должна была сказаться на судьбе его имения. Блестящая игрушка быстро пришла в негодность. Хотя и в конце XIX века некоторые карты города указывали на месте потемкинской усадьбы Озерковскую слободу, это было лишь слабое напоминание о былых временах.

СТЕКЛЯННЫЙ ГОРОДОК

Когда Потемкин обосновывался в здешних «Озерках», он не преминул перевести сюда еще одну свою игрушку, подаренную императрицей, — Петербургский стеклянный завод.

Это было знаменитое предприятие! Основанное еще при Петре I, оно не раз меняло место нахождения. До Потемкина завод помещался в селе Назия. Переезд дал заметный импульс его развитию. Здесь работало до двухсот специалистов, и выпускал завод самые разнообразные изделия из стекла по заказу двора и столичной знати — «карафины» (графины), рюмки, стаканы, подносы, бутылки, судки, зеркала, канделябры, люстры... Мастера изготавливали не только бесцветную посуду, но и с позолотой, а также «фиолетовую, алую, бирюзовую, желтую, зеленую, синюю, мраморную». Некоторые изделия заказывал для себя сам Потемкин — например, три золотых подноса, «обложенных золотой канителью с вензелем Екатерины II, на двух из них подносились хрустальные графины, а третий — под стакан». Эти подносы светлейший собственно-ручно преподнес императрице.

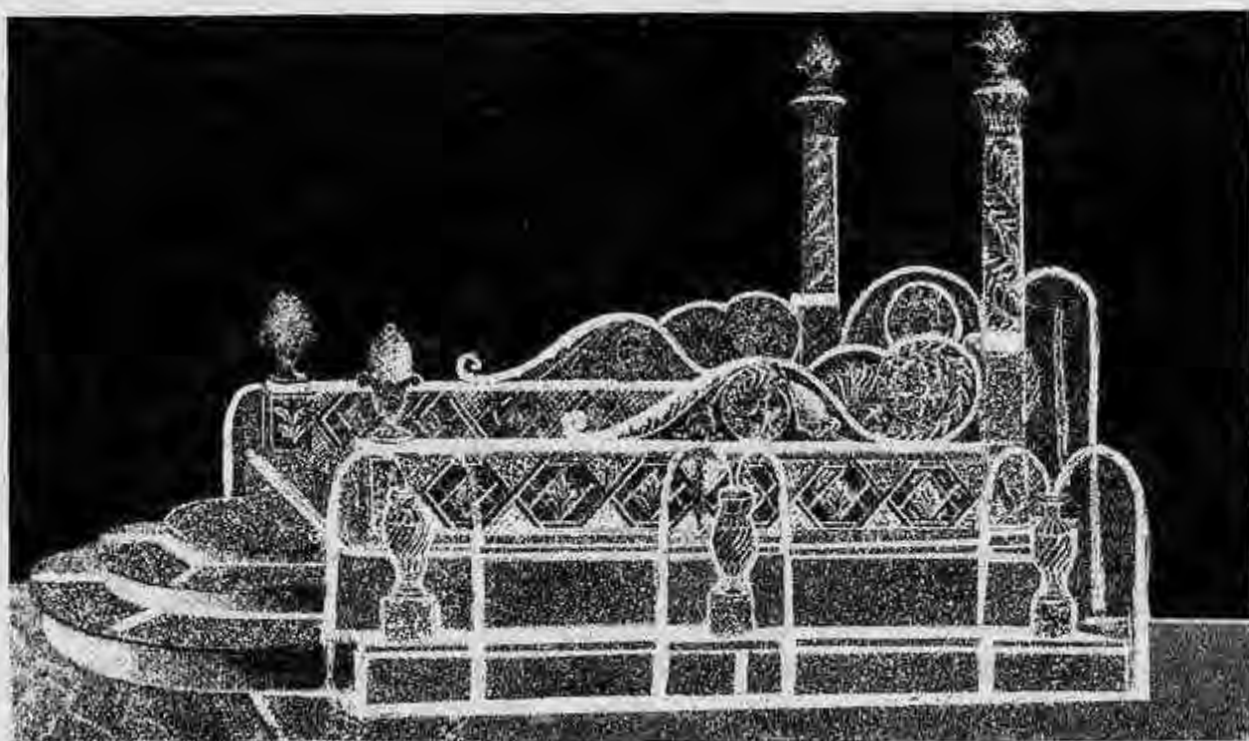
Собственно Стеклянный завод расположился с 1777 года примерно вдоль нынешней Мельничной улицы — многочисленные разнокалиберные строения, прежде всего промышленные. Жилая слобода служителей завода примыкала к территории завода, но тянулась

вдоль Шлиссельбургского тракта. Здесь были своя школа, лавка, трактир. Так родился Стекланный городок, память о котором доныне хранят улицы левобережья — Хрустальная, Глиняная, Глазурная, Фаянсовая. Под именем Стекланного городка старые петербуржцы понимали огромную территорию от Обводного канала до самого села Смоленского.

После смерти Потемкина завод вернулся в казну и стал именоваться Императорским. Но местоположения своего не сменил. С заводом сотрудничали ведущие архитекторы столицы — Кваренги и Воронихин, Тома де Томон и Росси. Более того, в биографии последнего есть эпизод, когда Карла Ивановича причислили к стекланному заводу на постоянную работу, дабы он проектировал вазы, торшеры, люстры и другие предметы прикладного искусства. Росси был тогда молод и сумел использовать возможность на все сто: выполнил ряд ярких проектов, восстановил былые связи — словом, напомнил о себе. И был причислен ко двору в качестве первого придворного архитектора...

В историю дипломатии вошла кровать из бирюзовых плит и хрусталя, изготовленная заводом в 1824 году для персидского шаха. Это парадное ложе, роскошный подарок от русского императора, было богато изукрашено алмазной гранью, а по углам его находились вазы-фонтаны. В 1826-м кровать в разобранном виде отправили в Тегеран. Путешествие длилось почти год. Принимая подарок, шах сказал: «Редкое это произведение может служить доказательством, до какой степени совершенства доведено в России искусство в отделке хрусталя». И прибавил: «Желательно знать, на каком ложе покоится сам император Российский»...

Особенной славы Императорский стекланный завод достиг при императоре Николае Павловиче. В николаевские 1830-е годы предприятие посетил журналист

Хрустальная кровать, подаренная персидскому шаху Николаем I. А. З. (монограмма гравера, работал во второй половине XIX в.)

Владимир Бурнашев. Вот его впечатления от цеха, где изготовлялись зеркала, изложенные в характерной для тех лет умильно-восторженной манере:

«Вы поражены при входе. Вся палата, кажется, пылает, огненная лава разлита на досках, которые со стуком и шумом везут по сараю прямо на вас люди в черных балахонах, в черных шляпах, с распущенными полями, как у похоронных факельщиков; люди, которые от влияния сильного света кажутся какими-то страшными привидениями. Здесь производится литье зеркал. Огненная масса наливается на особенные, нарочно тут приготовленные столы, до которых она довозится на этом колесном ходу. Когда масса остынет, ее режут для делания зеркал.

В других комнатах мы увидим действие паровой машины, имеющей здесь силу 26 лошадей. Видите ли, с какою быстротою работает это множество полировальных машин, почти без помощи рук человеческих... Здесь полируются превосходные зеркала, вазы, гра-

фины, тарелки, бокалы с девизами, вензелями, эмблемами; в этих огромных палатах, тянущихся рядами, хрусталь полируется, обтачивается, гранится. В других комнатах делают цветные стекла, в других еще раскрашивают стекло, золотят, разрисовывают! Как много разных производств, и между тем повсюду гармония, порядок, расторопность! Здесь работают около пятисот человек».

Императорский стеклянный завод существовал до революционных времен. Еще в конце XIX столетия здесь изготавливали до 20 000 предметов посуды в год — не только для императорских дворцов, но и для ферм, яхт, поездов и так далее. А потом стало уже не до изящных, но столь хрупких изделий: трещала вся страна!

Но стекольные традиции Невской заставы все-таки возродились. Чтобы убедиться в этом, достаточно пройти чуть вперед — к еще одной улице, чье название непосредственно связано со стеклом. Улица профессора Качалова названа в честь человека, возродившего в нашей стране искусство художественного стекла. Николай Николаевич Качалов был известным химиком, много работал на Фарфоровом заводе и даже состоял какое-то время его техническим руководителем. Дружеские отношения связывали Качалова со многими деятелями искусства, в том числе певцом Леонидом Собиновым, писателем Алексеем Толстым, скульптором Верой Мухиной. Супругой химика была известная драматическая актриса Елизавета Тиме.

А в 1940 году Качалов вместе с Толстым и Мухиной (уже создавшей к тому времени свое главное произведение — знаменитую скульптуру «Рабочий и колхозница») выступили инициаторами создания в бывшем Стеклянном городке на базе зеркальной фабрики экспериментального цеха художественного стекла.

Идея была правительством одобрена.

Вот что рассказывал о первых месяцах жизни нового предприятия писатель Юрий Алянский:

«...„Красная стрела“ часто теперь мчала Мухину из Москвы в Ленинград. Она не спала ночи напролет, думая о предстоящей работе. Едва забросив вещи в номер гостиницы или гостеприимный дом Качаловых на улице Восстания, ехала на Деминскую улицу (ныне улица профессора Н. Н. Качалова), где располагался и находится поныне завод художественного стекла.

Приезда Мухиной ждали как праздника, все — от Качалова до мастеров-выдувальщиков. В большом горшке в центре огнедышащей печи поспевал хрусталь, в соседних тиглях варилось цветное стекло. И вот раскаленный, мерцающий неземным свечением комок бесформенного еще стекла превращался в тончайшее, изящнейшее произведение искусства — у всех на глазах. Стекло не скрывало тайны своего рождения...

С появлением в цехе Веры Игнатьевны все оживлялось. Она перекидывалась двумя-тремя словами с выдувальщиком, тот брал свою волшебную трубку, накалывал где-нибудь сбоку на гвоздик карандашный эскиз Мухиной, сделанный в Москве или даже ночью, в вагоне поезда, Вера Игнатьевна садилась рядом — и начинался интереснейший процесс творчества... То был великолепный дуэт!

Так, еще до Великой Отечественной войны появились на свет мухинские вазы „Астра“, „Жгуты“, „Слюда“, „Колокольчик“.

Тесно подружившись с Николаем Николаевичем Качаловым, Вера Игнатьевна в те же годы сделала его скульптурный портрет. Смелая технологическая идея была осуществлена, а затем последовала небольшая настольная скульптура в матовом стекле — „Плачущая девушка“. Она вызвала неодобрение руководящих

начальников. Мухину с подозрением спрашивали: „О чем, собственно, она плачет?“...»

В работе Ленинградского завода художественного стекла участвовали многие известные мастера, в том числе художник Николай Тырса. Продукция завода была известна далеко за пределами СССР.

Увы, перестроечное время поставило крест на судьбе предприятия — как и многих стекольных фабрик и заводов Северо-Запада. И похоже, что на сей раз уже — навсегда. Одно утешает: в 2000 году чудом спасенное собрание заводского музея было передано в Елагиноостровский дворец-музей. Семь тысяч произведений стекольщиков обрели надежное пристанище.

ГЛУХООЗЕРСКИЙ ЦЕМЕНТ

Нам еще не пришла пора прощаться с Глухим озером. Потому что его окрестности дали жизнь еще двум памятным для истории города предприятиям.

Глухоозерская ферма появилась неподалеку от озера в первой половине XIX века. Помещалась она в самом конце нынешней Мельничной улицы, и территория ее с прилегающими огородами и полями была достаточно велика.

Дали жизнь этой ферме англичане, приглашенные в Россию императором Александром I в 1817 году. Царь хотел положить начало освоению южных окраин города и сделать это на высоком, качественном уровне. Британцы занялись осушением и освоением земель, причем черную работу делали наемные рабочие и солдаты военно-рабочего батальона.

Благодаря всему этому в Петербурге появились сразу несколько казенных ферм — Глухоозерская, Охтинская, Шушарская. Однако вот гримасы государственного управления экономикой: уже вскоре после того, как Глухоозерская ферма была выведена на должный уровень, она постепенно начала хиреть. На городских планах XIX века хорошо видно, как уменьшается ее территория. В конце концов от фермы осталось лишь воспоминание. И «земли Глухоозерской фермы», которые принадлежали Кабинету Его

Императорского Величества, власть начала раздавать под новые проекты.

Один из таких проектов возник в середине XIX века.

В ту пору любое каменное строительство было жестко привязано к летнему сезону. В качестве скрепляющего материала тогда использовались известковые растворы, а они долго сохли. Застывая, эти растворы как бы отдавали воду. Строительный устав поэтому особо оговаривал: «Не дозволяется в городах каменные дома, построенные в одно лето, штукатурить до истечения года от окончания постройки». Забота понятна: иначе прочность новой постройки оказалась бы под угрозой.

Так что строили летом, а к отделке и штукатурным работами приступали только со следующей весны.

В 1820-е годы был, наконец, изобретен портландцемент, способный твердеть при взаимодействии с водой. Этот материал разом решал большинство проблем и достаточно быстро вошел в строительную практику европейских стран. А вот Россия подключилась к общему процессу с запозданием. В том, что это все-таки произошло, большая заслуга химика и технолога генерал-майора Алексея Романовича Шуляченко. Ученик Менделеева и его младший коллега по химической лаборатории Петербургского университета, Шуляченко разработал свой собственный оптимальный состав смеси для получения портландцемента. И сделал все, чтобы в Петербурге открылся первый в России цементный завод.

Он и открылся — Глухоозерский завод по производству портландцемента. Помещалось предприятие на «землях Глухоозерской фермы», рядом с железной дорогой, примерно за территорией нынешнего

Завода турбинных лопаток. Шуляченко сам возглавил технологический отдел предприятия.

Конечно, не все было просто с продвижением портландцемента на рынок. Прежде всего новая продукция была дорога, а потому использовать его могли лишь очень состоятельные люди. В Петербурге среди пионеров был миллионер фон Дервиз, строивший свой особняк на Английской набережной...

Но Шуляченко и здесь нашел выход, позволивший цементу обрести-таки общенациональную популярность. Он придумал составлять известково-цементные растворы и научно обосновал их преимущества. И это способствовало началу строительного бума рубежа XIX и XX веков.

НЕСБЫТОЧНЫЙ «ЦАРСКИЙ ГОРОДОК»

В конце XIX столетия освоение пустырей Стекланного городка (или «земель Глухоозерской фермы») продолжилось. На Глухоозерской улице появился комплекс построек Попечительства о народной трезвости. Создано было это Попечительство в 1894 году и, вопреки названию, занималось не только отвлечением народа от пьянства. Летом 1899 года, например, на Глухоозерской, 4, оно открыло гостиницу для рабочих на 200 кроватей, причем малообеспеченные труженики могли получить здесь не только приют, но и медицинскую помощь, а также пищу.

Что же касается битвы с алкоголем, то здесь Попечительство особо напирало на культурный отдых. Считалось, что он поможет вытеснить старые пагубные привычки. Не будем спорить, так ли это: наше дело факты. При Попечительстве на Стекланном заводе работали бесплатные музыкально-педагогические классы русской народной музыки, которыми руководил известный музыкант Николай Привалов. Два-три раза в неделю, а также по праздникам давал спектакли театр Попечительства. Репертуар его был вполне достойный: гоголевский «Ревизор», фонвизинский «Недоросль», грибоедовское «Горе от ума», множество других пьес Островского, Сухово-Кобылина, Тургенева. Преобладали, как нетрудно понять, отечественные

Здание студии «Леннаучфильм». Фото 2006 г.

авторы, но можно было увидеть тут и «Отелло» Шекспира. И даже оперы!

Ни само Попечительство, ни работавший с успехом театр до наших дней, разумеется, не дожили. Но просветительские традиции этих мест были вполне продолжены открытой в 1933 году кинофабрикой «Союзтехфильм» (впоследствии «Лентехфильм», ныне студия «Леннаучфильм»). Этому очагу научно-популярного кино как раз и достались владения бывшего театра на Глухоозерской (Мельничной) улице, 4.

Историки перечисляют названия многочисленных картин студии: «Ландшафт», «Землетрясения и горообразование», «Формы земной поверхности», «Тело человека и животных», «Работы академика Павлова», «Иглокожие», «Кузнецкое дело», «Электрификация СССР», «Селекция в борьбе за урожай». Все они давали рабочему зрителю важную, нужную, полезную информацию.

Проходная студии «Леннаучфильм». Фото 2006 г.

В первое время фабрика снимала по двадцать лент в год, но очень быстро число их выросло до сорока. В годы блокады на базе студии сняли 17 тысяч метров хроники. После войны в числе сценаристов студии были писатели Константин Паустовский и Виталий Бианки. Всего же студия создала более четырех тысяч фильмов!

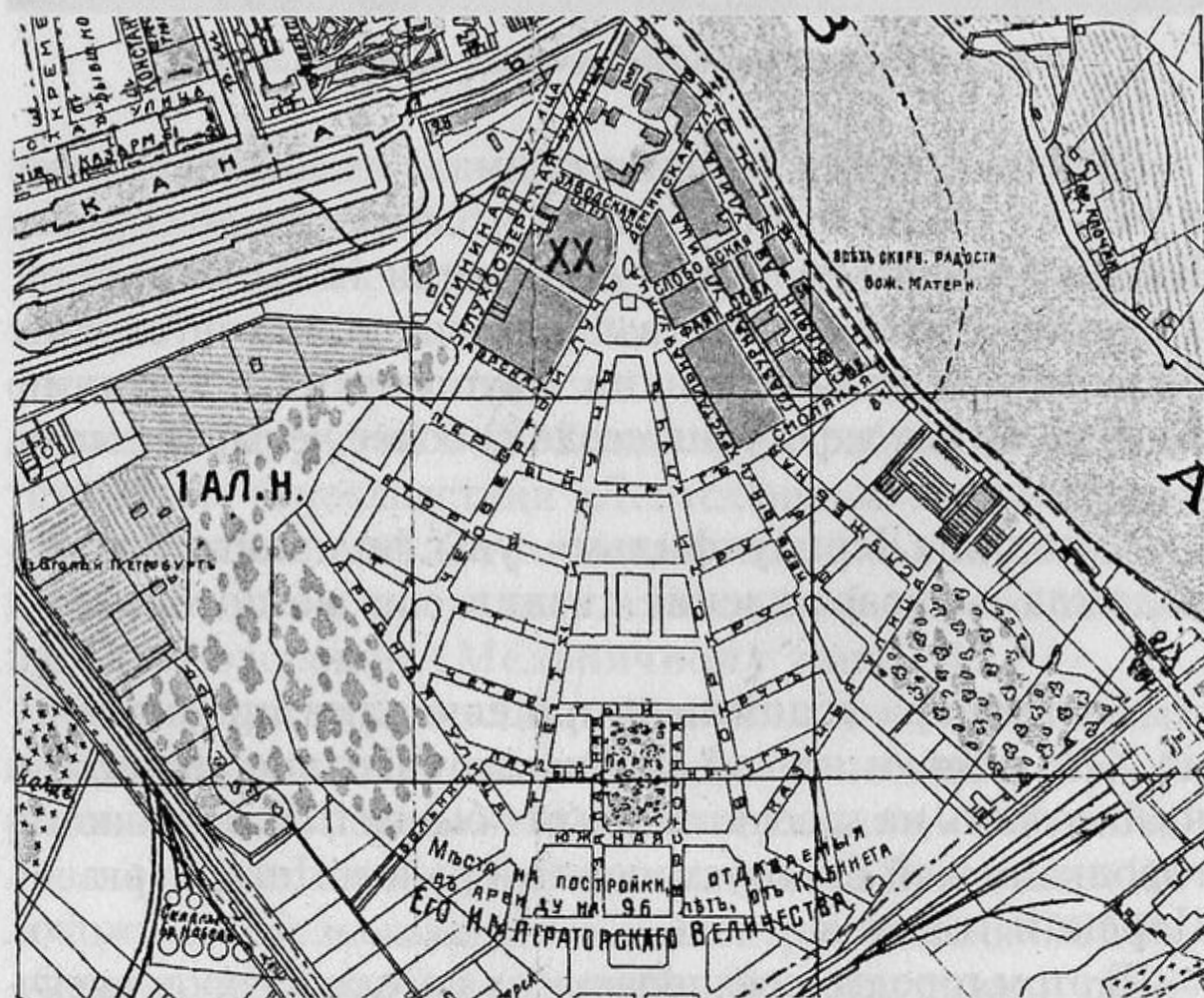
Сегодня «Леннаучфильм», увы, не процветает, но надежда на возрождение студии еще не потеряна...

А нам пора вспомнить про еще один проект конца XIX века, и на сей раз исключительно масштабный: создать на казенных землях бывшего Стеклянного городка новый благоустроенный район Петербурга — Царский городок.

В этом городке предполагалось поселить сорок тысяч человек. Газетчики радостно предвещали: «С 1902 года

для нашей столицы наступит новая эра: огромное пространство земли, с правильно размежеванными и замощенными улицами, с садами, парками, целой сетью электрических дорог и водоснабжением присоединится в совершенно благоустроенном виде к Петербургу... Это будет чудным подарком к двухсотлетию Петербурга».

С чудным подарком, однако, оказалось не все так просто. Успешно был преодолен лишь самый первый этап — планировочный. Центром Царского городка решили сделать площадь с обширным парком в центре. От нее в южном направлении должна была расходиться сеть улиц — радиальных (Лучи) и круговых (Круги). Всего в новом районе собирались проложить 29 новых проездов, построить церковь и рынок, разбить не только

План Царского городка

парк, но и три сквера, возвести паровую и электрическую станции. А для удобства сообщения с городом — перебросить новые мосты через Обводный канал.

Из этих замыслов удалось воплотить немного. Скажем, улицы-лучи и улицы-круги вправду были проложены — через десятилетие после возникновения громких планов. Их так и называли — 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Луч, а также 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й Круг. Попутно возникла и Казачья улица — в честь квартировавших за Невской заставой казаков.

С реальной застройкой оказалось сложнее. Власти дискутировали между собой на тему, кто и за какой фронт работ должен отвечать. На это накладывалась проблема вечного дефицита средств. Единственной крупной постройкой, появившейся в итоге на новопроложенных улицах Царского городка, стал Психоневрологический институт академика В. М. Бехтерева. Его корпуса выросли на Казачьей улице.

Примечательно, что на картах Петербурга Царский городок обозначали во всей его красе, со всеми проездами и улицами. Это был своего рода аванс на будущее, имевший глубокие исторические традиции. В середине XVIII века картографы нередко поступали так же: «запечатлевали» на картах еще не созданные, но намеченные в замыслах кварталы...

Сегодня реликвий Царского городка за Невской заставой осталось немного: бехтеревский институт да название улицы 2-й Луч. Казачья улица получила имя Бехтерева, часть 4-го Луча вошла в состав улицы Профессора Качалова, часть 1-го Круга — в улицу Книпович. А от остальных Кругов и Лучей не осталось и следа.

ПСИХОНЕВРОЛОГИЯ ОТ БЕХТЕРЕВА

Прозвучали слова о бехтеревском институте — и самое время рассказать поподробнее об этом уникальном заведении. Стоит предупредить тех, кто отправился с книгой за Невскую заставу пешком: нынешняя система улиц заставы несколько запутанна, и, двинувшись к институту, вы рискуете здесь заплутать. Вернее всего будет такой маршрут: отправиться к инсти-

*Институт Бехтерева.
Фото 2006 г.*

титу от проспекта Обуховской Обороны по улице профессора Качалова, свернуть на Хрустальную, а с нее уже на улицу Бехтерева, где и стоит институт. А после осмотра вернуться обратно тем же путем. Путь будет круговой, но вполне надежный.

Итак, институт Бехтерева. Открылся он, надо сказать, вовсе не за Невской заставой — на Невском проспекте, 104, в специально арендованных для этого помещениях. Случилось это осенью 1908 года. В то время

комплекс в Царском городке даже еще не строился, но уж больно был высок интерес к новому учебному заведению. Владимир Михайлович Бехтерев задумал необычное учреждение, где должны были заниматься не только психологией и неврологией, а познанием человека вообще. И параллельно с научными штудиями готовить кадры ученых и медиков.

Вот и пришлось опережать события...

Сам Владимир Михайлович был в ту пору сверхпопулярным врачом, к нему съезжались пациенты со всей России. Как записал в своем дневнике Корней Чуковский, «Бехтерев принимал больных до 2-х часов ночи... и так обалдевал после полуночи, что, приложив трубку к сердцу больного, не раз говорил, как спросонья:

— У телефона академик Бехтерев, кто говорит?»

И еще, о финансах:

«Обычная плата за визит — сто рублей.

Ради этих сторублевок Бехтерев ложился страшно поздно и потом весь день проводил в полусонной дремоте».

Впрочем, будем справедливы: Бехтерев уставал не только от врачебных приемов, но и от других сторон своей многогранной деятельности. Он преподавал,

Памятник В. М. Бехтереву, основателю Психоневрологического института. Фото 2006 г.

участвовал в конференциях и съездах, выступал с общественными инициативами, создавал новые медицинские заведения.

Затянутый им Психоневрологический институт строился на частные пожертвования. Основную часть комплекса спроектировал известный архитектор Роман Мельцер, много работавший при дворе и построивший целый ряд зданий для семейства Нобелей.

В 1911 году, когда первая очередь строительства за Невской заставой была завершена, Психоневрологический институт, наконец, въехал в свои законные помещения. В его главном здании (где ныне Институт токсикологии — улица Бехтерева, 1) читались лекции и проходили практические занятия. Преподавали здесь великие ученые — ботаник Комаров, историки Тарле и Венгеров и многие другие.

Но не стоит думать, что жизнь института с этих пор стала безбедной. Столичный градоначальник годом позже докладывал императору, что в институте налицо «определенно выраженное противоправительственное направление как преподавательского его персонала, так и всего состава слушателей». Резолюция Николая II гласила: «Какая польза от этого института для России? Желая иметь обоснованный ответ». Министр просвещения Лев Кассо желаемый ответ дал без труда: он предложил институт закрыть, ибо «противоправительственное направление... пустило слишком глубокие корни». А в начале 1917 года уже новый министр просвещения Николай Кульчицкий (сам медик, заслуженный профессор кафедры гистологии и эмбриологии) довел дело до победного конца: решение закрыть Психоневрологический институт было принято.

Триумф чиновников отменила Февральская революция.

С первых дней своего существования бехтеревский институт стал целым конгломератом ученых учреж-

дений. При нем создали психиатрическую клинику, клинику нейрохирургии и хирургии, педологический, криминологический и психиатрический институты, а также первый в мире Экспериментально-клинический институт по изучению алкоголизма. Для последнего было возведено специальное трехэтажное здание с большой аудиторией, палатами, процедурными кабинетами, столовой, мастерскими.

Потом одни учреждения преобразовывались, другие закрывались: на счету бехтеревского института реорганизаций было великое множество. Но главное в том, что сам он выжил и существует доныне — как Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В. М. Бехтерева (официальный адрес — улица Бехтерева, 3).

...Когда пишут о Бехтереве, обычно вспоминают его неожиданную смерть в декабре 1927 года. Наверное, всем известен рассказ о том, что накануне своей кончины Владимир Михайлович осматривал Сталина и вынес диагноз: «паранойя». Об этом академик рассказал неким собеседникам, за что и был отравлен. Нелишне напомнить, что эту версию в начале перестройки озвучила внучка Бехтерева Наталья Петровна. А спустя несколько лет, в 1995-м, она же сделала заявление в газете «Аргументы и факты»:

«Это была тенденция объявлять Сталина сумасшедшим, в том числе с использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было, иначе мы бы знали. Дедушку действительно отравили, но из-за другого. А кому-то понадобилась эта версия. На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что это так и было».

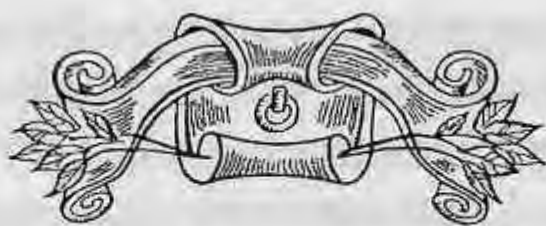
Так кто же отравил Бехтерева? Свой ответ на этот вопрос дал Игорь Губерман — известный поэт, автор популярных «гариков». В 1970-е он писал научно-популярные книги, и в их числе — повесть о Бехтереве.

В одном из интервью последних лет (американскому русскоязычному журналу «Вестник») Губерман сообщил свое мнение о «сталинской» версии:

«Я знаю эту версию — чушь собачья. Эту версию принесли, очевидно, в 1956 году врачи, возвращавшиеся из лагерей... Бехтерев действительно обследовал Сталина как невролог... В ту же ночь он умер, отравившись. Однако у Сталина тогда еще не было достаточной команды для такого тайного убийства. И главное — Бехтерев был настоящий врач, дававший некогда клятву Гиппократу и учивший студентов свято ее придерживаться. Поэтому, если бы даже он обнаружил у Сталина паранойю, он бы никогда не сказал об этом вслух... Когда я писал книжку о Бехтереве, я написал письмо его дочери, жившей за границей, и осторожно спросил о версии отравления. Старушка очень бодро ответила мне: „Конечно, конечно, все это знали: его отравила мерзавка молодая жена...“».

Впрочем, и это — не более чем версия...

«ХРИСТИАНИ» И ЛЕНИН

А мы, наконец, отправляемся вперед по проспекту Обуховской Обороны, минуя не раз упомянутую улицу профессора Качалова. Слева от нас — зеленая зона, а правая часть проспекта здесь обязана своей застройкой советским временам: на месте складских построек и деревянных жилых зданий здесь возвели целую вереницу домов в духе сталинского ампира.

Впрочем, самая масштабная постройка на этом отрезке нашего пути все-таки из более раннего времени. Финляндский железнодорожный мост был переброшен через Неву в 1910—1913 годах. Тогда решено было построить ветку железной дороги, которая соединила бы два важнейших направления — московское и финляндское.

Железобетонная эстакада длиной больше 600 метров прошла над всей территорией Стеклянного городка. Проектировала это сооружение датская фирма «Христиани». За Невой, на правом берегу, эстафету принимает металлический путепровод длиной больше километра — еще одно впечатляющее инженерное сооружение...

Сам же мост был возведен целой командой архитекторов и инженеров — в их числе были известные мастера Николай Белелюбский, Григорий Кривошеин, Владимир Апышков. Нельзя сказать, что с архитектурной

точки зрения постройка очень им удалась: облик моста не слишком органичен для Санкт-Петербурга. Разве что с промышленными строениями Невской заставы возникла определенная перекличка, но ведь и за заставой находились не только цеха и железные конструкции. А вот такая тесно связанная с мостом постройка вызывает симпатию, так это скромный станционный павильон, поставленный у моста (проспект Обуховской Обороны, 20).

На исходе советского времени, в середине 1980-х, параллельно старому мосту с низовой его стороны был сооружен новый, своего рода дублер. Пролетные строения моста были собраны на берегу, а затем с помощью понтонов доставлены на место. Эта операция широко освещалась в прессе.

А для нас Финляндский железнодорожный мост — хороший ориентир, позволяющий напомнить о нескольких других страницах истории Невской заставы.

Финляндский железнодорожный мост. Фото 2006 г.

В допетровские времена как раз на этом месте находилась небольшая деревушка Хаапаси, она же Осиновая. В 1505 году здесь числились три двора, на которых жили крестьяне Ивашко Палкин, Фомка Васильев и Остап Гридин. Полтора века спустя в деревне оставался лишь один двор, где обитали Марко Иванов и его сын Моисей Марков. Многолюднее здесь не стало и в более поздние годы: известно, что перед самым основанием Петербурга здесь жил лишь человек по имени Мяюра.

«Поле пустоши Хаапаси — плохая песчаная земля», — записывали тогда составители шведской карты этих мест. Унылый пейзаж был здесь и много позже, четыреста с лишним лет спустя. Путеводитель 1931 года описывал находившийся здесь «проход по мосткам через заболоченное поле к одиноко возвышающимся зданиям института и психиатрической больницы». Имеются в виду строения бехтеревского института, к которым теперь напрямую отсюда не пройти. «Ландшафт и мостки, — не без иронии добавлял путеводитель, — переносят в обстановку первых лет застройки Петербурга».

А в 1947 году, когда советская страна пышно праздновала 30-летие Октября, была устроена большая зеленая зона у железнодорожного моста, по правую руку от проспекта Обуховской Обороны. Новый уголок отдыха — да и не уголок, а вполне обширный сад, протянувшийся от Слободской улицы до улицы Книпович! — назвали в честь славного юбилея: сад имени 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Любопытно, что аккурат рядом с этим садом параллельно проспекту Обуховской Обороны проходит маленькая улочка по имени Стеклянная. Известно, что именно на ней жил рабочий Костин, участник

марксистского кружка, которым руководил молодой Владимир Ульянов-Ленин. И на квартире у Костина Ленин бывал. Так что название сада — своего рода напоминание об этой страничке истории.

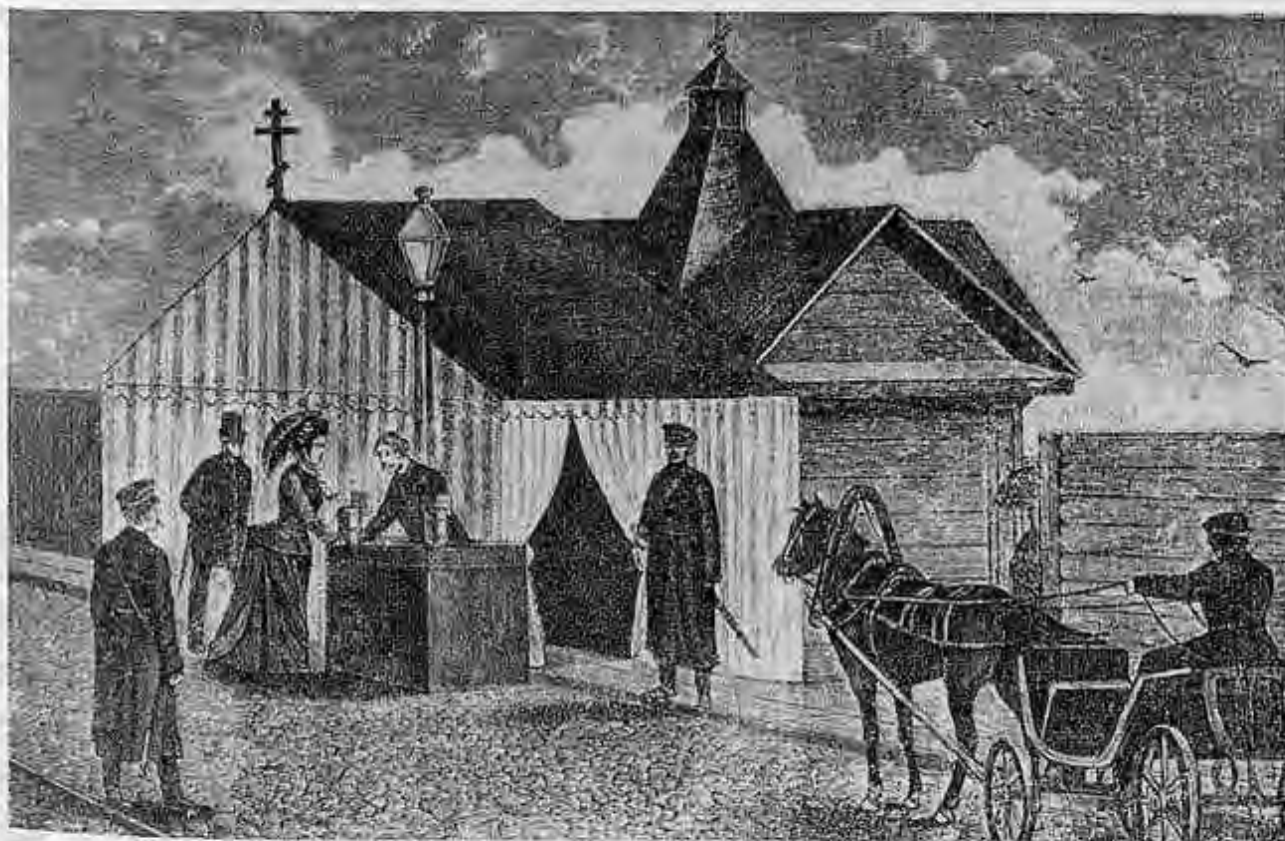
Для нас же первый ленинский адрес на территории Невской заставы — пролог к будущим рассказам о революционной истории этого петербургского предместья. Она богата, эта история, и в ней много любопытных страниц — совсем не таких, какими они предстают в унылых школьных учебниках...

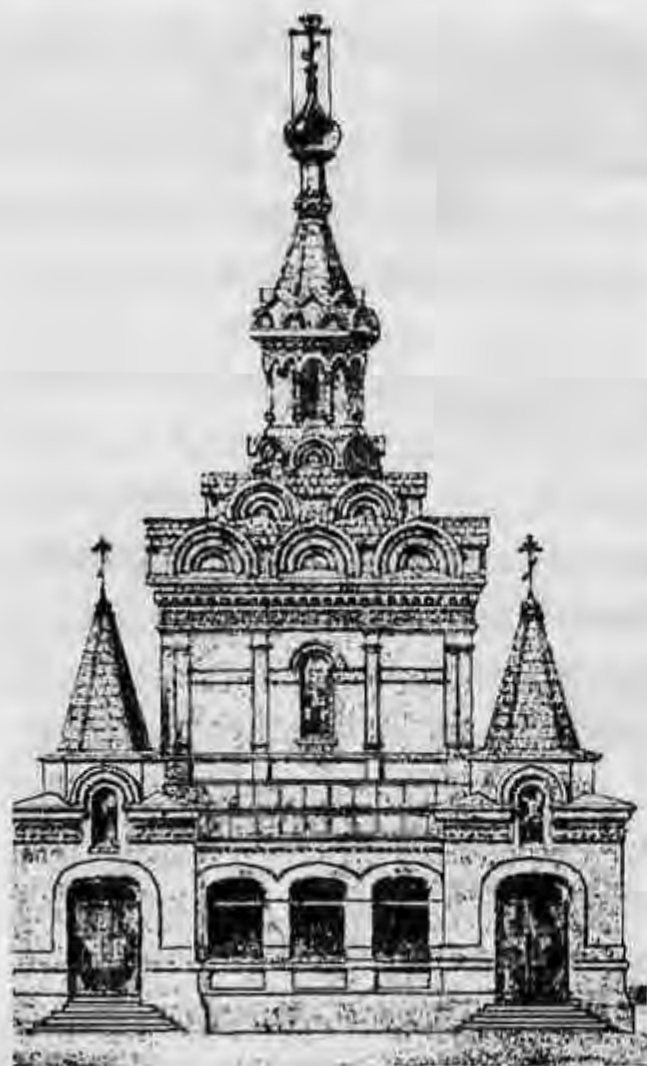

ЧУДОТВОРНЫЕ

Скорбященских храмов — если говорить точнее, церквей Божией Матери Всех Скорбящих Радости — в старом Петербурге было несколько. Самые старые — на Шпалерной улице и надвратная в Александро-Невской лавре. В середине XIX века появилась и Скорбященская церковь в Новодевичьем монастыре, что на нынешнем Московском проспекте. Но самой почитаемой и самой знаменитой Скорбященской церковью Северной столицы суждено было стать другому храму.

Часовня Скорбящей Божией Матери с навесом в 1888 г.

*Проект каменной часовни,
сооружаемой на месте деревянной*

Небольшая деревянная часовня Тихвинской Богоматери, по преданию, еще со времен Екатерины II стояла на Шлиссельбургском тракте в Стеклянном городке. И была в ней икона Тихвинской Божией Матери, найденная когда-то лодочниками прямо в водах Невы.

Во время катастрофического для Северной столицы наводнения 1824 года часовню перенесло течением на противоположный берег реки, в селение Ключки. Там ее и решили оставить. А для иконы, возвращенной жителями Ключков в селе-

ние Стеклянного завода, была здесь построена новая часовня. Со временем она пополнялась святынями, и среди них был пожертвованный купцом Семеном Ивановичем Матвеевым образ Божией Матери Всех Скорбящих Радости. Этот образ долгие годы хранился в семье Матвеева и считался его родовой святыней. По преданию, один из предков купца нашел икону на берегу Невы. А сам Матвеев однажды попал на Неве в сильнейшую бурю, лодка его перевернулась, и он, уцепившись за доску, терял последние силы. Тогда в отчаянной молитве купец обратился к Божией Матери Всех Скорбящих Радости с просьбой о спасении. Как писал протоиерей Самуил Наркевич, «Заступница Усердная услышала просьбу погибавшего

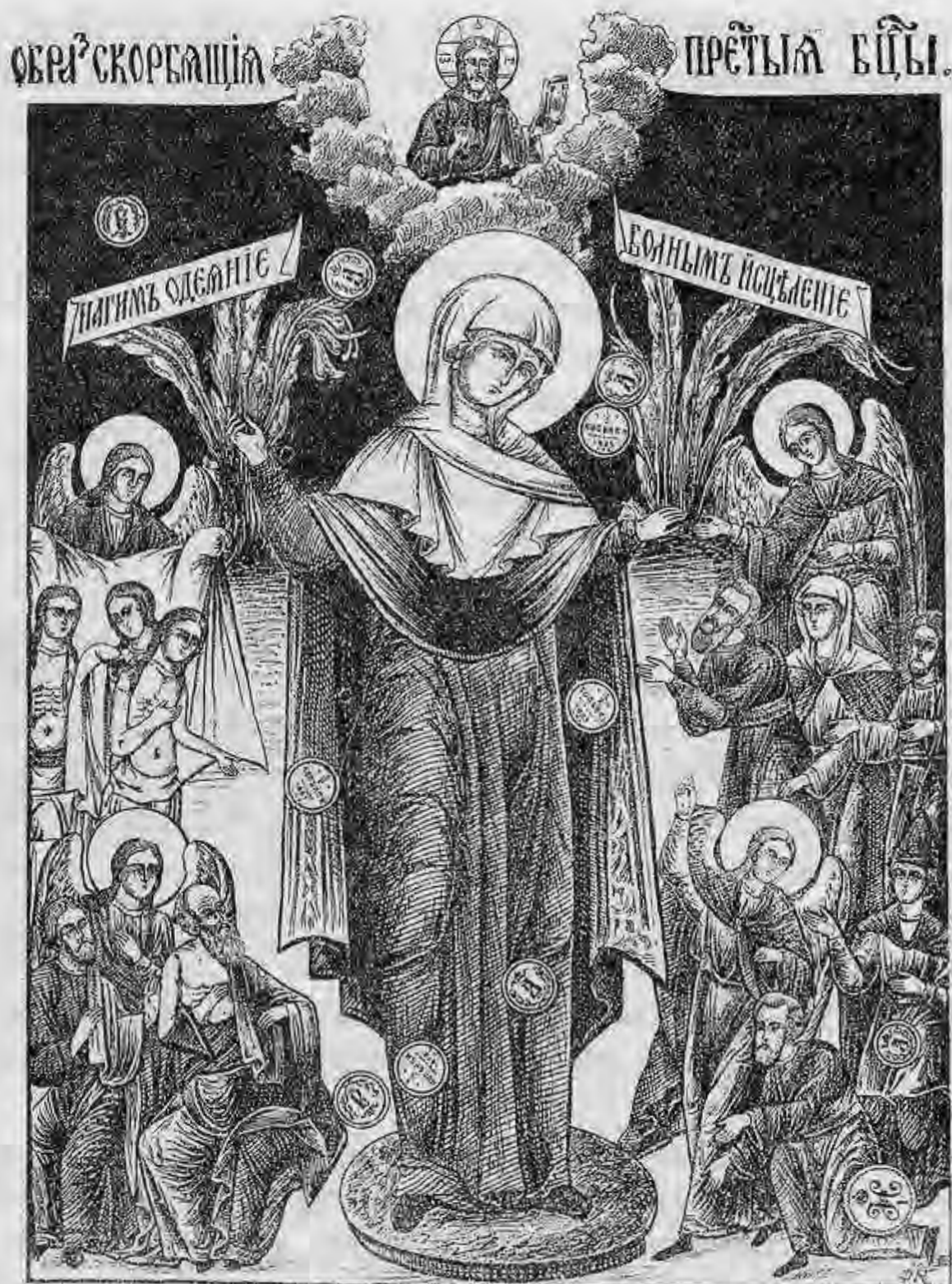
Матвеева и подала благовременную помощь. Подул боковой ветер, и доску с утопавшим прибило к тому месту, где стояла Тихвинская часовня. Матвеев возблагодарил Владычицу Небесную за свое спасение и пожертвовал в часовню свой родовой образ Богоматери».

После этого события часовня пережила очередное свое рождение: вместо обветшавшей местные жители возвели новую. А в летний день 23 июля 1888 года случилось здесь событие необыкновенное. В два часа пополудни над Петербургом и его предместьями разразилась сильнейшая гроза. При втором ударе грома молния ударила в часовню и проникла внутрь нее. Начался пожар.

Когда огонь потушили и начали выносить упавшие и загрязненные во время тушения иконы, увидели: «икона Божией Матери дивно обновлена небесным огнем; потемневший от времени и копоти лик Богоматери просветлел, и к нему чудно пристали, совсем не вдавленные в краску, одиннадцать грошиков из разбитой молнией кружки для жертвований». Эти грошики были: девять полукопеек и одна четверть копейки времен Александра II, а также одна полукопейка чекана Николая I.

Протоиерей Наркевич в своей книге, посвященной иконе, писал:

«Как то обстоятельство, что монетки эти не отпадали, хотя не были вдавлены в икону, а держались на ее поверхности, так равно и то, что Владычице Небесной угодно было обновить Свой образ и принять к изображению Своего лика именно самые мелкие медные монетки, напоминавшие лепты удостоившейся особенной похвалы от Господа евангельской вдовицы, — все это невольно заставило увидеть в совершившемся не действие одних лишь естественных сил, но и проявление через грозные силы природы всеблагото промысла Божественного о спасении человека».

Истиннѣ подобіе
съ Чюдотворнаго Образа Скорбящей Божіей Матери, какою она оказалась после грозы разразившейся 23 июля 1828 года,
надъ часовнею находящеюся въ С. Петербургѣ, въ жилищности принадлежащей къ Стекланному Забѣдѣ

Икона Божіей Матери с грошиками

Уже на следующий день после пожара к храму стали стекаться верующие, чтобы отслужить здесь молебен. После нескольких случаев исцеления недужных образ Божией Матери Всех Скорбящих Радости стал считаться

чудотворным. Приток народа сюда стал так велик, что пришлось задуматься вначале об устройстве навеса для защиты молящихся от ветра и снега, потом об устройстве новой большой часовни (наподобие шатра над прежней), а затем и о строительстве церкви. Осуществлению последнего замысла помогло одно обстоятельство: весной 1893 года император Александр III вместе со своим семейством, проезжая по Шлиссельбургскому тракту на паровике после посещения малолетнего отделения Сиротского института (что находился на Куракиной даче), зашел в часовню и с благоговением молился перед чудотворной. Вскоре вышел указ о передаче причту из Кабинета Его Императорского Величества участка земли для строительства храма.

Начался сбор средств. Пять лет спустя новый большой Скорбященский храм был освящен — в «русском

*Церковь Скорбящей Божией Матери. Вид с Невы.
Фото 1900-х гг.*

стиле», возведенный по проекту выдающегося мастера модерна Александра фон Гогена при участии архитектора Александра Иванова. В первые годы XX столетия причт храма обзавелся собственным солидным зданием по другую сторону тракта, возведенным по проекту Густава фон Голи (оно сохранилось, его адрес — проспект Обуховской Обороны, 33).

А вскоре рядом с храмом была устроена еще и новая каменная часовня — светлая, облицованная кирпичом и украшенная мозаиками, с богато отделанными интерьерами (нынешний ее адрес — проспект Обуховской Обороны, 24). Историческую деревянную часовню разместили внутри новой, в ее правой части. В часовне по-прежнему находилась знаменитая икона «с грошиками».

Каждый год 23 июля здесь устраивался крестный ход, на который съезжались петербуржцы из разных

Перед церковью во имя Божией Матери Всех Скорбящих Радости. Фото 1900-х гг.

частей города. «Сходить на поклонение к святыне, помолиться перед нею — душевная потребность каждого православного жителя Петербурга», — писала одна из городских газет в начале XX века. А вот свидетельство протоиерея Наркевича: «Не только люди бедные, но и состоятельные, здоровые и немощные считают своим священным долгом совершать паломничество к великой святыне пешком, отказывая себе в удобствах сообщения в вагонах парового трамвая... Эти благочестиво настроенные богомольцы, подойдя к часовне, по праздникам часами терпеливо ждут очереди, чтобы войти внутрь ее, отстоять там молебен и приложиться к чудотворному образу».

Очевидно, бывала у Скорбящей и Анна Ахматова — не случайно же храм у Невы стал для нее неотъемлемой частью Петербурга в 1913 году.

Не все, впрочем, относились к святыне одинаково почтительно. Осенью 1910 года была сделана попытка ограбить храм и украсть оклад чудотворной иконы, который оценивался в 120 тысяч рублей. Попытка сорвалась, но при известии о ней скончался настоятель храма отец Митрофан Никифоровский. Ему на смену пришел новый настоятель, отец Иоанн Скипетров. Его имя вписано в историю церкви отдельной строкой. В начале 1918 года группа революционно настроенных товарищей с оружием в руках ворвалась в Александро-Невскую лавру, чтобы реквизировать ее помещения и имущество. Звонари ударили в набат, грянула стрельба. Отец Иоанн Скипетров находился тогда в лавре и попытался обратиться с увещеваниями к солдатам. Одной из пуль он был смертельно ранен: пуля попала в рот, раздробила челюсть и засела в шее. На другой день священник скончался. Он стал одним из первых новомучеников Русской Православной церкви.

А в 1911 году в ограде Скорбященской церкви, ближе к Неве, была погребена известная богомолка и странница Матренушка-босоножка, представленная даже некогда Николаю II и его семье. Она была популярна и среди простых горожан, которые искренне верили в ее чудотворную силу и дар провидения. Считалось, что молитва Матренушки помогает одолеть пьянство.

Матрена Петровна Мыльникова была родом из Костромы, состояла замужем за мещанином, имела свою бакалейную лавочку. Но Русско-турецкая война 1877—1878 годов, с ее небывалым подъемом патриотических настроений в стране, положила конец размеренной жизни. Супруги Мыльниковы отправились в армию: он солдатом, она сестрой милосердия. А когда муж Матрены Петровны погиб, она распродала свое имущество, раздала деньги бедным и пустилась странствовать. Куда только не заводили ее пути-дороги! Была она на Соловках, в других российских монастырях, четырежды — в Иерусалиме. Приняла тайный постриг в монахини. Ходила всегда босиком, невзирая на погоду, носила легкую белую одежду, а в руках держала непрменный посох.

Последние десятилетия своей жизни Матренушка провела в столице, а с конца XIX века обитала у Скорбященской церкви. Квартира ее была в небольшом деревянном доме близ храма. Сюда к ней за советами, утешением, молитвой сходились многочисленные почитатели, и иногда она принимала до ста человек в день. Богатые посетители жертвовали Матренушке-босоножке деньги, которые она отдавала на благотворительность.

Весной 1911 года Матренушка скончалась. По некоторым данным, она не дожила лишь трех лет до векового юбилея. При громадном стечении публики старица была погребена возле недавно построенной

часовни. Уже в недавнее время место последнего упокоения Матренушки-босоножки было заново отмечено надгробной плитой...

Сам Скорбященский храм до наших дней не дожил. 26 ноября 1932 года его закрыли, потом долго шла дискуссия о дальнейшей судьбе здания — его то передавали заводу «Большевик» под общежитие, то решали его снести для расширения речного порта. В конце концов церковь снесли.

А вот часовня сохранилась до сих пор и по-прежнему радуется глаз своим изяществом — несмотря даже на то, что внешнему ее облику минувшие годы нанесли заметный урон. В советское время здесь производили какие-то резинотехнические изделия. С 1991 года часовня снова является действующей.

А чудотворный образ с конца 1940-х годов хранится в другом знаменитом храме Невской заставы — в Троицкой церкви, более известной как «Кулич и Пасха».

СЕННОЙ РОЖОК

Не только Смольный обязан своим именем смолянскому делу. За Невской заставой среди амбаров были и смоляные, и оттого новая улица, проложенная в 1871 году, получила имя Смоляная. Теперь это улица Книпович — в честь большевички Лидии Михайловны Книпович, вместе со своими подругами по партии преподававшей за Невской заставой в вечерне-воскресной школе для рабочих.

Угол улицы Книпович и проспекта Обуховской Обороны обозначен ярким примером сталинского ампира: жилой дом с граненой угловой башней построен в 1950-е годы. А сразу за улицей по правую сторону от проспекта начинается промзона. Впрочем, здесь есть одно совсем не промышленное, но очень примечательное строение — пожарная часть с невысокой каланчой, построенная в 1861 году (проспект Обуховской Обороны, 43).

А мы здесь припомним солженицынское описание пути за Невскую заставу. Точен в деталях Александр Исаевич, но петербургскую топографию былых времен знает все-таки не совсем хорошо. Вот упомянул в своем описании некий Рожок, разместив его за Семянниковским заводом, ближе к селу Смоленскому. А если бы изучил писатель повнимательней старые планы города, понял бы: никакого Рожка между за-

водом и селом быть не может. Потому что село следует сразу за заводом.

Это видно даже из современной топографии — Большой Смоленский проспект обозначает собою одну из границ территории Невского завода (бывшего Семянниковского).

А Рожок за Невской заставой действительно был, только в ином месте. Такое имя еще с XVIII столетия носила часть неевского берега (примерно в том месте, где к проспекту Обуховской Обороны выходит улица Книпович, а также южнее). Насколько употребительным было имя, можно судить из простого факта. В 1909 году в описании церквей Петербурга есть такая фраза: «К Александро-Невской лавре принадлежит также кинофия, расположенная напротив Рожка на правом берегу реки Невы». Рожок — как географический ориентир!

Названию своему, как гласит легенда, местность обязана купцу Рожкову, который устроил здесь пристани и лабазы (вскоре, правда, перешедшие к другим хозяевам). Между Шлиссельбургским трактом и Невой помещалась Рожковская пристань, а по другую сторону тракта — обширные Рожковские сенные магазины.

На месте этих магазинов и был отстроен в 1930-е годы Комбинат хлебопродуктов имени С. М. Кирова (проспект Обуховской Обороны, 45). В свое время его огромные корпуса считали ярким достижением молодой советской архитектуры. «По вечерам, освещенный электричеством, комбинат особенно эффектен, — с гордостью писал путеводитель по Ленинграду 1940 года. — Это здание является блестящим примером достижений индустриальной архитектуры, с простыми линиями и пропорциями, подчиненными промышленной функции». Строителям пришлось немало потрудиться, чтобы возвести здесь столь могучие корпуса: весь

Стеклянный городок стоит на торфяных болотах. Пришлось забивать около 9 тысяч свай...

До революции Рожковская пристань занимала первое место по грузообороту среди всех речных портов России. Именно она считалась конечным пунктом Тихвинской и Вышневолоцкой водных систем, крупнейших торговых путей, начинавшихся у Рыбинской пристани на Волге. Тихвинская, например, шла так: Рыбинск—Волга—Молога—Чагодоща и так далее, включая 145 верст по реке Тихвинке, 89 верст по Сяси и 58 верст по Неве. Всего 654 версты — до Рожковской пристани! Купеческие корабли везли с Волги в Санкт-Петербург хлеб, лес и древесный уголь, а в обратном направлении доставляли самый разнообразный товар — сахар, кофе, шоколад, вина, специи, металл, ткани, лекарства. Известно, что в 1812 году по Тихвинской системе перевезли товаров на 4 169 807 рублей — гигантская сумма по тому времени!

История Рожка продолжилась в советские годы. А после войны его постройки снесли. Уцелело немного: на проспекте Обуховской Обороны, 26 и 28, доныне стоят длинный Провиантский хлебный магазин на Рожке и домик смотрителя. Магазин выжил, видимо, потому, что его строили в 1819—1821 годах по типовому проекту выдающегося зодчего Василия Стасова, а домик, очевидно, за компанию.

КАЗАКИ У ЗАСТАВЫ

Сколько раз мы уже упомянули словосочетание «Невская застава»! Сама эта застава с неизменным шлагбаумом находилась и в середине XVIII, и в середине XIX столетия примерно в одном месте: «вверх по Неве Реке, при Ямской Смоленской», по определению Андрея Богданова (1751). В атласе Николая Цылова (1849) местоположение ее указано четко: за Рожковскими санными пристанями и магазинами — аккуратно перед зданием Провиантского хлебного магазина. Впрочем, и за шлагбаумом на некотором протяжении шли еще городские земли.

Сразу за заставой по обе стороны Шлиссельбургского тракта находились деревянные казармы, конюшни и цейхгауз лейб-гвардии Казачьего полка. Разместился здесь, правда, лишь один эскадрон полка: двум другим нашли место в других окраинных районах столицы. Рядом с казармами был устроен дом для командира полка полковника Чернозубова.

Казачи в красных полукафтанах и синих шароварах были нерядовым подразделением гвардии. Старый лейб-казак Иван Шамшев вспоминал:

«В „придворные казачьи команды“, из которых впоследствии составилась лейб-гвардии Казачий полк, избирались начальством войска Донского люди, отличавшиеся мужеством против неприятеля, а также известные нравственностью своею, здоровьем и силою.

Таким образом, в „придворных командах“ были иногда замечательные силачи, и о них ходила в народе громкая молва. Один из тогдашних офицеров этих команд, Таплин, рассказывал по поводу этому следующий случай: в последние годы своей жизни императрица Екатерина II во время пребывания своего в Царском Селе часто гуляла по парку с придворною дамою в коляске. В одну из таких прогулок испугавшись чего-то лошади понесли; кучер, истощивши все усилия остановить их, растерялся, и лошади бешено мчались. В эту роковую минуту случайно появился казак „придворной команды“ Мамин; увидевши опасность, какой подвергалась императрица, этот богатырь бросился к экипажу, схватился за одно из задних колес его и остановил экипаж. Императрица вышла из коляски и возвратилась во дворец пешком. Богатырь Мамин получил щедрую награду из рук царицы».

Из казарм на Шлиссельбургском тракте казаки уходили на главные сражения начала XIX столетия. В их числе был печально знаменитый Аустерлиц, о котором тоже вспоминал Шамшев:

«Среди Аустерлицкого боя, в решительную минуту для нашей гвардии, упорно теснимой, на топком болоте, далеко превосходящими силами французов, — в ту страшную минуту, когда вся наша гвардия уже была обойдена и путь к переправе через Гауеницкий ручей отрезан — явились лейб-казачьи эскадроны, проскакавшие не менее десятиверстного пространства. Увидя, что в наши гвардейские батальоны врезалась уже неприятельская конница, лейб-казаки стремительно бросаются ей во фланг, и ряды ее мгновенно смешиваются, расстраиваются; тогда лейб-казаки устремляются на вновь подошедшие колонны и завязывается ожесточеннейший рукопашный бой. Один за другим падают наши бойцы ранеными или убитыми; убит во

главе эскадрона любимый всеми однополчанами штаб-ротмистр Филиппов, упал с убитой лошади и другой храбрый офицер, поручик Чеботарев. Лейб-казаки выхватывают из пыла сечи труп Филиппова, чрез массы неприятеля летят на помощь Чеботареву, окруженному французами и отбивающемуся от них саблею у трупа своей лошади. Все раненые и убитые лейб-казаки не брошены товарищами их, а заботливо вынесены с поля битвы».

В пушкинское время на смену лейб-казакам в эти казармы пришли атаманцы — лейб-гвардии Атаманский полк, еще одно казачье подразделение столичной гвардии.

А в середине XIX века для казачьих частей гвардии были построены новые казармы — ближе к центру города, у Обводного канала. Но память о старых казармах осталась: не случайно, как уже знает читатель, проложенная в этих краях в начале XX века новая улица получила имя Казачьей.

Как сообщают историки революции, именно в той части Шлиссельбургского тракта в день Кровавого воскресенья 9 января 1905 года войска остановили шествие рабочих Невской заставы, направлявшихся к Дворцовой площади. В отличие от других мест столицы, столкновение здесь не приняло кровавого характера. Казаки Атаманского полка строго следовали приказу: не пропускать рабочих по тракту. Но ничуть не препятствовали манифестантам продолжить свой путь по льду Невы. Что рабочие и сделали. С ружейным огнем солдат они столкнулись уже в центре города...

«НЕВСКИЙ» РОК

С левой стороны между проспектом и Невой стоит Дворец культуры «Невский», построенный в 1968—1972 годах (проспект Обуховской Обороны, 32). Интересное дело: в создании этого здания приняли участие сразу несколько видных архитекторов (в их числе Евгений Левинсон и Юрий Земцов), пожалуй, их творение вряд ли можно признать удачей. Обычная коробка, к тому же мало оригинальная. Впрочем, путеводитель по Ленинграду 1986 года придерживался

Дворец культуры «Невский». Фото 2006 г.

весьма оптимистического взгляда на достоинства ДК: «Динамичные формы сооружения с наклонным покрытием и заглубленным стеклянным „экраном“ фойе эффектно воспринимаются на фоне партерной зелени и бульвара, открытых просторов Невы».

Любопытно, что этот ДК вообще-то мог стать совсем иным. Первый проект его, разработанный под руководством того же Евгения Левинсона, родился в 1953—1954 годах. Тогда господствовал сталинский ампи́р, и спроектированное здание соответствовало стилю на все сто. В чем-то оно напоминало Биржу на Стрелке Васильевского острова. Строительство ДК (или клуба Невского завода) началось, но затем его приостановили почти на десятилетие. А когда решили дворец достроить, Евгений Левинсон с новой группой соратников создал абсолютно новый проект. Со старым его роднили лишь общие размеры здания — дабы использовать уже начатый фундамент...

Однако в историю городской культуры ДК «Невский» вошел не благодаря своим архитектурным достоинствам или недостаткам. Сразу после открытия он стал центром культурной жизни Ленинграда, причем для неформальной культуры ДК стал настоящей Меккой.

В декабре 1974 года в ДК имени Газа на проспекте Стачек состоялась первая разрешенная властями выставка неофициальных художников. В течение четырех дней здесь были представлены работы 52 художников. Горячее обсуждение проходило прямо в залах выставки, а затем и за ее пределами, причем ни у кого не было сомнений: увиденное явно вступает в конфликт с официальным советским искусством.

Годом позже, 10—20 сентября 1975 года, такая же экспозиция была устроена в ДК «Невский». Здесь

участвовали уже 88 художников, выставивших несколько сотен работ. Из осторожности власти допускали в зал по 20 человек на 1 час, и поэтому все дни у ДК «Невский» стояли огромные очереди.

В официальной прессе тогда звучали такие оценки: «Демонстрация этих псевдоноваторских работ свидетельствует прежде всего о духовной бедности их авторов». Немудрено, что выставка в ДК «Невский» оказалась не только второй, но и последней. Однако свою роль экспозиции сыграли. Благодаря им ленинградский авангард получил неофициальное название «газаневской культуры».

Выступали в ДК «Невский» и далекие от советских канонов музыканты. Осенью 1976 года, например, здесь играла недавно образованная группа «Арсенал» с Алексеем Козловым. В своей книге «Козел на саксе» тот вспоминал, как «толпа ленинградских хиппи, смешанных с урловой молодежью люмпенского типа, возбужденная нашей музыкой, в финале концерта стала скандировать: „Арсенал!.. Арсенал!..“. Но в этом ничего страшного не было, если бы они вдруг не перешли на совсем другие выкрики. Сперва я подумал, что слышался. Они стали в том же темпе скандировать: „Ленин!.. Ленин!“ Что это значило, я не знаю до сих пор. Думаю, что здесь проявилось типичное для ленинградцев сюрреалистически-прикольное мышление. Как тут не вспомнить Хармса и Заболоцкого. Слава Богу, последствий от этого прикола не было».

В 1981 году в Ленинграде был создан городской рок-клуб, и этот факт оказал свое влияние на историю ДК. Здесь прошел первый крупный концерт рок-клуба — шестичасовой музыкальный марафон 4 мая 1981 года. Выступали на нем группы «Аквариум», «Пикник», «Мифы», «Аргонавты» и «Дилижанс». Как

писал Анатолий Гуницкий, «тогда-то задиристый рок-клубовский щенок гавкнул довольно громко, по-взрослому».

В 1980-е годы в ДК «Невский» выступали также группы «Кино» с Виктором Цоем, «Алиса» с Константином Кинчевым, «Аукцыон» с Олегом Гаркушей. А в 1986 году здесь при полном зале прошел фестиваль рок-групп, имевший большой резонанс в прессе, и не только в ленинградской.

«Из всех ансамблей, выступавших на фестивале в ДК „Невский“, несомненно, самое лучшее впечатление оставила группа „Зоопарк“. И дело здесь даже не в качественной стороне музыки и текстов, не в сценическом шоу. Хороших программ на фестивале было показано достаточно. Но вот одно „но“ соперники „Зоопарка“ упустили. При всей своей искусности и прочих отличительных качествах они играли так, как играют обычно. Выступление „Зоопарка“ было наполнено свежестью» (отзыв газеты «Комсомолец Заполярья»).

А вот и еще факт: сольные концерты давал здесь Александр Розенбаум. Одно из его здешних выступлений было записано на пленку, и сегодня эту запись вполне можно приобрести на компакт-диске.

ПОСЛЕДНЯЯ ГАСТРОЛЬ АРТИСТА

И еще страница из истории музыки. На сей раз трагическая.

В конце XIX века Иоаким Тартаков был одним из самых известных оперных певцов России. Обладатель лирико-драматического баритона, он блистал на сцене Мариинского театра в партиях Риголетто, Онегина, Демона. Был одним из первых в стране певцов, записавшихся для граммофонных пластинок. Состоял главным режиссером Русской оперы, получил звание заслуженного артиста Императорских театров.

После Октябрьской революции Тартаков остался верен своему театру и своему городу. Он активно выступал, ездил с концертами на предприятия — в то время и большие артисты не видели в таких выступлениях ничего зазорного. В конце концов, дополнительный заработок!

В воскресный день 21 января 1923 года Тартаков вместе со своими коллегами по театру выступал перед рабочими Александровского завода — далеко за Невской заставой, в театре «Революционная эстрада» (бывшем «Вена»). Исполнялась опера Верди «Аида», Тартаков пел партию царя Амонасро. А на обратном пути, уже поздней ночью, случилось непоправимое.

«На Шлиссельбургском проспекте автомобиль при крутом повороте попал передней частью в яму, вырытую

для столба, и, перевернувшись, придавил всей тяжестью пассажиров. При подаче первой помощи оказалось, что у И. В. Тартакова спинкой откидного сиденья раздавлена вся полость живота и тяжелое повреждение головы. Через короткое время последовала смерть».

Такое вот печальное сообщение поместил выходивший тогда «Еженедельник Петроградских государственных академи-

И. В. Тартаков. Фото 1890-х гг.

ческих театров». Любопытно, что в том же самом номере «Еженедельника» была дана и несколько иная версия событий. Районные власти «в виду целого ряда неточностей в газетных сообщениях» уточнили, что же именно происходило на Шлиссельбургском проспекте.

Спектакль закончился в час ночи. Участники его отправились в город на двух машинах, легковой и грузовой. Тартаков сидел в легковой. «Шофер вел ее по трамвайному пути, так как по тракту, ввиду выбоин, ехать было трудно. Скорость движения была нормальной».

«Около Семянниковского завода шофер заметил на путях трамвайных метельщиц и стал давать им сигналы. Метельщицы сошли с пути, кроме одной, которая стала метаться из стороны в сторону по направлению поворота руля. Желая спасти метельщицу, шофер круто повернул руль вправо, и от сильного толчка машина свалилась в ров, перевернувшись и покрыв собой всех сидевших в ней...»

Из семерых сидевших в легковой машине лишь один человек остался невредим. Пятеро получили ранения, пусть и серьезные, но для жизни не опасные. А вот Тартаков «был поднят в бессознательном состоянии с слабыми признаками жизни». Его доставили в больницу Александровского завода, где он скончался, не приходя в сознание.

Гибель 63-летнего певца вызвала шок в городе. Все музыкальные театры почтили память артиста. Петроградская филармония изъявила готовность учредить стипендию имени Тартакова.

В последний путь гроб с телом Тартакова сопровождала многотысячная толпа. Похоронили артиста в Александро-Невской лавре — не так уж далеко от того места, где оборвалась его жизнь.

ПЕРВЫМ БЫЛ «КРЕМЛЬ»

И вот уже в очередной раз упомянут Семянниковский завод, нынешний Невский. Самое время перейти к рассказу о нем, тем более что мы уже вплотную подошли к заводской территории (официальный адрес предприятия — проспект Обуховской Обороны, 51).

В пушкинские годы в этих местах находилась дача чиновника и архитектора Георгия Шишова, а также работала шелковая фабрика Бинарда — «одного из тех иностранцев, пребывание которых в России полезно отечеству нашему, по распространению ими полезных сведений по части мануфактурного производства». Можно подтвердить эти слова журналиста Владимира Бурнашева: фабрика Бинарда действительно дала толчок

Семянниковский (нынешний Невский) завод. Фото 1900-х гг.

Фасад здания завода им. В. И. Ленина. Фото 1934 г.

развитию шелковой промышленности. А управляющий ее А. Ниссен открыл с течением времени собственное предприятие уже за Нарвской заставой. Всего же у Бинарда работали около 1200 мастеровых, и выпускала фабрика ежегодно около 60 тысяч аршин разных шелковых тканей. В пушкинское время предприятие это стояло на первом месте среди производителей шелка в Северной столице...

Увы, предприятие Бинарда оказалось не очень долговечным. В середине XIX века в тех же местах открылось небольшое предприятие совсем другого профиля — чугунолитейное. Владел им англичанин Томсон. А в 1857 году его предприятие приобрели два горных инженера (и соученика по Горному институту) — генерал-майор Петр Федорович Семянников и подполковник Василий Аполлонович Полетика, решившие развернуть здесь судостроительное производство. Время тому благоприятствовало: все флоты мира активно переоснащались, переходили на металлические суда с винтовыми двигателями.

Были построены новые производственные корпуса, в том числе и то красно-кирпичное здание прокатной мастерской, что выходит фасадом на четную сторону проспекта. У Невы появились сразу три крытых эллинга,

размеры которых позволяли строить по два крупнотоннажных судна.

Первенцем нового завода стала броненосная батарея «Кремль», спущенная на воду весной 1868 года, за нею вскоре последовали броненосные фрегаты «Адмирал Спиридов» и «Адмирал Чичагов». Славы эти корабли, правда, не снискали. «Кремль», оснащенный таранным форштевнем, стал известен больше всего тем, что во время маневров из-за нелепого столкновения протаранил и пустил на дно российский фрегат «Олег»: это случилось уже в 1869 году. Аналогичный «подвиг» и на счету «Адмирала Спиридова»: двумя годами позже он протаранил броненосец «Адмирал Лазарев». Пострадавший корабль спасло от гибели одно лишь обстоятельство: авария случилась неподалеку от берега, в гавани Кронштадта.

Вины Невского завода в этих происшествиях нет: тогда броненосцы-тараны строились во всем мире. И все они рано или поздно сталкивались с такими же бедами.

1910 год — 3000-й паровоз

В конце концов от строительства кораблей этого типа отказались...

Тем временем завод испытывал все нарастающие проблемы. Государство не спешило с заказами на корабли. Поэтому владельцы предприятия решили расширить профиль — заняться постройкой паровозов для растущих российских железных дорог. Первый паровоз завода стал экспонатом Всероссийской промышленной выставки и был признан лучшим, за что предприятие наградили золоченым государственным гербом. Герб был прикреплен над воротами предприятия. Всего же завод за годы своей работы выпустил более четырех тысяч паровозов — значительно больше, чем кораблей, которых вместе с пароходами и подводными лодками набралось в итоге меньше двухсот.

Придав своему предприятию первоначальное ускорение, Семянников и Полетика, однако, не смогли обеспечить ему безбедное существование. Петр Федорович Семянников вообще был человеком не самого крепкого здоровья, да тут еще и неумеренные кутежи... Когда Семянников умер, дела Невского завода сильно осложнились: все-таки роль денежного мешка отводилась именно Петру Федоровичу, да и неформальные контакты с правительственными чиновниками поддерживал прежде всего он.

Интересы же Василия Аполлоновича Полетики были настолько широки, что одни его увлечения не могли не наносить ущерба другим. Полетика обрел известность как журналист, писавший на страницах крупнейших газет — «Санкт-Петербургских ведомостей», «Северной пчелы» и других. Много занимался общественной деятельностью. По словам современника, был он «человек живой, увлекающийся, прекрасный и остроумный оратор». Особенно яростно Полетика отстаивал протекционизм — идею поддержки и защиты отече-

ственных производителей на правительственном уровне, создания для них более благоприятных условий в конкуренции с иностранными предпринимателями. В конце концов он приобрел газету «Биржевые ведомости», придал ей весьма острый характер, потом преобразовал в газету «Молва», а еще через пару лет вынужден был свое издательское предприятие прикрыть.

Тем временем на заводских путях в ожидании покупателей стояли уже больше двухсот паровозов. В 1884 году предприятие даже закрыли на четыре месяца, потом оно вернулось к жизни — но это была уже не прежняя жизнь крупнейшего предприятия. А после смерти Василия Полетики завод снова закрыли, объявили банкротом и выставили на аукцион. Купил его инженер Валериан Титов, сумевший выложить сумму немалую — 691 тысячу рублей. Год спустя инженер переоформил предприятие на Московское товарищество Невского судостроительного и механического завода, крупнейшим акционером которого состоял знаменитый купец Савва Мамонтов.

Даже нынешнему читателю, уверен, известно это имя. Лавры Савве Ивановичу принесли не только коммерческие успехи, но и внимание к искусству. Мамонтов основал в Москве частную оперу, стоял у истоков Музея изящных искусств, был инициатором издания журнала «Мир искусства». В его имении Абрамцево под Москвой бывали Тургенев и Крамской, Репин и Левитан, Серов и Коровин, Станиславский и Шаляпин...

С Мамонтовым у завода пошла другая жизнь! Благодаря его усилиям (в том числе и непременным взяткам) удалось получить заказы на постройку больших серий миноносцев. Развернулось заново и строительство паровозов: они нужны были Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге, находившейся под контролем Мамонтова.

Однако азартен был Савва Иванович, хотел расширить дело! Передал Невскому заводу немалые суммы из кассы железной дороги — на развитие производства. А тут закрутилась интрига, к управлению дорогой пришли новые люди, Мамонтов был отдан под суд. И хотя присяжные его оправдали, Невский завод был им уже потерян.

Государство скупило акции предприятия. Так завод перешел к казне, и вот тут все наладилось как бы само собой. Заказы пошли один за другим, были построены новые эллинги и расширены мастерские. Завод построил десятки миноносцев, крейсера «Жемчуг» и «Изумруд», шесть подводных лодок, ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», активно участвовавшие затем в освоении Арктики (они впервые прошли Северный морской путь из Владивостока в Архангельск). На то время пришлось и крупное заводское торжество: 10 июля 1910 года, в день 50-летия с начала выполнения заводом крупных промышленных заказов, был выпущен трехтысячный паровоз.

И снова спад, а за ним очередная перемена: в 1912 году завод выкупила группа петербургских и французских банков, после чего его присоединили к Обществу Путиловских заводов. Так два знаменитых завода породнились. Любопытно, что в ту пору Путиловскими заводами управлял Алексей Путилов, однофамилец, но вовсе не родственник знаменитого создателя Путиловского завода.

В годы Первой мировой войны завод много работал на оборону.

А после революции вместо процветания начались проблемы. Вначале общие для всей страны — войны, разруха, — затем проблемы отдельно взятого завода. О них красочно говорит напечатанное «Ленинградской правдой» в 1931 году открытое письмо руководителей завода:

«Невский машиностроительный завод имени Ленина, десятками лет занимавшийся паровозостроением, начиная с 1924 г. стал ареной всякого рода экспериментов. В 1924—1925 хозяйственном году завод питался всякого рода случайными заказами, не имея вообще твердой производственной нагрузки. Закончив в 1925 г. изготовление и установку на Волховстрое шлюзных ворот со всеми его механизмами, он перешел к изготовлению различного рода машин для текстильной промышленности. Затем завод перешел на производство стационарно-водотрубных котлов „Стерлинг“, одновременно производя котлы для паровозов, стальную арматуру для перегретого пара, никелевые кольца и т. д. Только в 1929 г. после упорных требований всей заводской общественности завод получил заказ на танк-паровозы. Первый танк-паровоз был выпущен 15 февраля 1929 года. По поводу этого заводская газета „Молот“, отражая настроение рабочих завода, писала: „Как радостно забилося сердце у каждого рабочего, особенно стариков, когда они увидели дымящийся танк-паровоз, стоящий горделиво у 1-й механической“.

Этот заказ, наконец, определил в известной степени производственное лицо нашего завода. В два года завод сумел восстановить свою специальность, создать свой тип паровоза. Это дало большие возможности для плодотворной работы. Ленинцы развивали большевистские темпы и пришли к началу третьего, решающего года пятилетки с огромными победами на фронте паровозостроения. Промфинплан 2 года пятилетки был выполнен на 104 проц. и ударного квартала на 108 проц.

Но, несмотря на эти усилия, паровозостроение, к величайшему изумлению всех рабочих, было с нашего завода руками вредителей снято. Взамен паровозов завод стал изготавливать вспомогательные мелкие механизмы»...

Согласно канонам того времени открытое письмо в прессе не могло быть сугубо негативным. Дальше руководители сообщали, что три месяца назад правительство решило возобновить паровозостроение на Невском заводе. Но практическая реализация этого правильного решения задерживается. «Мы заверяем правительство, что данный нам заказ на паровозы страна получит в срок и высокого качества».

Тогда заводчанам удалось победить: новый заказ на строительство 110 танк-паровозов достался им. Танк — не оттого, что паровоз был бронированный, просто запасы воды в нем хранились в баках («танках») по сторонам парового котла. Но потом все-таки Невский завод имени В. И. Ленина был переориентирован на компрессоро- и турбостроение. Он стал флагманом своей отрасли, обеспечивая магистральные трубопроводы своей продукцией.

Расширилась и территория завода. До 1930-х годов у пересечения нынешних проспекта Обуховской Обороны и Большого Смоленского проспекта было несколько улиц и переулков — Варгунинская, Химическая, Купоросная и другие. Эти территории были отданы под новые заводские корпуса. Остался незастроенным лишь небольшой клочок земли у самого перекрестка, оживляющий сегодня своей растительностью общую перспективу.

Блокаду завод переживал наравне со всем Ленинградом. 4 ноября 1941 года летчик младший лейтенант Алексей Севастьянов совершил над городом ночной таран. Обломки немецкого самолета «Хейнкель-111» рухнули в Таврический сад и сгорели, севастьяновский истребитель И-153 упал в Басковом переулке. Летчики успели воспользоваться парашютами. Немцы были задержаны горожанами на улице Маяковского, а вот Севастьянов очутился на территории Невского

завода. Поначалу его приняли за вражеского десантника, но потом разобрались, кто есть кто...

Севастьянов и после тарана продолжал защищать Ленинград. Весной 1942 года в одном из воздушных боев он погиб. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Останки летчика долгое время разыскивали красные следопыты, и только летом 1971 года их поиски увенчались успехом. Алексей Тихонович Севастьянов был с почетом похоронен на Чесменском военном кладбище в Московском районе...

С Невским заводом связана и трагическая блокадная история семьи Савичевых, жившей на Васильевском острове. Всему миру известен дневник Тани Савичевой, лаконично зафиксировавший, как один за другим погибали члены этой семьи. Старшая сестра Тани, Женя, работала на Невском заводе. Когда зимой 1941 года трамваи остановились, ей пришлось ходить на работу пешком — через весь город. Она умерла первой, и в телефонной книжке Таня сделала запись: «Женя умерла 28 дек в 12.00 час утра 1941 г.». Потом одна за другой появились еще пять записей, после которых Таня написала на трех отдельных листках: «Савичевы умерли», «Умерли все», «Осталась одна Таня». Сама Таня Савичева ушла из жизни уже после снятия блокады, в эвакуации: ослабленный организм не выдержал...

А Невский завод после войны продолжал работать, обеспечивая нужды народного хозяйства. Но вот перестроечные годы не принесли предприятию новых радужных перспектив. Сегодня Невский завод работает далеко не в полную свою силу. Хотя и сегодня он поставляет свою продукцию — прежде всего турбины и компрессоры — в разные страны мира.

КРЕЙСЕРА

Вернемся в начало XX столетия. Начало августа 1903 года выдалось для тружеников Невского завода хлопотным. Мало того, что к спуску на воду готовился крейсер «Жемчуг», так еще и сам этот спуск обещал стать событием неординарным. На нем ждали государя императора, а потому для царского поезда даже проложили рельсовый путь.

И торжество грянуло! В 11 часов утра 14 августа 1903 года в присутствии императора Николая II «Жемчуг» сошел на воду. Три миноносца, специально для этого присланных к заводу из Кронштадта, салютовали ему 31 залпом своих орудий.

А 7 октября на заводе была еще одна церемония: на воду спускали крейсер «Изумруд». На сей раз императора не было. Из высоких чинов присутствовали глава морского министерства генерал-адъютант Павел Тыртов и контр-адмирал Зиновий Рожественский.

Быстроходные крейсера «Жемчуг» и «Изумруд» были построены по одному проекту. Казалось, их ждет блестящее будущее. Однако с первых же месяцев что-то не заладилось. Во время ночного наводнения 2 декабря 1903 года «Жемчуг» напором льда сорвало со швартовов и отнесло на ледовую банку, а «Изумруд» навалило на берег. Корпуса, к счастью, повреждений не получили. И работы по достройке были продолжены.

Летом 1904 года, уже после начала Русско-японской войны, оба крейсера совершили первые самостоятельные переходы от Невского завода по Неве и Финскому заливу в Кронштадт. Потом были ходовые испытания, приемка и отправка на Дальний Восток. «Жемчуг» шел в составе 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием Зиновия Рожественского, а «Изумруд» и здесь оказался на шаг позади — он попал в Догоняющий отряд вместе с несколькими другими кораблями.

Во время Цусимского сражения по приказу Рожественского оба крейсера должны были охранять головные броненосцы русской эскадры от минных атак. После первого трагического дня битвы они оказались в разных отрядах. «Изумруд» близко подошел к российскому берегу, надеясь найти запас угла, — но очутился на камнях. Попытки снять корабль с мели оказались безуспешны. Командир «Изумруда» был уверен, что японцы недалеко, а потому отдал приказ: крейсер взорвать!

Примечательным выдался путь моряков с «Изумруда» во Владивосток. Три недели они жили в селе неподалеку от взорванного крейсера. Потом комендант Владивостока передал по телеграфу приказание: закупить скот и пригнать стадо в город. Закупив двести голов скота, моряки двинулись в путь. По дороге стадо еще разросло — до пятисот голов.

На Вокзальной площади Владивостока моряков встречали как героев.

А «Жемчуг» в это время стоял в порту Манила на Филиппинах, куда он пришел вместе со своим отрядом. На родину крейсер смог отправиться только после заключения мира между Россией и Японией. Он проследовал во Владивосток, где вошел в состав Сибирской флотилии.

Но и ему не суждено было мирно окончить свои дни. В годы Первой мировой крейсер вошел в состав объединенной эскадры союзников для действий в Тихом и Индийском океанах. В октябре 1914 года он оказался в незащищенной бухте острова Пенанг (нынешняя Малайзия), где начались необходимые ремонтные работы. Вошедший в гавань под покровом темноты немецкий крейсер «*Emden*» двумя торпедами расстрелял «Жемчуг». Русский корабль затонул.

Сегодня в Малайзии хранят память о «Жемчуге». На Христианском кладбище острова высится монумент, на котором написано на русском и английском языках: «Русским военным морякам крейсера „Жемчуг“ — благодарная Родина». А на пьедестале монумента лежит плита с надписью: «Вы не забыты».

Не забыт и «Изумруд». С 1965 года на берегу бухты Владимира, недалеко от места его гибели, стоит памятник: стела, увенчанная чайкой. Надпись лаконична: «Крейсеру „Изумруд“».

И доньше отправляются к «Изумруду» дайверы, любители подводных приключений и искатели раритетов.

ВО ЛЬДАХ

Трагический итог Русско-японской войны, проблемы с отправкой вокруг света Тихоокеанской эскадры Зиновия Рожественского побудили правительство задуматься: а нельзя ли освоить более короткий путь к дальневосточным землям Российской империи?

Для этого требовались научные исследования. И вот в 1909 году Невский завод спустил на воду еще одну знаменитую пару судов. Мы их уже упомянули: это были ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач». Суда строились специально для арктических плаваний, оснащение позволяло ледоколам продавливать льды до 90 сантиметров толщиной, при этом округлые корпуса судов обеспечивали выдавливание, поднятие вверх корабля в случае попадания его в тяжелые льды. Запас угля составлял 500 тонн: этого хватало примерно на 12 тысяч миль пути. Экипаж каждого корабля включал в себя пятерых офицеров, инженер-механика, врача, тридцать девять низших чинов и кока. На случай вынужденной зимовки корабли обеспечивались запасом провизии на 15 месяцев, теплыми вещами, палатками, санями и прочими необходимыми в условиях Крайнего Севера вещами.

Практически со стапелей «Таймыр» и «Вайгач» отправались в далекий путь — вначале в Кронштадт, оттуда через Суэцкий канал во Владивосток. Первым командиром «Вайгача» был Александр Васильевич

Колчак, будущий адмирал и глава Добровольческой армии. Под его руководством пароход и проделал далекий путь. После прибытия на место была официально сформирована Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. Однако работа началась лишь годом позже: слишком поздно прибыли суда во Владивосток. К моменту исследований Колчак уже отбыл с «Вайгача»: его отозвали в Петербург...

Первые годы не принесли экспедиции больших успехов. Но уже в 1913 году экспедиция на «Таймыре» и «Вайгаче» под руководством Бориса Вилькицкого открыла Северную Землю и остров Вилькицкого, в 1914 году был открыт остров Жохова. Мало того: в 1914—1915 годах судам удалось пройти (с зимовкой) Северным морским путем из Владивостока в Архангельск. Это не удавалось еще никому! В Архангельске отважным мореходам была устроена торжественная встреча, с громом салюта, музыкой оркестра и приветственными адресами.

Вскоре после этого экспедиция была расформирована: время было военное, исследования Арктики отошли на задний план. Но «Таймыр» и «Вайгач» не расставались еще долго. Когда началась Гражданская война, Вилькицкий находился по-прежнему в Архангельске вместе со своими кораблями. Он перешел на сторону белых, получил чин контр-адмирала, вернулся к исследованиям Северного Ледовитого океана.

Осенью 1918 года «Вайгач» и «Таймыр» под командованием Вилькицкого осуществляли ледово-лоцманскую проводку парохода «Соломбала» с французской военной миссией по реке Енисей. Для «Вайгача» плавание оказалось роковым: в штормовом Енисейском заливе пароход наскочил на мель и затонул.

А вот «Таймыру» выпала куда более долгая жизнь. Он совершил множество исследовательских рейсов

по Арктике. А в 1938 году его имя стало известно всей стране. Еще весной 1937 года самолеты доставили на льдину в районе Северного полюса сотрудников и оборудование первой дрейфующей станции «Северный полюс». Людей было четверо: начальник станции Иван Папанин, радист Эрнст Кренкель, геофизик Евгений Федоров и океанограф Петр Ширшов. 274 дня продолжался дрейф папанинской станции, причем последние недели полярники находились в очень тяжелых условиях. Льдина таяла, дробилась, уменьшалась в размерах. На выручку папанинцам отправили было зверобойный корабль «Мурманец», но он не сумел одолеть льды.

Но помощь все-таки пришла. Утром 12 февраля 1938 года Эрнст Кренкель увидел далекий свет: «Заметил что-то вроде огонька на востоке... Следил за ним часа два. Над горизонтом огонь не поднимался, значит, не звезда. Зажег бензиновый факел и замахал им. В ответ мне мигали. Нет, это явно прожектор „Таймыра“. Разбудил товарищей, взяли пеленг. Радость-то какая огромная. Мы уже видим огни Родины...».

Пароход «Таймыр» вышел из Мурманска и спешил к папанинцам с тремя легкими самолетами на борту: те парили над льдинами и искали станцию. 19 февраля «Таймыр» подошел к станции вместе с другим пароходом — «Мурман». Папанин позже вспоминал: «В бинокль было видно, как люди спешат спуститься на лед. Не могу сдержаться, отворачиваюсь, текут слезы радости». К лагерю полярников моряки бежали, к пароходам героев несли на руках.

Имущество станции было доставлено на борт «Таймыра», а сами папанинцы организовали жеребьевку — кому на какой корабль садиться. На «Таймыре» выпало плыть Федорову и Ширшову.

О том, как выглядели помещения «Таймыра» в момент встречи полярников, напоминает любопытный

и очень характерный для своего времени документ, напечатанный в журнале «Общественница» 1936 года. Это рассказ двух работниц треста «Мурманрыба» З. Туликовой и М. Минеевой (полные имена их, к сожалению, не указаны).

«За два дня до отхода „Таймыра“ в Гренландское море для снятия с льдины героической четверки папанинцев общественниц треста вызвали в окружном ВКП(б).

„На вас выпала почетная задача, — сказали нам, — украсить кают-компанию и каюты для отважных победителей Северного полюса. Времени для этой работы осталось очень мало, но мы не сомневаемся, что вы с этой задачей справитесь“.

Трудно было передать нашу радость и гордость. Какая советская женщина не сочтет для себя великой честью любовно приготовить уютное, хотя бы и временное, жилье для четверки папанинцев!

Мы отправились на „Таймыр“. Капитан т. Барсуков встретил нас очень любезно и приветливо, познакомил нас с помещением. Однако на его лице ясно отражалось сомнение: „А справятся ли они с работой за столь короткий срок?“ Дело дошло даже до смешного. Когда мы попросили выдать нам шторы от дверей каюты для того, чтобы их художественно расшить, т. Барсуков передал нам их с большими колебаниями. Он опасался, что каюта останется совсем без штор, так как мы не успеем закончить их в срок.

Вечером мы собрали наш актив и рассказали о поручении окружкома. Посыпались предложения... Закипела дружная работа...

Тов. Баринава сделала корзинку искусственных цветов из шелковых ниток. Когда мы ее поставили в каюте на стол, то моряки подумали, что цветы — настоящие... Моряки принесли цветочный одеколон и опрыснули им корзинку. Теперь иллюзия была уже полная.

Много красивых вещей приготовили наши женщины: портьеры, скатерти, салфетки, дорожки, абажуры. Каждой хотелось выполнить свою работу как можно лучше, каждой двигала мысль, что она работает для героев-папанинцев.

Нас охватило настоящее волнение, когда мы убрали каюту папанинцев. Нам так хотелось, чтобы, войдя в каюту, Папанин и его спутники почувствовали нашу любовь и заботу, чтобы им в каюте было удобно и приятно.

Мы покрыли стол скатертью. Поставили корзинку с цветами. В корзинку положили небольшую записку с горячим приветом от жен инженерно-технических работников Мурманска. Постелили кровать, аккуратно подвернули простыни, пододеяльники, помягче взбили пуховые подушки. На шкафчик положили дорожку.

Невский завод. Фото 2006 г.

Привинтили к столу красивый чернильный прибор. Положили салфетку под зеркало и т. д. Когда каюта была полностью готова, судовый врач вызвал юнгу и приказал ему:

— Видишь, как здесь убрано? Сохраняй этот порядок!

Моряки „Таймыра“ и его капитан т. Барсуков горячо нас поблагодарили.

Ушли мы с „Таймыра“ в 3 часа ночи и через несколько часов пришли провожать ледокол...»

В те годы «Таймыр» попал даже на почтовую марку, выпущенную тиражом 2,5 миллиона экземпляров: на ней запечатлены полярники, машущие двум приближающимся пароходам. Это был звездный час «Таймыра». После этого пароход ушел в тень. А в начале 1950-х годов его вывели из эксплуатации — по причине почтенного возраста.

Так закончилась история двух ледокольных пароходов, построенных на Невском заводе.

ЦИТАДЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ

И все-таки в историю России Невский завод вошел не столько благодаря своим владельцам и своим кораблям с паровозами, сколько из-за революционной активности своих рабочих. Не случайно его называли одной из «цитаделей русской революции» наряду с прославленными Путиловским и Обуховским заводами.

Оно и понятно: жилось рабочим Семянниковского завода нелегко — и жалованья хватало только на самое необходимое, и рабочий день длиною в 11 часов изнурял. А тут еще и стесненные жилищные условия — либо на съемных квартирах и в «углах», либо в заводских общежитиях, за постой в которых надо было платить. К тому же постоянно возникали и другие поводы для раздражения. Задержка заработной платы. Повышение цен в заводской лавочке. Изменение заводских правил — не в пользу рабочих, конечно.

А пища! Земская управа в 1879 году докладывала: «Качество продуктов, употребляемых в пищу рабочими, не всегда бывает удовлетворительно. На всем Шлиссельбургском тракте в лавках нельзя найти хорошего коровьего масла. Оно или смешано с салом, или прогорклое, т. е. подвергшееся разложению. Говядину рабочие покупают низшего сорта, нередко долго лежавшую, начинающую подвергаться гниению. Соленая рыба редко бывает доброкачественна, особенно треска. Между тем за ту цену, за которую покупают рабочие

эти продукты, можно бы иметь всю эту провизию свежую и доброкачественною. Цены на все поразительно высокие, так, например, сахар, который можно купить головою за 16 коп. в Петербурге, здесь в лавках продается по 21—22 коп. на наличные деньги и 23—24 коп. на книжку, масло коровье самого худшего сорта — по 37—38 коп. за фунт, между тем как в Петербурге масло стоит 31—33 коп».

Вот и вспыхивал время от времени Семянниковский завод — иногда сам по себе, иногда вместе с другими предприятиями Невской заставы. Там-то жизнь была не легче.

Власти, впрочем, не дремали.

24-летний семянниковский слесарь Марк Малиновский, активный пропагандист революционных идей, был осужден в 1874 году на семь лет каторги и потом умер в тюрьме.

Другой слесарь этого завода Андрей Пресняков, лично убивший одного шпиона и одного предателя и участвовавший в покушении на Александра II, был приговорен к смертной казни по процессу 16-ти.

Работавший и занимавшийся агитацией на Семянниковском Тимофей Михайлов стал членом группы первомаковцев — народовольцев, сумевших-таки убить императора. Он был казнен весной 1881 года на Семеновском плацу...

Но к концу XIX века семянниковцы развернулись во всю ширь. За их политические симпатии боролись представители самых разных партий и сил — включая и марксистов. Владимир Ульянов (Ленин) вел занятия в рабочих кружках, в том числе на квартире слесаря Семянниковского завода Ивана Бабушкина.

А в конце 1894 года дома у Бабушкина Ильич составил листовку об очередных волнениях на заводе. Ее переписали печатными буквами в четырех экзем-

плярах, и эти четыре экземпляра заняли свое место в истории России.

Писательница Мария Прилежаева в двух главках своей, без преувеличения, классической (и знакомой всем детям СССР) книге «Жизнь Ленина» живописно поведала о тех событиях.

«На рождество Семянниковский завод, что за Невской заставой, не работал. Под праздник должны были платить рабочим получку. Протяжно, на всю заставу прогудел гудок. Станки остановились.

Иван Бабушкин прибрал инструменты.

Вошел мастер в новых скрипучих сапогах, толстощекий и сытый:

— Ребята, потерпите денег до вечера.

Из углов мастерской послышалось недовольно:

— Своего жди, как милости!

Но ничего не поделаешь, приходилось ждать. Рабочие толпились в мастерской и во дворе, топтались на морозе, дуя в кулаки. Поглядывали на проходную: не несут ли конторщики деньги из банка?

— Лучше бы работать, чем зря болтаться, все лишнее вырабатываешь, — ворчали рабочие.

Наконец на крыльце конторы появился управляющий в полушубке из белой овчины.

Толпа хлынула к крыльцу.

— Нынче денег нет, завтра будем платить, — объявил управляющий.

И все. Иди домой под праздник с пустыми карманами. Напрасно ждут ребяташки гостинца — баранку или пряник. А у кого и на хлеб ни копейки нет дома.

— Нам шиш, а у капиталиста за день процент на деньги вырос, — сказал Бабушкин.

О таких случаях, какой произошел с ними сегодня, говорил Владимир Ильич на кружке. Объяснял: капиталисту выгодно подольше капитал в банке держать,

нарастают проценты. Капиталисту каждый день лишнюю прибыль приносит. А рабочие пускай подождут.

На другое утро вместо отдыха пришлось идти к заводу за жалованьем. Денег опять не платили. Время текло, короткий зимний день шел к концу, а конторщики с деньгами не показывались.

— Братцы, обманули нас! — раздался чей-то гневный голос. Как сигнал.

Люди закричали, кинулись с улицы к проходным.

В проходных образовалась давка. Рабочие в ярости рвали двери с петель, били стекла:

— Получку пла-а-ти!

Просвистел камень, двуглавый орел над заводскими воротами закачался. Полетели камни, палки, куски каменного угля. Разбили фонарь. Толпы рабочих бросились к хозяйской лавке возле завода. Выбили дверь. Ворвались. Топорами и кольями крушили товар.

— Жечь управляющего! — слышался зов.

Толпу понесло к флигелю управляющего.

Флигель притаился, наглухо закрыл ставни. Рабочие навалили к запертому крыльцу поленьев и щепок, плеснули керосину. Пламя вспыхнуло, вскинулся к крыше столб черного дыма и искр.

— Так его, так его, не будет обманывать! — кричали рабочие.

Но издали донесся звук медной трубы. Мчалась пожарная часть. Вестовой на жеребце подскочил к горящему крыльцу.

— Пшел вон! — заорал на рабочих.

Примчались пожарные. Оцепили флигель, наставили лестницу, нацелили на огонь брезентовые рукава, — скоро пожар угас.

— Расходись по домам! — распоряжался бренд-мейстер в пожарной каске.

Народ стоял.

Брандмейстер махнул рукавицей. Поднялся пожарный рукав и принялся стегать по толпе ледяной струей. Люди побежали. Ледяной ливень гнал их, хлестал. Одежда лубянула на морозе.

Только к вечеру привезли деньги из банка. Хозяева побоялись дольше задерживать выплату. За получкой выстроились очереди измученных угрюмых людей. Платили до ночи. К ночи завод утих».

И другая главка, уже о рождении листовок:

«Жандармы ходили по квартирам, хватали бунтовщиков-семянниковцев. Выкручивали за спину руки, вели в полицейский участок.

— Лавку хозяйскую бил? Садись в тюрьму, за решетку.

— Крыльцо управляющему жег? В тюрьму, за решетку.

Бабушкин ждал: „Придут и за мной“.

Поздно вечером в дверь постучали. Быстро, коротко. Сердце упало: „За мной“.

Бабушкин немного помедлил и пошел открывать дверь.

Стучался Владимир Ильич. Весь белый от инея, на бровях наморозило сугробики снега. Сбросил пальто и, потирая озябшие руки, зашагал по горнице:

— Ну, говорите! Выкладывайте. Как началось? Что пережили рабочие?

Бабушкину хотелось всю душу вылить Владимиру Ильичу. В памяти стоял вчерашний бунт на заводе, разгром хозяйской лавки, костер на крыльце управляющего. За лавку да за костер жандармы и хватали сегодня рабочих.

— Нет, сознательному рабочему не кулаками надо бороться, — сказал Владимир Ильич. — Напишем об этом листовку.

Они сели рядом за стол. Шепотом, чтобы не услышала хозяйка, обсуждали, о чем будут писать в листовке. О том, что настало время борьбы. Никто не освободит от рабства рабочего. Никто. Только он сам. Не кулаками надо бороться, а организацией.

Товарищи рабочие, объединяйтесь, требуйте свои права у хозяев! — призывала листовка.

Была поздняя ночь. Опершись щекой на кулак, Бабушкин следил за быстрым пером Владимира Ильича. И вдруг клюнул носом:

— Я ничего, ничего, просто так.

— Просто так, сидя уснул! — засмеялся Владимир Ильич. — Ложитесь-ка, ведь завтра чуть свет на работу.

Бабушкин послушался, лег, а Владимир Ильич стал переписывать листовку. Надо переписывать крупными буквами, печатными буквами, чтобы рабочие могли легко разобрать. Владимир Ильич усердно выписывал каждую букву. Одна листовка, вторая, третья, четвертая.

Внезапно загудел фабричный гудок, заполнил небо, улицы и бился в замороженное оконце Бабушкина. Это Семянниковский завод звал рабочих к утренней смене. Загудели заводы и фабрики. Невская застава проснулась.

— Бабушкин, вставайте, — будил Владимир Ильич. Бабушкин вскочил.

— Что? А? Где? Почему? — не понимал он со сна.

Тер глаза. Никак сообразить не мог: откуда в его комнатухе раным-рано Владимир Ильич? Как он здесь очутился? Но увидел на столе переписанные печатными буквами четыре листовки и все вспомнил.

— Надо распространить их среди рабочих, — сказал Владимир Ильич. — Жалко, больше не успел переписать. А как надо бы, эх, жаль, не успели...

Они вышли из дому. В небе еще не погасли ночные звезды. Тихо мерцали голубоватыми лучиками.

Белые столбы дыма поднимались из труб. Улица была залита темными толпами рабочего люда. Владимир Ильич и Бабушкин смешались с народом.

Бабушкин нащупал в кармане четыре листовки. Сейчас потихоньку раздаст их знакомым рабочим. Те прочитают и передадут дальше. И много рабочих узнают о том, как надо лучше устраивать стачки.

— Наш первый агитационный листок. В добрый час, Бабушкин! — сказал Владимир Ильич».

Из четырех листовок, правда, до рабочих дошли две: другие две подобрал сторож. Но свою роль они, а за ними и другие листовки, сыграли: революционное движение становилось все более массовым. А с массовым точечными репрессиями уже не поборешься, тут размах другой. Часы царской России начали уже обратный отсчет...

Революционные хроники Семянниковского завода могут занять не один десяток страниц самым удобристым шрифтом. В 1905 году, например, большевистская газета «Новая жизнь» радовалась, что завод — «передовой застрельщик» Невской заставы и что рабочие

*Памятная доска на бывшем Семянниковском заводе.
Фото 2006 г.*

других предприятий «чутко прислушиваются к тому, что скажут на Семянниковском заводе».

В октябре 1905 года забастовка на Семянниковском положила начало общегородской стачке, и в том же месяце заводские рабочие явочным порядком ввели у себя восьмичасовой рабочий день. О других октябрьских событиях можно узнать из секретного жандармского донесения той поры:

«Рабочие Невского судостроительного и механического завода, Александровского механического и Главных вагонных мастерских Николаевской железной дороги, 12-го минувшего октября начали постепенно вооружаться револьверами, охотничьими ружьями, кинжалами, ножами и железными пиками в 5 четвертей длины и в палец толщины... По негласным сведениям, всех вооруженных рабочих в настоящее время до 6000 человек, из них образовалась „самооборона“, которую называют „милиция“, числом около 300 человек, которые по очереди ходят по улицам с 8 час. вечера до 6 час. утра... Действительная их цель — охранять лиц революционного сообщества от ареста полиции и войск... Самооборона эта разделена на 8 и 10 человек, которые ходят по всем улицам Невского фабричного района, а в особенности по улицам: Б. Смоленской, Палевской, Московской, Мартыновской, Мариинской, Карловской, Новопрогонной и Шлиссельбургскому проспекту; при встрече на улице партии с партией первая спрашивает установленный пароль...».

6 ноября 1905 году в селе Смоленском («против Общественного переуллка, где помещается заводская столовая Невского судостроительного и механического завода») случилось столкновение. Собравшиеся на Шлиссельбургском тракте рабочие, в числе которых были и члены боевых дружин, остановили шедший в город паровик. Войска попытались разогнать толпу,

к ним присоединились казаки с шашками. Началось целое сражение, в ходе которого были ранены несколько рабочих и один казак.

Впрочем, не все было просто с отрядами самообороны и боевыми дружинами. В архивах сохранился протокол полицейского допроса слесаря Леонида Прохорова, который участвовал в одной из боевых социал-демократических дружин:

«Нередко дружинники тайком от партии устраивали грабежи и взятые такими путями деньги брали в личное распоряжение. Так, например, в июле 1906 г. во время работ на Невском Судостроительном заводе был ограблен артельщик на 15 000 рублей, в этом грабеже участвовали: Василий Панфилов, Михаил Гребнев, Михаил Гордеев (он же бежавший из СПб Пересыльной тюрьмы Немчинов) и еще двое обуховских дружинников, один из них под кличкой Огурчик, другого же не знаю. Вскоре после этого ограбления на квартире Емельяна Филиппова происходило собрание дружинников, на котором присутствовали и участники ограбления. На это собрание приехал некий „Савельев“ (он же Сибиряк) и сделал предложение дружинникам объединиться в автономную группу. Вскоре происходило другое, но такое же собрание, на которое приехал инструктор

*Один из первых памятников
В. И. Ленину у Невского завода.
Фото 2006 г.*

„Лазарь“ и, узнав участников ограбления, стал требовать от них как от членов партии отдачи этих 15 000 рублей в пользу партии, но на это ему ответили, что совершившие это ограбление выходят из партии и выдают ему партийное оружие, а взятые деньги на заводе пойдут на новую беспартийную группу террористов-экспроприаторов».

Как бы то ни было, Семянниковский завод находился в авангарде всех русских революций. Как и на других предприятиях Невской заставы, здесь в бурные дни 1917 года проходили многолюдные митинги. Выступали на них представители разных партий, в числе которых были Георгий Плеханов и Вера Засулич, Александра Коллонтай и Георгий Орджоникидзе, Владимир Антонов-Овсеенко и В. Володарский.

В 1922 году завод был назван именем Ленина. А после смерти вождя перед главным его корпусом появился один из первых памятников Ильичу. На постаменте написали слова: «Любимому вождю и учителю рабочего класса». Скульптор Харламов постарался максимально точно, без всякой романтической рисовки передать облик вождя. Как отличается этот Ильич от того, что изваял Михаил Аникушин для Московской площади! Тот — балетный танцор с идеальными пропорциями, этот — невысокий человек, совсем не похожий на Аполлона. Таким и был Ленин.

ДВА ВЗРЫВА В «ТВЕРИ»

Большой Смоленский проспект обозначает, как мы уже знаем, границу территории Невского завода, за ним начинаются земли села Смоленского. Мы помедлим переступить эту линию: еще один сюжет из революционного прошлого действительно напоминает о себе.

В начале XX века ближайшая к нам часть Большого Смоленского проспекта между проспектом Обуховской Обороны и улицей Бабушкина назвалась Прогонным переулком. В одном из домов этого переуллка бывал Ленин — руководил сходками на квартире рабочего Никиты Меркулова. Но нас сейчас интересует не этот эпизод, а куда более громкая страница истории.

Дом № 15 по Прогонному переулку находился примерно в створе нынешней улицы Бабушкина. Сегодня там расположены постройки Невского завода, а тогда был небольшой дом, в котором помещался трактир «Тверь».

Это был не рядовой трактир. Хозяином его состоял член Союза русского народа крестьянин Федоров, и в самом трактире находилось нечто вроде штаб-квартиры местного отделения Союза русского народа.

У этого Союза и его членов было и еще одно наименование, более знакомое современному читателю — черносотенцы. По словам одного из идеологов черносотенного движения, редактора «Московских ведомостей» Владимира Грингмута, черносотенцы

защищали царя и царскую власть от «внутренних врагов», объединившихся с «внешними врагами». Грингмут же назвал и полный список этих «внутренних врагов»: «1) Конституционалисты, 2) демократы, 3) социалисты, 4) революционеры, 5) анархисты, 6) Еврей».

Все они, был уверен Грингмут, «сходятся в общем стремлении к одной и той же цели — к уничтожению Самодержавной Царской власти в России».

В своем «Руководстве черносотенца-монархиста» Грингмут рассказал единомышленникам и то, как именно подобает бороться с «внутренними врагами». Писал подробнее:

«Черносотенцы-монархисты должны всюду действовать мирными, законными средствами, так, например, на революционную пропаганду они должны отвечать пропагандою монархии, распространять среди народа справедливые мнения, истинные взгляды и верные учения, которые могли бы разоблачить революционную ложь и укрепить Русский народ в его истинной преданности Богу, Царю и Отечеству... Лишь в том случае, если внутренние враги России первые поднимают явный бунт против Царя, производят революционные демонстрации с красными флагами и крамольными песнями или приступают к вооруженному восстанию, — и если, при этом, военные и полицейские силы не могут прекратить этих демонстраций и этого мятежа, лишь в этом случае черносотенцы-монархисты имеют не только право, но и обязанность встать на защиту Царского Самодержавия...».

Понятно, что большевикам взгляды черносотенцев и их идеология не могли нравиться. А трактир «Тверь» вызывал у них недовольство еще по одной причине: здесь потерявшие работу рабочие Невско-

го завода могли рассчитывать на бесплатные обеды и ужины. Убедительная агитация за Союз русского народа!

Вечером 27 января 1906 года «Тверь» была окружена членами Боевой дружины Невской заставы, организованной большевиками. В это время в трактире находилось около полусотни рабочих. В окно бильярдной комнаты влетела бомба — и посетители бросились к выходу. Но тут через входную дверь влетела еще одна бомба.

Были убиты два рабочих — 40-летний Василий Королев и 18-летний Алексей Барабанов. Еще одиннадцать человек получили серьезные ранения.

Бомбисты назвали взрыв «ответом на систематический террор С. Р. Н. в рабочих кварталах в СПб». Черносотенцы придерживались обратной точки зрения: они считали, что это большевики своим нападением развязали террор. «До сих пор шайка негодяев, науськивавшая из-за угла убийц против министров, честно служивших Царю и Родине, уверяла, что революционеры ведут борьбу только против правительства. Теперь ясно, что война объявлена всему русскому народу». Как бы то ни было, взрывы в «Твери» послужили своего рода спусковым крючком для настоящих боевых действий, развернутых в Петербурге членами противостоявших друг другу партий.

А погибших в трактире «Тверь» отпели в храме Смоленской иконы Божией Матери — главном храме села Смоленского. Похоронили их здесь же, на примыкавшем к храму кладбище. На похоронах присутствовал глава Союза русского народа доктор Александр Дубровин. Тональность его выступления была сдержанной: «Не мстите, православные, этим осатаневшим, заблудшим людям. Мы — Союз мира и любви;

мы должны быть чисты перед Богом и Царем, и встанем только за Веру Православную, Царя Самодержавного и за Святую Русь».

А еще в Петербурге был организован сбор средств в помощь семьям погибших и пострадавших во время двух взрывов в «Твери». Самую большую сумму — 360 рублей — пожертвовал журналист и издатель газеты «Новое время» Алексей Суворин.

НА МЕСТЕ СЛОБОДЫ СМОЛЕНСКИХ ЯМЩИКОВ

До революции за Невской заставой было несколько крупных сел. Сразу за Невским заводом — село Смоленское, затем одно за другим село Михаила Архангела, село Фарфорового завода, село Александровское... Все это были крупные поселения, со своими земскими учреждениями, больницами, церквями.

Село Смоленское, если воспользоваться приметами сегодняшней топонимики, начиналось сразу за Невским заводом и Большим Смоленским проспектом, доходя до нынешней улицы Крупской.

Корни села Смоленского уходят в первые годы петербургской истории. И даже в более далекие времена. Стоявшая на территории села Смоленского у Невы шведская деревня Каллиси (Каллуева) отмечена в документах с 1618 года. Была деревня невелика, хотя на фоне других поселений левого берега могла показаться вполне солидной. Перед рождением Петербурга здесь вели хозяйство пять православных крестьян и три финна.

А при Петре I здесь, близ Шлиссельбургского тракта, образовалась слобода ямщиков родом из Смоленской губернии — Смоленская Ямская. Вскоре близ слободы появились казенные кирпичные заводы. Потом шло время, ямщиков в поселении становилось все меньше, а на смену им приходили рабочие. За Невской заставой

Переулок Ногина. Фото 2006 г.

появлялись все новые и новые предприятия, причем на смену кирпичным заводам в селе Смоленском основались преимущественно текстильные фабрики (не случайно эту местность именовали иногда «русским Манчестером» — по имени признанной текстильной столицы мира).

В 1880 году журнал «Отечественные записки» опубликовал сообщение санитарного инспектора о Шлиссельбургском тракте, и там говорилось: в селе Смоленском насчитывается 11 заводов и фабрик, а также 26 каменных домов, 221 деревянный дом и 106 питейных заведений.

Век назад центр села Смоленского находился примерно там, где к проспекту Обуховской Обороны выходят ныне улица Ольминского (прежде Смоленский переулок) и переулок Ногина (прежде Школьная улица). Здесь стоял Смоленский рынок (там же, где сегодня стоит советских времен здание Невского рынка). На Смоленском переулке работала профессиональная школа Екатерины Павловны Черновой, где девушек обучали рукоделию и прочим полезным навыкам. Смоленская соединенная земская школа, Дом призрения для престарелых и сирот, а также Смоленский амбулаторный

Невский (бывший Смоленский) рынок. Фото 2006 г.

пункт с родильным приютом помещались в зданиях, построенных в 1898 году и сохранившихся донныне вдоль переуллка Ногина (дома соответственно 2 и 4).

От земской школы, кстати, ведет историю находящаяся сегодня на улице Крыленко, на правом берегу Невы, гимназия № 343. Сами школьные хоромы сегодня занимает одно из подразделений Университета культуры и искусств, а в помещениях амбулатории с 1920-х работает женская консультация. Некоторое время при ней был и круглосуточный родильный дом, о котором в феврале 1938 года в приподнятом тоне писала газета «Ленинградская правда»:

«Когда-то, до революции, за Невской заставой имелся только один родильный дом (на самом деле их было два. — Д. Ш.). Назывался он „Смоленский родильный приют“. Было в нем всего 25 коек. Сейчас в том же здании находится родильный дом Володарского района. Это прекрасная больница на 68 коек, оборудованная новейшей медицинской аппаратурой.

...Круглые сутки открыты двери родильного дома. Будущих матерей — работниц заводов и фабрик Володарского района встречают опытные врачи, санитарки,

сестры. В операционных комнатах всегда наготове столы, покрытые белоснежными простынями, сверкающие инструменты.

Самое бережное внимание и заботу встречают больные в родильном доме. В палатах чисто, уютно. В каждой комнате — умывальники с горячей и холодной водой. На стенах зеркала. В штате родильного дома немало прекрасных людей, которые заботливо ухаживают за больными. И недаром работница С. оставляет в книге пожеланий следующую запись: „Уходя из родильного дома, не могу не поблагодарить всех врачей, сестер и санитарок за внимательное, чуткое отношение“...»

А вот от главной достопримечательности села Смоленского сегодня остались лишь воспоминания. Обширный участок между улицей Ольминского и переулком Ногина не всегда был отдан под детскую площадку и сквер со скамейками для взрослых отдыхающих. Здесь с 1865 года стоял храм.

Вначале церковь Смоленской иконы Божией Матери была деревянной. Но в 1879 году причт и прихожане храма решили построить на ее месте каменную церковь. Повод для этого нашелся вполне подходящий: только

Проект церкви Смоленской иконы Божией Матери. 1879 г.

что в императора Александра II на Дворцовой площади стрелял революционер Александр Соловьев, и монарх остался цел. Вот граждане села Смоленского и обратились к властям с просьбой — разрешить им возвести новый храм «по случаю избавления императора от угрожавшей опасности».

Церковь Смоленской иконы Божией Матери. Фото 1930-х гг.

Разрешение было получено.

Проект новой церкви с колокольной составил академик, известный мастер церковной архитектуры Михаил Щурупов. Старый храм в селе Смоленском был ему хорошо знаком: в свое время Щурупов несколько лет отработал на Стеклянном и Фарфоровом заводах. На первом заведовал художественной частью архитектурной мастерской и исполнял должность архитектора, на втором — преподавал рисунок в заводской школе. Через село Смоленское, разумеется, он проезжал не один десяток раз.

Император утвердил проект летом 1879 года, и в сентябре работы начались. На возведение храма потребовались два с половиной года и сто тысяч рублей, которые по большей части были собраны среди «местных обывателей» — жителей села Смоленского и владельцев стоявших здесь предприятий. Особенно серьезные вклады сделали купцы Аристов, Варгунин, Громов, Кокин, Паль.

Освящение церкви состоялось 7 марта 1882 года при большом стечении публики. В сам храм пускали только по пригласительным билетам. На окружающих домах висели флаги. Новая церковь была не слишком велика, но выглядела вполне представительно:

впечатляющий купол, строгая отделка фасадов. «Петербургская газета», отправившая своего корреспондента за Невскую заставу, отмечала: храм, «несмотря на простоту отделки, красив и изящен».

Полностью строительство было завершено к концу 1884 года, когда была достроена колокольня. Увы, в 1930-е годы этот церковный комплекс был разрушен. От него сохранились лишь два приходских здания, построенных из дерева и камня за церковью. Одно из них лежит практически в руинах, а второе выглядит достаточно прилично и сегодня (их современный адрес — переулок Ногина, 1 и 3).

Примечательно, что нынешний переулок Ногина именовался какое-то время не только Школьным, но и Кладбищенским, потому что в конце его находилось православное кладбище села Смоленского, на котором хоронили многих местных обывателей. Был этот некрополь достаточно большим: он занимал порядка двадцати гектар земли.

Здесь, как читатель уже знает, проводили в последний путь двух рабочих, погибших в трактире «Тверь». Еще в начале 1930-х путеводитель по Ленинграду отмечал: «надписи на памятниках говорят, что в 80-х годах XIX в. именитыми людьми здесь были крестьяне с. Смоленского, занимавшиеся торговлей». Хоронили здесь разных людей, не только торговцев. Здесь были погребены и родичи известной поэтессы Ольги Берггольц...

Увы, и от кладбища ныне не осталось ни следа. В советское время оно было ликвидировано, потом его территорию начали застраивать. Судя по картам, именно на его землях стоят сегодня школа-интернат и спортплощадка средней школы-лицея, а также жилой дом под номером 6 по переулку Ногина. На части бывшего некрополя долгое время был пустырь. А в последние годы и пустырь застроили: здесь теперь стоит новое жилое здание.

Уютно ли жить на месте некрополя?

ПОДВОРЬЯ, ПОДВОРЬЯ...

Как-то так случилось, что в конце XIX—начале XX веков село Смоленское стало своеобразным центром церковной жизни. И не только из-за главной своей церкви. Здесь появились сразу два монастырских подворья, и если от одного из них сегодня не осталось и следа, то здание второго сохранилось.

Важеозерская Спасо-Геннадьевская мужская пустынь на озере Важе в Олонецкой губернии существовала еще в XVI веке. Потом она закрывалась, вновь возрождалась. В конце XIX столетия сюда зачастил отец Иоанн Кронштадтский, и посещения сверхпопулярного батюшки принесли обители всероссийскую известность.

В конце XIX века мещанки Гайлевич и Фаддеева по благословению отца Иоанна принесли в дар монастырю участки земли за Невской заставой, в селе Смоленском. Здесь в начале 1895 года отец Иоанн освятил деревянную часовню, построенную по проекту епархиального архитектора Николая Никонова. А двумя годами позже он же заложил рядом с часовней большой каменный храм Успения Пресвятой Богородицы и Святого Пророка Осии — двухэтажный, на три тысячи человек, в духе русской архитектуры XVI века. К храму примыкал большой пятиэтажный корпус подворья — с монашескими кельями и Домом трудолюбия на 200

человек. Малообеспеченные жители округа могли заработать здесь средства на жизнь.

Строительство шло достаточно быстро. Главный придел нижней церкви был освящен уже в мае 1901 года, обряд проводил при участии отца Иоанна Кронштадтского епископ Гдовский Вениамин — знаменитый святитель Вениамин, который стал позже митрополитом Петроградским и Гдовским, а в 1922 году был расстрелян по надуманному обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей. В 1997 году Вениамина канонизировали — причислили к числу священномучеников.

Главный придел верхней церкви освятил осенью 1903 года грузинский экзарх Алексей, тоже при участии отца Иоанна. Иконостасы приделов были изготовлены из майолики.

Храм закрыли в 1929 году. Вначале в корпуса подворья вселили цех завода электробытовых приборов, затем в перестроенных корпусах разместили райвоенкомат, районный суд и другие учреждения.

Районные военкомат и суд работают здесь и сегодня (их адрес — улица Крупской, 5).

Второе подворье было не столь известно, как первое. Да и сам монастырь не пользовался всероссийской славой. Калязинский Александро-Невский женский монастырь возник в Тверской епархии в самом конце XIX века. В 1907 году в Петербург для сбора средств отправилась игуменья монастыря Измарагда, которая обратилась за помощью все к тому же отцу Иоанну Кронштадтскому.

По благословению батюшки, крестьянка Дмитриева подарила монастырю двухэтажный деревянный дом на «Палевских местах» — на углу сегодняшних улиц Ольги Берггольц и Пинегина (примерно на месте дома № 21 по Пинегина).

Члены Комитета по постройке храма. 29 апреля 1912 г.

Двумя годами позже на участке начали строить подворье с храмом «для удовлетворения религиозных потребностей многочисленного населения фабричного района». Деревянный храм Святых Мучениц Веры, Надежды, Любви и Матери их Софии, рассчитанный на 800 человек, построили всего за три месяца, и в нем начались службы.

Однако монахини уже задумались о постройке более солидной каменной церкви. После долгих проволочек закладка его состоялась в апреле 1912 года; при многочисленном стечении публики проводил ее епископ Кишиневский Серафим, правнук знаменитого адмирала Чичагова и один из авторитетнейших иерархов Русской Православной церкви. Леонид Чичагов был питомцем Пажеского корпуса, придворным камер-пажом, затем участником боев Русско-турецкой войны. Написал классические труды по артиллерийскому делу. А после

*Епископ Гдовский Вениамин
до 1915 г.*

жан. А в конце концов обрел поистине мученический венец: его расстреляли в 1937 году в возрасте 81 года. Кому мог помешать или повредить престарелый священник, понять трудно. В 1997 году, как и митрополит

встречи с Иоанном Кронштадтским решил посвятить себя церкви. Выйдя в отставку в чине полковника, принял рукоположение и стал дьяконом, всего через два дня — священником. Спустя пять лет принял постриг и был наречен именем Серафим.

Убежденный монархист, при советской власти он претерпел немало лишений. Пять лет был митрополитом Ленинградским и снискал большую любовь прихожан. А в конце концов обрел поистине мученический венец: его расстреляли в 1937 году в возрасте 81 года. Кому мог помешать или повредить престарелый священник, понять трудно. В 1997 году, как и митрополит Вениамин, Серафим был причислен к числу священномучеников...

Судьба заложенной им церкви при подворье сложилась не слишком благополучно. Деньги на строительство поступали нерегулярно. К революции подворье подошло с недостроенной каменной церковью, и понятно, что ожидать ее завершения было нельзя.

*Важеозерское подворье.
Проект Н. Н. Никонова*

Весной 1923 года представители районной власти осмотрели подворье и отметили, что церковь небольшая, и при ней есть двухэтажная деревянная пристройка. Было решено храм закрыть, а церковь передать под клуб районного комитета комсомола. Правда, уже летом решение было отменено, и монахини на какое-то время могли вздохнуть спокойно.

Летом 1925 года незавершенный храм разобрали, используя стройматериалы для возводимых неподалеку новых рабочих домов.

А осенью 1932 года все-таки церковь вместе со всем подворьем закрыли.

Какое-то время в их помещениях было общежитие завода «Большевик», а потом здания снесли.

Теперь здесь стоит жилой дом.

РУССКИЙ МАНЧЕСТЕР

О текстильщиках мы упомянули уже не раз; самое время заняться ими поплотнее.

Их было три — три текстильных предприятия, во многом определявших лицо села Смоленского и всей Невской заставы.

Молодой немецкий купец Яков Паль одним из первых открыл в селе Смоленском промышленное производство. Случилось это в 1837 году. К тому времени купец Паль уже несколько лет торговал сукном, но испытывал сильную потребность в расширении дела.

Поначалу его фабрика по выделке ситца (Александроневская мануфактура) была весьма и весьма скромна — фактически она состояла из одной деревянной постройки. Яков Паль сам был за рабочего, сам и за продавца: вместе с женой продавал товар с ручной телеги. Но постепенно дело стало набирать обороты...

К концу XIX столетия фабрика Палей была одним из крупнейших предприятий столицы. Семья купца жила здесь же, при фабрике. Когда Яков Паль ушел из жизни, предприятие возглавил его сын Карл Яковлевич. Семейству Палей топонимика села Смоленского была обязана многим: в частности, Палевским проспектом именовался раньше проспект Елизарова, Карловской улицей была нынешняя улица Пинегина...

Разумеется, как и остальные предприятия Невской заставы, фабрика Палей не раз становилась ареной

рабочих волнений. Оно и понятно: условия труда на фабрике были не из легких (да и когда текстильное производство было легким!). Вот впечатления современника:

«Ткацкий корпус состоит из четырех этажей: трех старых и одного нового. Во всех этажах у окон без верхней одежды невозможно работать — страшно дует: рамы гнилые, стекло много перебитых... В стригальной, в ворсовальной и в парильне, где масса пыли, нет ни одного вентилятора. Духота и пыль невыносимы. В печатной днем с огнем работают, а в красильне, в спиртовой и в запарке страшные пары и жарыща, так что в паре ничего не видно; и нет даже дверей, которые бы хорошо затворялись. Ватерклозеты содержатся скверно; нельзя взойти в них — сверху на голову через плохие полы льется жидкость». Это вспоминает Виктор Ногин, в конце XIX столетия подмастерье красильного отделения фабрики Паля, позже известный революционер.

При всем этом рабочий день текстильщиков длился с 7 утра до 10 вечера, заработки не превышали 12 рублей в месяц. А мастера думали больше о своих выгодах, чем об интересах рабочих...

Одно из самых крупных волнений на фабрике Паля случилось в конце 1884 года, когда 600 ее рабочих прекратили работу и потребовали повышения заработной платы. Владелец фабрики согласился повысить расценки на 5 копеек с вытканного куска, но это не удовлетворило рабочих. Наутро они заявили, что бастовать будут еще два дня. Паль обратился за помощью к полиции, после чего отменил обещанную прибавку.

И понеслась стачка! К ней примкнули рабочие еще двух ткацких фабрик села Смоленского — Петровской и Спасской мануфактур. Всего в забастовке участвовали уже 3600 рабочих. Они ходили по улицам, собирались

Двор текстильной фабрики Александро-Невской мануфактуры «К. Паль» (Шлиссельбургский пр., 56). Начало 1900-х гг.

группами, обсуждали дальнейшие действия. Рабочие фабрики Палья написали прошение министру внутренних дел с жалобами на плохие условия труда, низкий заработок и частые штрафы. Ответ властей был прост и привычен: за Невскую заставу отправили эскадрон казаков. Начались аресты. И рабочие в конце концов сдались, вернулись на рабочие места. А 20 зачинщиков были высланы на родину.

Потом еще много стачек и выступлений было на фабрике. После революции фабрике присвоили имя Ногина, и она долгие годы была вполне успешным предприятием. После перестройки фабрика была переименована в Александро-Невскую мануфактуру (официальный адрес — проспект Обуховской Обороны, 70), но возвращенное имя не вернуло успеха. Сегодня идет речь о создании на территории предприятия технопарка с бизнес-центром и складами...

А нам пора перейти к двум другим предприятиям, о которых мы уже упомянули.

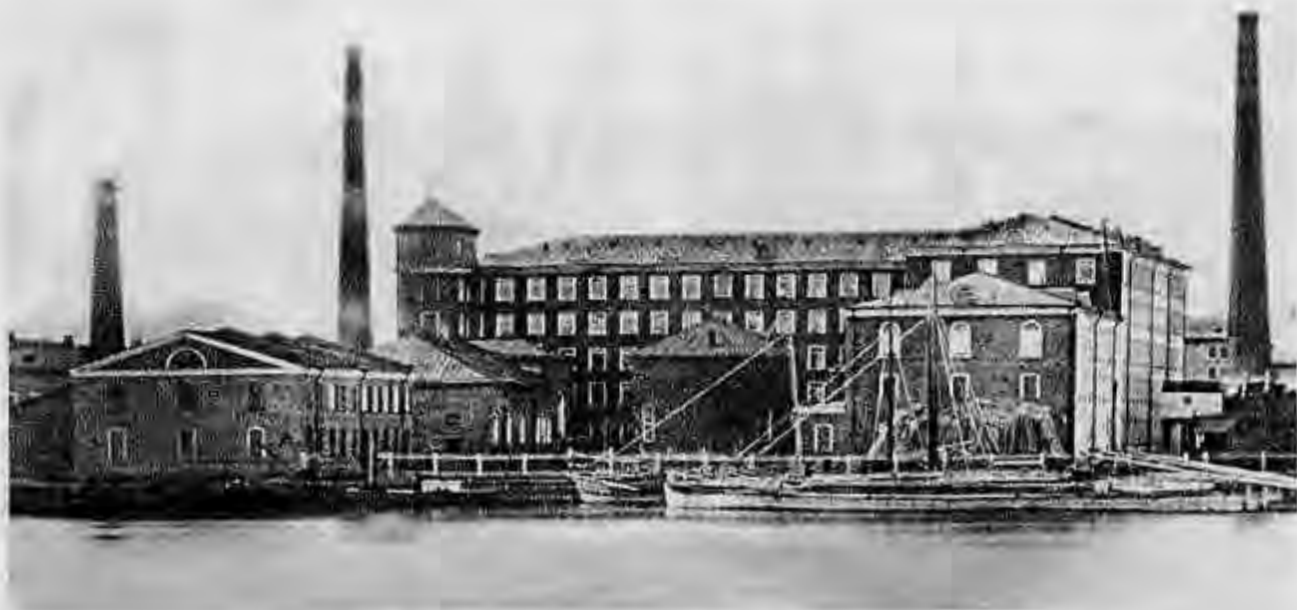
Спасская и Петровская мануфактуры были основаны одна за другой через несколько лет после рождения

Группа рабочих и служащих прядильно-ткацкой фабрики с хозяином К. Палем и его племянником. Начало 1900-х гг.

фабрики Паля. Потом обзавелись собственными зданиями между Шлиссельбургским трактом и Невой: одна раньше, другая позже. Производственные корпуса двух предприятий были поставлены рядом, а принадлежали оба они одной группе хозяев. В 1880-е годы управляли мануфактурами англичане Максвеллы, которых согласно транскрипции тех лет именовали Максвелями. Поэтому в историю города два предприятия фактически вошли как одно — фабрика Максвеля.

«У Максвеля» работали до 2,5 тысяч человек, и эта масса не могла не внести свой вклад в революционную историю. Тем более что условия работы на предприятии были одни из самых тяжелых. В 1871 году, например, рабочий день на Спасской мануфактуре составлял 13 часов — с половины шестого утра до восьми вечера, с получасовым перерывом на завтрак и часовым — на обед. На фабрике Паля рабочий день был на полчаса короче, а на Семянниковском, Обуховском, Невском стеариновом длился 11 часов. Тоже немало, но все-таки...

*Внешний вид зданий ткацкой фабрики «Рабочий».
Фото 1924 г.*

В определенном смысле надо отдать должное владельцам фабрики: порядок и чистоту на ней они поддерживали рьяно. Но вот строки из доклада земской управы, составленного в 1879 году:

«На фабрике чистота и опрятность примерные. Мастерские высоки и чисты; но само производство таково, что, несмотря на довольно хорошую вентиляцию, все мастерские переполнены пылью и волокнами хлопка. Воздух мастерской, где стоит корд-машина, так переполнен плавающими в нем волокнами, что они как бы пеленой покрывают головы и платье рабочих. Ткацкая переполнена мельчайшими пылеобразными частицами хлопка, которые так засоряют дыхательные органы рабочих, что мокрота их приобретает цвет грязи. Ко всему этому рабочим приходится работать в некоторых мастерских при температуре 30° и более».

Впервые рабочие мануфактуры решились на открытый протест в 1859 году, когда о пролетарском движении в России речи не было. 400 тружеников фабрики вышли на Шлиссельбургский тракт, требуя прибавки зарплаты. Восьмерых зачинщиков власти взяли под стражу, остальные вернулись к работе...

А в декабре 1898 года стачка на двух родственных мануфактурах приобрела совсем иной размах. Рабочие требовали увеличения заработной платы, хозяева настаивали на прежних условиях. После трех дней стачки власти прибегли к испытанному средству: пустили в дело полицию. Задача была изолировать зачинщиков беспорядков, произведя для этой цели аресты в общежитии рабочих Максвеля, где проживали 750 человек.

Дело было ночью, полицейские окружили общежитие и натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Рабочие бросали из окон бутылки и поленья, обливали полицейских кипятком. Двери были забаррикадированы. Полиция вступила в бой и к утру захватила все здание. Зачинщики были арестованы. Разъяренные полицейские подвергли их жестоким избиениям: кто в итоге лишился зубов, у кого были повреждены глаза и уши, у кого переломаны ребра...

Конечно, революционные настроения были присущи не всем работникам фабрики. Трудились здесь и религиозно настроенные граждане. Специально для них в рабочем общежитии, а затем в деревянном бараке, стоявшем сразу за фабричными корпусами (современный адрес — проспект Обуховской Обороны, 86), стали устраиваться богослужения, после которых следовали духовные беседы с показом диапозитивов и чтением житий святых. В 1900 году в бараке был создан молитвенный дом, при котором рабочие организовали общество трезвости имени святого Вонифатия.

Но и богослужebное благолепие иногда нарушалось революционными настроениями. В 1907 году в молитвенном доме побывал известный общественный деятель, депутат Государственной думы епископ Холмский Евлогий. В мемуарах он подробно описал приключившееся:

«Однажды вечером пришел ко мне студент Петербургской Духовной Академии, член студенческого кружка, который вел просветительную работу на фабриках, и просил меня отслужить молебен и провести беседу на ниточной фабрике Максвеля. Он обещал за мной заехать и отвезти за Невскую заставу. Я согласился...

Подъезжаем к зданию — оно полно народу, и на улице тоже черным-черно... Я обрадовался. „Какая, — думаю, — жажда Божьего слова...“ А спутник мой смущенно молчит. С трудом пробились сквозь толпу в дом, а там стоит гул... Я снял шубу, надел мантию. Мне навстречу вышел студент-священник с крестом.

— Мы встречаем вас не только как епископа, но и как народного избранника... — взволнованно начал он, а у самого, смотрю, руки дрожат.

И вдруг слышу — из толпы реплика: „И как хулигана!“

Я приложился ко кресту, вступил на солею, взял посох и обратился к толпе: „Мне странно... За что вы так враждебно встречаете? Я приехал помолиться, испросить Божьего благословения на ваш труд...“ Я не закончил — мою речь покрыли крики: „Громче!.. громче!.. иди на середину!.. мы с тобой поговорим!..“ Крики перешли в гвалт, в рев... Смотрю, над головами поднятые кулаки, револьвер... Слышу звон разбитых стекол... Весь зал — сплошная ревушая толпа. Бабы прячутся под мою мантию, цепляются за меня... „Не ходи!.. не ходи... — убьют!“ Я стою, опершись на посох, как вкопанный. Со всех сторон сыплются ругательства. „Руки в крови!!.. Палачи народные!.. Кровопийцы!!..“ Господь дал мне разуму выдержать враждебный натиск. Неистовство толпы продолжалось минут десять-пятнадцать, потом понемногу голоса стали стихать (по-

видимому, пронесся слух, что в район прискакала полиция). Когда утихли, я снова спросил:

— За что вы мне устроили враждебную демонстрацию? Я приехал с Евангелием, чтобы прийти вам на помощь, духовно поддержать вас.

— Ты бы похлопотал за наших детей, которые сидят в тюрьме! — выкрикнул кто-то.

— Я рад сделать, что могу, для облегчения их участи.

Не успел я это сказать — посыпались прошения. Я сказал, что рассмотрю их дома, а теперь предлагаю помолиться — хочу отслужить молебен.

Этим моя „беседа“ и закончилась. Понемногу рабочие стали расходиться. Реплики из толпы слышались уже иные: „Ну уж ты прости...“, „Мы не хотели...“ и т. д. Я вышел спокойно и уехал в санях в сопровождении конных стражников...

Скоро в одной из левых газет появилась статья „Евлогий попался“. Оказалось, что враждебная манифестация была организована по распоряжению из Думы. Изошло оно от депутатов социал-демократической фракции, когда они узнали, что я поеду на собрание рабочих».

Через какое-то время молитвенный дом получил статус церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы. После революции, летом 1923 года, храм был закрыт, а потом и снесен.

А фабрика Максвеля после революции в память о боевом прошлом получила гордое имя «Рабочий». Красно-кирпичные ее корпуса и сегодня являются характерной приметой этой части проспекта Обуховской Обороны.

И КАРТОН, И КАТУШКИ, И МЫЛО...

И еще три предприятия Невской заставы нельзя не упомянуть в этой книге. Они расположены на нынешнем проспекте Обуховской Обороны одно за другим, аккурат между фабриками Паля и Максвеля.

Сразу за владениями Паля в 1871 году появилась бумажная и толевая фабрика, построенная купцом 2-й гильдии Августом Вильгельмом Науманом. Сохранилось ее описание, сделанное осенью того года:

«На берегу Невы на расстоянии от большой дороги около 125 саженьей, в одноэтажном каменном доме, крытом тесом, в помещении, состоящем из двух отделений, в первом устроена мастерская для сортировки и упаковки бумаги, во втором поставлена бумагоделательная машина с сушильным аппаратом и тремя деревянными чанами для бумажной массы с механическими мешалками и десятикильной горизонтальной паровой машиной к ним... В настоящее время предполагается здесь выделять толевую картонную бумагу, переделка же оной в толь и осмолка производится в другом месте; впоследствии же по заявлению владельца фабрики близ этого строения, в отдельной постройке, будет устроено приспособление для выделки толя. Рабочих будет до 30 человек, которые помещаются на вольных квартирах».

Следующей весной работы на фабрике начались. Уже скоро фабрика Наумана стала крупнейшим в стране

Проходная предприятия «Картонтоль». Фото 2006 г.

производителем кровельного толя, и масштабы производства росли постоянно. В конце 1880-х здесь работали уже не тридцать, а двести человек.

Первая мировая война положила конец успехам предприятия. Фабрика начала работать себе в убыток. После революции предприятие, получившее новое имя «Картонтоль», столкнулось с новыми проблемами. В феврале 1918 года производство продукции было на время остановлено, а летом случился пожар. К счастью, восстановить производство оказалось возможным. А потом началась пора модернизации производства, и «Картонтоль» включился в систему народного хозяйства страны...

Работает «Картонтоль» и сегодня (его современный адрес — проспект Обуховской Обороны, 72). Он выпускает разные сорта картона и бумаги.

За «Картонтолем» до революции следовала Громовская лесная биржа. Собственно говоря, это была лишь одна из площадок этого крупнейшего в городе предприятия по продаже леса. Оптовые конторы биржи находились на Миллионной и Гельсингфорсской улицах, склады — у Большой Невки, а в селе Смоленском

помещался главный из двух громовских лесопильных заводов (второй был на Орловской улице). По данным на 1905 год, здесь трудились 230 рабочих.

Основателем биржи был купец-старообрядец Федул Григорьевич Громов. Художник и моряк Алексей Боголюбов, неплохо знакомый с семьей Громовых, рассказывал в своих мемуарах:

«Федул Громов был крепостной человек гр. Орловых, стал заниматься торговлей, набил деньгу и откупился, продолжая вести дело со своим старым хозяином, всегда крайне честно. Будучи лесным тузом на Бирже, он завел под Смольным свою верфь. Жил скромно, умел подобрать к себе честных людей на службу, скончался в старости, оставя Василию Федуловичу громадный капитал и вполне солидный торговый дом...

Василий Федулович всем говорил про своего отца с глубоким уважением, что потому он и богат, что у батюшки вся контора была в сапоге».

Добавим здесь, что у Федула Громова был брат Сергей, тоже крупный предприниматель. Братья Громовы были основателями старообрядческого кладбища за Московской заставой, получившего название Громовского. Там они и были похоронены, причем на могиле Федула Громова была такая обширная эпитафия:

«Честность, справедливость, негласная помощь ближнему, во всем воздержанность и негорделивость были для него законом. Не блеск образования и знания, а здравый ум, твердая память и дальновидность руководствовали в его обширных делах. При уповании на Бога, начав с ничего, неусыпно трудясь, он приобрел и знания, и состояние и во всю жизнь наслаждался любовью, счастьем и постоянным здоровьем».

Василий Федулович Громов достойно продолжил дело своего отца. Он прославился и как меценат,

ценитель искусств. Много сил отдал Громов работе в Императорском Человеколюбивом обществе, был одним из двенадцати основателей Императорского общества садоводства.

Боголюбов вспоминал:

«Не был Василий Федулович человеком образованным, но имел прирожденную любовь ко всему изящному. Ему принадлежала дача против Каменного острова, купленная от кн. Лопухина. Сад содержался роскошно. Дом стоял, что дворец загородный. Били фонтаны, была пароходная пристань и легкий паровой катер для прогулок, а по другую часть въезда стояла превосходная громадная оранжерея, где иногда зимой давались феерические праздники под громадными пальмами и другими редкими растениями. Он любил цветы, и дом его круглый год имел роскошное украшение. Любил он и лошадей, конюшня его была первоклассная. Музыка была ему тоже сродни по душе. Он иногда пел для себя, как умел, а для гостей давал концерты, приглашая всех знаменитостей петербургского музыкального мира. Стол держал открытый постоянно, как на даче, так и в городе, угощая всегда хорошим вином и тонкой кухней. А также любил он и картины, художество и художников».

После смерти Василия Федуловича все имущество перешло в руки его брата Ильи — по определению Боголюбова, «беспутного и слабоумного». И это стало катализатором всех последовавших событий. Управляющим громовскими делами был Владимир Александрович Ратьков-Рожнов, питомец Училища правоведения, происходивший из бедного дворянского рода. Илья Громов взял его себе в компаньоны. А после того, как и он умер, как-то вдруг оказалось, что все имущество досталось Ратькову-Рожнову.

Получив в руки громовские миллионы, тот распоряжался ими вполне рачительно. Много строил в

столице, приобретал недвижимость. Считал при этом если не каждую копейку, то уж каждый рубль точно. На этот счет есть характерное свидетельство архитектора Леонтия Бенуа, немало поработавшего с Ратьковым-Рожновым:

«Ратьков торговался, как истинный кулак. Заказывали мы магазинные окна и двери столяру Андрееву, жившему в доме Ратькова на Гончарной, 68. Тот за окно дубового дерева запросил 210 рублей, а потом скинул до 200. Ратьков зовет его в кабинет и говорит: „Ну, брат, ты очень дорого просишь“. — „Помилуйте, Ваше Превосходительство, у Вас же живем и у Вас же лес покупаем, уж самую низкую цену назначили“. — „Ну уж для меня уступи“. — „Не могу“, — отвечает Андреев. — „Ну, тогда не надо. Неужели не можешь уважить?“ — „Только для вашего превосходительства рубликов 5 скину“. Ратьков встал и, сердито посмотрев, говорит: „Что? Ты мне предлагаешь пять рублей?“ Тот опешил и говорит: „Виноват, Ваше Превосходительство, 10 рублей скину“. На том и кончили. Миллионер ловким тактическим приемом сшиб с позиции бедного столяра. При этом надо заметить, что всего было 8 рам, — значит, этим коротким ударом он выхватил 40 рублей! Отвратительная сцена. Ратьков был изрядный скот и, по-моему, не столько большого ума, как плутовства, что в жизни часто принимают одно за другое. Не столько нужно иметь ума, сколько не иметь совести. Все жулики всегда кажутся умнее порядочных людей».

Желчные слова, но справедливые ли? Во всяком случае, ведь сам же Бенуа подчеркивает: торговался «как истинный кулак». А станешь ли кулаком и сохранишь ли капиталы без такой торговли?

Удачливый предприниматель, действительный тайный советник, щедрый благотворитель, на протяжении пяти лет столичный городской голова, Рать-

ков-Рожнов был известен всему Петербургу. После смерти Ратькова-Рожнова его капитал оценили почти в 10 миллионов рублей. А похоронили миллионщика в Александро-Невской лавре — на престижнейшем Лазаревском кладбище.

Громовская биржа в селе Смоленском существовала до самой революции. Около нее происходило много всяких разных событий, о которых мы еще расскажем.

А в 1920-е годы на месте лесопильни появилось новое предприятие — катушечная фабрика имени Володарского, впоследствии преобразованная в деревообрабатывающий завод имени Володарского объединения «Ладoga» (проспект Обуховской Обороны, 76). На территории завода сохранились некоторые корпуса громовской лесопильни. А главное здание нового предприятия — высокое, оформленное в соответствии с духом времени, с серпом и молотом под самой крышей — было построено в 1928 году. Оно и сегодня выглядит приметно.

Солженицын в своем процитированном выше фрагменте из «Октября Шестнадцатого» упоминает «Катушечную фабрику, не похожую и на фабрику своей отменной постройкой». Ошибается Александр Исаевич — не было тогда на свете катушечной фабрики...

Очередь теперь за третьим предприятием этой главы, и на его счету — бесчисленное количество произведенных кусков мыла, а также других полезных для здоровья и красоты вещей.

В пушкинские 1830-е годы в этой части села Смоленского помещался небольшой свечной заводик. Потом он перешел в руки новооткрытого Общества для производства стеариновых свечей, олеина и мыла. Оно было основано в 1839 году, все необходимые разрешительные документы подписал министр финансов Е. Ф. Канкрин.

Стеариновые свечи были по тому времени новейшим изобретением. Даже три с лишним десятилетия спустя столичный журналист восклицал: «Слава мощному духу изобретательности! Говорю я, глядя на мою стеариновую свечку, избавившую меня от того до тошноты противного для меня запаха, которым обладала ее предместница — сальная свечка».

Известный писатель Михаил Ильин, брат Самуила Маршака, объяснял детям в одной из своих книг:

«На улицах уже горели газовые фонари, но в домах было по-прежнему темно. Газ для освещения домов был слишком дорог. А масляные лампы и сальные свечи горели скверно.

Рассказывают, что у писателя Белинского на рабочем столе стояла масляная лампа, но он ее никогда не зажигал, потому что не выносил запаха горелого масла. Работал он всегда при двух свечах.

Задача найти новый, лучший осветительный материал еще не была разрешена.

И вот, вместо того чтобы искать новые материалы, попробовали заняться улучшением старых.

Открыли, что из мягкого, жирного на ощупь сала можно делать красивые твердые свечи, не пачкающие рук, не оплывающие при горении и не дающие копоти.

Для этого нужно только очистить сало, или, вернее, выделить из него самую лучшую, твердую часть — стеарин.

Сало состоит из нескольких веществ: из глицерина и жирных кислот.

А жирные кислоты не все одинаковы. Одни из них твердые — это стеарин, а другие мягкие — это олеин.

Чтобы выделить из сала стеарин, нужно прежде всего отделаться от глицерина. Для этого сало нагревают с водой и серной кислотой.

Жирные кислоты всплывают наверх, а глицерин с кислой водой остается внизу.

Потом стеарин отжимают от олеина на прессах. Получаются твердые плитки стеарина. Остается его расплавить и отлить из него свечи.

Стеариновые свечи были изобретены во Франции. Скоро по всей Европе стали возникать стеариновые заводы.

И у нас в Петербурге был построен завод — Невский стеариновый».

Немудрено, что продукция предприятия пользовалась спросом и дело набирало обороты. В 1843 году, на очередной Всероссийской мануфактурной выставке, продукция завода впервые удостоилась высокой чести — права на изображение государственного герба. Даже серьезный пожар 1855 года не погубил предприятие, а был использован с пользой для дела: полученные по страховке деньги были пущены на оснащение передовой техникой — паровыми машинами, гидравлическими прессами, специальным оборудованием. Обновленные

Проспект Обуховской Обороны, 101. Фото 2006 г.

здания Невского стеаринового и мыловаренного завода построил в 1856—1860 годах архитектор Людвиг Бонштедт, крупный мастер промышленной архитектуры.

Впрочем, не всех радовал рост предприятия. Стеариновое производство ведь никак нельзя отнести к числу экологически чистых. Вот и отмечали современники «тяжелый смрадный запах, идущий от Невского стеаринового завода» и отравляющий атмосферу села Смоленского. А уж как благоухало на территории самого предприятия, можно узнать из доклада земской управы, составленного в 1879 году:

«Хотя мастерские высоки, но само производство таково, что воздух в них чрезвычайно удушлив, все предметы пропитаны стеарином, а между тем вентиляции нет почти никакой. В мастерских нет форточек; мастерские вентилируются открытием окон и кое-где встроенными маленькими отдушниками. По удушливому

Новое здание ЗАО «Невская косметика». Фото 2006 г.

запаху и довольно высокой температуре дистилляторная и чановые мастерские заслуживают особенного внимания».

К началу XX века стеариновый завод был крупнейшим в России предприятием своей отрасли. На нем трудилось около тысячи человек. Завод обзавелся даже собственной веткой от Николаевской железной дороги, действующей и по сей день.

Главным успехом завода стал выпуск мыла «Нестор» (название — оригинальная аббревиатура от названия завода). Журнал «Вестник мыловарения» в 1913 году писал: «Надо отдать должное „Невскому стеариновому товариществу“, которое удачно угадало момент, когда надо выступить на рынок с таким мылом; потребителю сильно надоели всевозможные дешевки, и он начал требовать, не стесняясь ценой, хороший, чистый сорт мыла».

Потребительские качества мыла (высокое содержание жирных кислот и экологическая чистота) были подкреплены агрессивной рекламой в газетах и журналах: «Требуйте настоятельно только МЫЛО НЕСТОР. Не поддавайтесь увещаниям брать другое».

Как утверждают заводские историки, ни одно мыло в России не подделывали так часто, как «Нестор»! Это мыло удостоилось и весьма престижной награды — золотой медали Парижской выставки.

В годы Первой мировой «Невское стеариновое товарищество», как и многие предприятия Невской заставы, переключилось на оборонные нужды. На фронт оно поставляло не только мыло и свечи, но и динамит...

В советские годы завод вошел в состав государственного жирового треста. В середине двадцатых на нем работал технолог Илья Яковлевич Маршак — тот самый Михаил Ильин, автор замечательных книг «Сто тысяч почему», «Рассказы о вещах» и некоторых других.

В советские годы завод стал выпускать косметическую продукцию, а с 1951 года и зубную пасту, в том числе «Мятную», «Лесную», «Бэмби». Пожалуй, самой популярной из паст завода стал «Жемчуг», выпускавшийся с 1970 года.

Сегодня бывший стеариновый завод — это ЗАО «Невская косметика» (проспект Обуховской Обороны, 80), которое известно далеко за пределами Петербурга и поставляет свою продукцию всей России.

ПОТ И КРОВЬ

Столько сказано уже о революционной истории Невской заставы, но тема эта поистине безбрежна. Вот и снова пора нам вернуться к этой теме, поскольку поводов для этого — с избытком.

Одна из главных революционных достопримечательностей бывшего села Смоленского — общежитие фабрики Максвеля, поныне стоящее на улице Ткачей, 3. А неподалеку с 1883 года работала Смоленская (Корниловская) вечерне-воскресная школа для рабочих: вначале полтора десятилетия в доме, имеющем ныне № 107/2 по проспекту Обуховской Обороны и улице Ткачей, затем в доме № 107б/2.

Открыта школа была на средства фабриканта Николая Варгунина, известного своей благотворительной деятельностью и удостоенного за нее большой золотой медали Вольного экономического общества. На его счету несколько открытых школ, театры. О нем тепло вспоминали и рабочие: «Вот предо мною полная фигура Н. А. Варгунина с простым, широким лицом и мягким ласкающим взором. По рождению он один из наследников большой писчебумажной фабрики, но никакого участия в прибылях фабрики не принимающий: он взял свою часть наследственного капитала и щедрою рукой тратит его на просвещение рабочих, — тратит не как богатый, взбалмошный барин, пред которым преклоняются за брошенную золотую подачку, —

нет, он своим трудом участвует в созданных им культурных учреждениях... Он был всем доступен и прост в обращении, и часто можно было видеть его окруженного детьми, которые тянулись к нему... И как больно ранили его доброе сердце цепкие полицейские шипы...».

Про шипы здесь сказано не случайно. После одного из обострений за Невской заставой на квартире Варгунина был устроен полицейский обыск. Это ускорило кончину фабриканта. Ушел он из жизни в 1897 году.

Смоленская школа была самой крупной школой для рабочих в России и даже в Европе — ее могли посещать несколько сот человек! Самыми знаменитыми из ее питомцев были уже известный нам Иван Бабушкин и ожидающий еще встречи с нами Василий Шелгунов. А самой знаменитой из учительниц Смоленской школы была, без сомнения, Надежда

Константиновна Крупская. Она преподавала здесь пять лет, с осени 1891-го по 1896-й. «Труд, — вспоминала она позже, — в воскресно-вечерней Смоленской школе был бесплатный, ездившим из города оплачивалась только конка. Езда на паровой конке, набитой всегда рабочими, давала яркие картины рабочего быта того времени».

«Никогда не забыть первого занятия, — а это уже воспоминания рабочего Жукова, одного из питомцев Крупской. — В небольшом классе

Мемориальная доска
на здании Смоленской школы

на скамейках сидела группа рабочих... У доски — высокая стройная девушка — Надежда Константиновна. Она рассказывала что-то про Индию, про жизнь индусов. Затем неожиданно перешла к нашей жизни. Ее простые, проникновенные слова о бесправии рабочих, о том, как хозяева фабрик наживаются на нашем поте и крови, открыли передо мной уголок нового мира, заставили по-новому смотреть на примелькавшиеся вещи».

И снова слово Крупской: она вспоминает о другом своем ученике по фамилии Карасев.

«Чахоточный, худой рабочий от Максвелля, с впалой грудью. Страстно хотел одолеть грамоту. Недавно приехал из деревни. Как стал писать, написал раз: „Выучи грамоте — подарю на сарафан“. Другой раз пожелал удалого жениха.

Раз вечерком приходит взволнованный. „Уж так сегодня расстроился, — рассказывает, — у меня должность такая — смотреть, чтобы двери были затворены. Ну, я с книгой сижу, не досмотрел. Проходит мастер, увидел, оштрафовал на полтинник“...»

Уроки Крупской изменили жизнь многих рабочих: те пошли в революционное движение. Изменили они и жизнь самой Надежды Константиновны. Ведь именно возвращаясь из Смоленской школы, она повстречалась осенью 1894 года с Владимиром Ильичем Лениным — встреча, о которой мы уже рассказывали в самом начале книги...

Крупская в советские годы нередко вспоминала о своей работе за Невской заставой. В статье с говорящим названием «Как я стала марксисткой» она писала:

«В этой школе я проработала пять лет, завязала очень большие связи, близко узнала рабочую жизнь, рабочих. Тогда были еще такие нравы, что приехавший инспектор закрывал повторительную группу за

то, что там проходились дробы, когда по программе полагалось лишь четыре правила арифметики, что рабочего высылали по этапу на родину за употребление в разговоре с управляющим выражения „интенсивность труда“ и т. д. И тем не менее в школе можно было работать. Можно было говорить, что угодно, не употребляя лишь страшных слов „царизм“, „стачка“, „революция“. И мы (на следующий год в школу поступило еще несколько марксистов) старались, не поминая имени Маркса, разъяснять ученикам марксизм».

А 1928 году в своей статье об антирелигиозной пропаганде Крупская посвятила дням минувшим несколько развернутых абзацев:

«Очень многие рабочие считали в те времена науку выдумкой бар; религию же, веру — чем-то своим, с чем связана жизнь масс. И помню, как я занималась географией и как один рабочий, повторив все доказательства шаровидности Земли, вдруг неожиданно сказал: „Только я этому не верю, это все барские выдумки, они нам, рабочему народу, голову заморочить хотят“.

Привлекала многих рабочих красочность, благолепие церковной службы. Двенадцать часов однообразной работы при машине притупляли, доводили до очумения; в свободное время — либо кабак, либо церковь, где пение, свечи, принарядившийся народ. Больше идти было некуда...

Были ищущие правды в религии. В группе Лидии Михайловны был ученик — рабочий с фабрики Максвелля — Точилов. Он от казенной церковности отошел, ходил на юг к штундистам, потом еще к каким-то сектантам. Однажды он написал Лидии Михайловне на вечернем уроке: „Я всю жизнь искал правды против капиталистов у бога. На страстной я узнал от Рудакова (другого ученика. — Н. К.), что бога и вовсе нет. И так легко мне стало. Потому, что нет хуже, как быть

«рабом божьим»: тут тебе податься некуда. «Рабом человечьим» легче быть, тут борьба». И Точиллов сделал выводы. Тогда не было рабочих организаций, не было партии. Точиллов решил бороться в одиночку. Он привел в порядок все свои дела, сдал книжки в библиотеку — и пырнул ножом в бок мастера, наиболее грубо, нахально обращавшегося с рабочими, наиболее усердно выматывающего из них соки. Точиллов просидел год в предварилке, там много читал, стал сознательным. Потом был суд. Мы с Лидией Михайловной ходили на суд. Максвелл сумел подобрать достаточно свидетелей против Точилова: двух мастеров, управляющего, старого бессознательного рабочего, но как жалки были их выступления по сравнению с мужественной речью Точилова!

...По тогдашним правилам ученики обязаны были по воскресеньям посещать уроки закона божия. Из моей группы никто не ходил. Поп устраивал скандалы. И вот однажды я убеждала — чтобы не закрыли группу — устроить очередь: в порядке повинности ходить по два человека по очереди. Кстати, надо было знать аргументацию попа, чтобы знать, как ей противостоять. Я помню, как один из учеников, улыбаясь, говорил: „Невтерпеж ведь. Спорить нельзя, а он что несет! С Дарвином спорит! Брось, говорит, курицу в воду, разве у нее вырастут перепонки?“

Дарвин был в большом почете у наших учеников».

Крупская была не единственной революционеркой, преподававшей в этой школе. Здесь вели уроки сестры Невзоровы, Лидия Книпович, Прасковья Куделли. На уроке последней побывал однажды сам Ленин.

Он и позже бывал в школе — в 1905 году, например, на заседаниях подпольного райкома партии большевиков.

А нас начало XX века побуждает переместиться в другую точку села Смоленского и продолжить уже там революционную тему.

Проспект Елизарова, как читатель уже знает, именовался прежде Палевским. Начинался он от Громовской биржи, причем места в начале проспекта были очень болотистые.

Из воспоминаний жительницы села Смоленского:

«„Громовская биржа“ отгородилась от Палевского высоким забором, оставив перед забором довольно большую полянку. На „Громовской бирже“ паслись коровы и козы палевских жителей, а по почти заросшим большим лужам плавали гуси, зеленоголовые селезни и утки с желтыми утятами. На полянку приходили няньки с ребятами, и ребята сквозь щели забора глядели на коров».

Мирный, вполне пасторальный пейзаж. Однако именно полянка у Громовской биржи стала центром притяжения революционеров. В 1901 году, по свидетельству революционера Александра Шотмана, здесь распределялась между доверенными рабочими подпольная литература. 1 мая 1905 года именно на ней прошла маевка местных рабочих.

Поблизости были и другие опорные точки.

В самом начале Палевского проспекта стоял одноэтажный дом, где базировалось местное отделение Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга. Организовал это собрание в 1904 году священник Гапон, состоявший тайным сотрудником охраны. Именно здесь Георгий Гапон 8 января 1905 года огласил петицию к царю. Он передал текст петиции рабочему Семянниковского завода Петрову с поручением вести рабочих с семьями наутро к Зимнему. Сам Гапон ночью отправился за Нарвскую заставу, откуда и пошел утром вместе с рабочими в путь к Зим-

нему дворцу. События Кровавого воскресенья хорошо известны...

А дом № 3 по Палевскому проспекту стал в конце того же 1905 года штаб-квартирой боевой дружины Невской заставы. Здесь жил рабочий Семянниковского завода Павел Цабо, активный участник дружины.

Вечером 12 декабря участники боевой дружины были арестованы — прямо здесь, на Палевском. «Дом был оцеплен отрядом казаков, — вспоминал один из участников дружины М. Гордеев-Битнер. — При себе мы имели по револьверу, кроме того, взрывчатые вещества... Если бы мы дело имели только с городовыми и охранниками, могли бы оказать успешное сопротивление и избежать ареста, но, взглянув в окно, убедились, что дело приходилось иметь с двумя десятками вооруженных казаков». При обыске в доме нашли множество улик, арестованные были препровождены в пересыльную тюрьму...

Именно эта дружина организовала нападение на трактир «Тверь».

И СТАРЫЙ САД, ОСЫПАННЫЙ МОРОЗОМ...

Когда дело Палей стало расширяться, семья принялась вкладывать земли в недвижимость. К началу XX века Палям принадлежало 8 домов, в том числе 4 за Невской заставой. Сам Карл Яковлевич обитал в собственном доме на Стремянной улице, 19 — том самом, где в середине XIX столетия некоторое время жил молодой Иван Сергеевич Тургенев.

Домами Палей за Невской заставой управлял уже упоминавшийся в начале книги «господин Берхгольц» — строительный техник Христофор Фридрихович Берхгольц. Уроженец Риги, он с 1879 года состоял на службе у Паля и ведал хозяйственными делами. В 1887 году женился, венчание проходило в недавно построенной церкви Смоленской иконы Божией Матери. История его брака была непростой: со своей будущей супругой Ольгой Королевой господин Берхгольц сошелся еще несколькими годами раньше, у них родилось двое детей, но скромный социальный статус Ольги Михайловны (она была горничной) мешал Берхгольцу официально признать их отношения. На улице они всегда ходили поодаль друг от друга.

Но в конце концов свадьба состоялась!

Долгое время семья Берхгольцев жила на съемной квартире в доме напротив фабрики. А потом она переехала на Палевский проспект. Здесь Паль при-

обрел заболоченную землю, которую стал раздавать арендаторам под застройку. «Осушить это болото он предоставил природе. Жить там превосходно, но только почему-то рабочие называют ту местность „Сахалином“ и жалуются весной и летом на скверный воздух», — писал уже известный нам Ногин. Впрочем, есть и более благодушный взгляд:

«Было время, когда Палевского проспекта совсем не было: было большое болото, поперек проходил железнодорожный вал. Это было лет тридцать тому назад. Теперешние отцы семейств на месте теперешних жилищ ловили карасей... По праздникам в этих местах происходили кулачные бои... Но вот владелец фабрики К. Я. Паль решил эксплуатировать это место, он купил эту землю и участки продавал более состоятельным рабочим и мастерам, которые и выстраивали на этих землях одно- или двухэтажные домики и потом всю жизнь выплачивали деньги Палю. Постепенно почти все болото было застроено».

На Палевском проспекте, 6/2, выстроил собственный дом и Христофор Берхгольц. Постройка выходила углом к Александровскому переулку. Такой адрес указан и в справочнике «Весь Петербург» за 1905 год, только транскрипция имени жильцов дана уже другая — Берггольц.

Дом Берггольцев находился примерно там, где стоят сегодня дома № 8 по проспекту Елизарова. Это был двухэтажный деревянный дом в восемь окон по фасаду и два окна в торце. Берггольцы жили на втором этаже, сдавая остальную часть дома внаем. Быт семейства был достаточно обеспеченным. Квартира была обставлена мебелью красного дерева в стиле ампир. Здесь любили книги: целый шкаф, был заполнен роскошными изданиями русской классической литературы.

Палевский жилмассив, 1952 г. Фото Г. Н. Савина

Дом окружала зелень. Небольшой сад с цветами и кленами перед зданием, огороженный штакетником с вырезными сердечками. За домом — яблони, кусты сирени. Дорожка вела к застекленной беседке, где стоял стол с венскими стульями. А еще на участке Берггольцев были флигель с квартирами для жильцов, баня, крольчатник и курятник, двухэтажный сарай с коляской собственного выезда. И огород. Весь этот немаленький участок простирался вплоть до нынешней улицы Ольги Берггольц.

Да, название этой улицы совсем не случайно. Внучка Христофора Фридриховича, Ольга Берггольц, провела в этом доме не один год своей жизни. В своей книге «Дневные звезды», в очерках она много рассказывала о том, как жилось на Палевском.

«Все было живым в Стране Детства.

Ее необъятная территория начиналась, конечно, с нашей небольшой, но, как казалось тогда, огромной квартиры. О, тогда здесь не было ничего незначительного и мертвого. Наоборот, каждая вещь жила своей особой жизнью, имела свое лицо, голос и повадки.

В прихожей стояла огромная бочка с темной, глубокой водой. Если, подтянувшись на цыпочки, на-

клониться над бочкой и крикнуть, бочка отвечала толстым сердитым голосом, как дяденька. Лицо у нее тоже было толстое, с надутыми щеками. В бочке можно было утонуть, и, наверное, в глубине ее вод жили рыбки. Зима начиналась с бочки: в темной ее воде заводились юркие, скользкие, как мальки, льдинки. Авдотья не давала их ловить руками...

Блистающая, всегда теплая кафельная плита имела топку, духовку, а под духовкой еще какую-то маленькую дверцу, которую Авдотья ни за что не позволяла открывать и испуганно кричала, как только я подбиралась к этой дверце:

— Уйди! Там зола! Не трожь!

— Почему?

— Откроешь — полетит, глаза щипать будет.

Я еще не знала, что такое зола (слово-то было произнесено впервые!), и решила, что это какая-то злая тетка, которую Авдотья поймала и заперла под духовкой. И зимними вечерами, когда дули ветры, — так страшно было на кухне! — злая тетка Зола стучалась в дверцу, тихонько скулила, и я тесно прижималась к Дуне, которая Золы ничуть не боялась, а выгребала ее по утрам, когда все спали...

В столовой, где обои были как дубовые доски

О. Берггольц

и в углу стояла гофрированная золотая печка (мы были уверены, что она всамделишная золотая), а в центре — большой стол под висячей лампой, самой замечательной вещью были стенные часы: небольшая рогатая головка оленя украшала их, и если, притаившись, сощурить веки и быстро-быстро вращать глазами, олень начинал поворачивать голову из стороны в сторону, и казалось, что вот он сейчас совсем оживет и, маленький, милый, соскочит с часов. «Оленюшка!» — звала я его шепотом. Но волшебство моментально исчезало, как только я по-настоящему открывала глаза.

Это была эпоха божественной потребности осязать и наименовывать вещи, вдыхать в них душу, наслаждаться их движением».

Уже повзрослев, Ольга Берггольц видела, как в голодное послереволюционное время «Громовская биржа», огороженная старым мшистым забором, была превращена местными жителями в огромный огород.

«Все, что можно, раскопали под картошку. На полянку свезли старые большие котлы и трубы. Все, что осталось, раскопали жители... Весной, летом и осенью голодные жители копались в плохой земле, смешанной с черепками и кирпичами: рыли, пололи, подкапывали, жадные были до земли — только и жили ей тогда».

И еще впечатления начала 1920-х годов, связанные с углом Палевского и Шлиссельбургского проспекта:

«Тут, направо, еще совсем недавно стояла общественная уборная из гофрированного железа, такая, что снизу видны были ноги заходящих в нее граждан, а крыша у нее была сооружена в точном виде германской каски, с орлом спереди и с пикой на макушке. Уборная возводилась заставскими патриотами-торговцами на втором году Первой империалистической войны, и с тех пор я и помнила ее. А напротив, по левую руку, тоже совсем недавно располагалось другое сооружение — торговое: то был шаткий дощатый

прилавок, вернее, лоток, над которым на двух рейках трепетал дощатый навес; под этим неверным укрытием стоял старичок, дядя Гриша, который в самом начале нэпа выстроил этот „магазин“ и открыл здесь торговлю ирисками и тянучками. Каждое утро по дороге в школу я подходила к дяде Грише и спрашивала:

— Дядя Гриша, почему сегодня тянучка?

— Сегодня — двести восемьдесят миллионов штука, — отвечал он невозмутимо.

То была пора инфляции, когда рубль неудержимо падал».

А потом у Палевского начал расти новый жилой квартал, построенный специально для рабочих:

«С весны 1925 года стали ломать старый мшистый забор. Свезли ржавые котлы и трубы.

Прощай Палевский огород! Ну да и не нужен он теперь, есть чем питаться... С утра до ночи ездили ломовые с кирпичом, с цементом, то и дело слышалось: „Поберегись!“ Строили новый забор, загораживали полянку... Дудел Палевский. Ходили инженеры, мерили. Осушали болото. Рыли глубокие канавы... Ох, плохое было время для палевских жителей: грязь была невообразимая... Целую весну возили кирпич... А на осушенной местности закладывали бетон — фундаменты новых домов... Воздвигали стены, быстро так росли дома — „как грибы“! Едва взойдет солнце, а уж воздух наполнен звоном оббивающегося камня, гомоном молотков, грохотом телег с камнями и кирпичами... Уже к осени были готовы почти все дома... Починили улицу, сняли забор, и вот уже новые, большие красные дома глядят окошками на Палевский, как полноправные хозяева... Пройдут года и многие забудут, что на месте этих красивых домов паслись козы и крякали утки... Вот, ребята, как мы растем!...»

Дадим справку: Палевский жилмассив построили в 1925—1927 годах архитекторы Алексей Зазерский

и Николай Рыбин. 19 домов (современные адреса — проспект Елизарова, 4, 6, 8; проспект Обуховской Обороны, 95; улица Ольги Берггольц, 3, 5, 7) были сгруппированы вокруг пяти зеленых дворики, в центре комплекса устроили сквер с дорожками и фонтанами. Возведенные тогда дома стоят и сегодня вдоль проспекта Елизарова. Выглядят они не так привлекательно, как прежде — хотя бы потому, что от первоначальной чистоты, от продуманной планировки с дворами, садами и фонтанами мало что осталось...

На Палевском Ольга Берггольц писала свои первые стихи.

«Папе одно нравилось, а другое нет. Когда я прочитала ему стих о нашем саде, он покрутил головой, взъерошил волосы и сказал: „Очень здорово... Как у Пушкина!“ — и целый вечер, по привычке своей расхаживая по квартире и ероша волосы, гудел первую строчку:

Ты дремлешь, старый сад, осыпанный морозом...

А когда я влюбилась в одного мальчика из девятого параллельного и написала стихотворение:

Ландыши! Душистые,
Чудные цветы!
Слезы серебристые
Девичьей мечты, —

он сказал: „М-да...“ и негромко, но очень обидно пропел на лихой мотивчик „Далеко до Типперэри...“:

Сантименты! Сантименты!
Сантименты, господа!

И так как я знала, что для папы слово „сантименты“ хуже всякого ругательства, я расплакалась от огорчения и обиды.

Мама потихоньку утешала меня и говорила, что стихотворение „чудное, чудное“ и что папа не понял его».

И еще, в день траура по Ленину:

«Я молча прошла на кухню, в Дунин угол, и стала писать стихи о Ленине. Я написала о том, что только что было:

Как у нас гудки сегодня пели!
Точно все заводы
встали на колени.
Ведь они теперь осиротели.
Умер Ленин...
Милый Ленин...»

В начале 1928 года Ольга Берггольц вышла замуж за поэта Бориса Корнилова. Они поселились на Палевском. Однако счастливое время длилось недолго. К лету 1930 года поэты разошлись.

Шесть лет спустя в знаменитом стихотворении «Память» Корнилов упомянет Невскую заставу:

Испытанная память, она моя по праву, —
я долго буду помнить речные катера,
сады, Елагин остров и Невскую заставу,
и белыми ночами прогулки до утра...

Ольга Берггольц покинула Палевский в 1932 году, перебравшись в только что построенный на улице Рубинштейна дом-коммуну писателей и инженеров, более известный под ироническим именем «Слеза социализма».

Впрочем, она бывала здесь и позже. Скажем, в грозные дни начала Великой Отечественной: «Я вышла во двор наш, взглянула на сад — он был прекрасен в златосумрачном наряде своем, густой, вновь разросшийся после того, как в гражданскую его почти вырубили...»

Увы, блокадные времена дом Берггольцев не пережил. Сегодня о нем напоминает только название улицы Ольги Берггольц.

ДОМА ДЛЯ РАБОЧИХ

Еще в 1933 году путеводитель отмечал, что в «боковых переулках» села Смоленского — «лабиринт маленьких улочек с типично-поселковыми деревянными полуразрушенными домами; вдоль проспекта с. Смоленского, наряду с деревянными 2-этажными домами пригородного типа, возвышаются и каменные многоэтажные дома с маленькими квартирами для рабочих».

(Проспект села Смоленского — так именовалась проходящая по этому селу часть проспекта Обуховской Обороны.)

Жилмассив на ул. Ткачей. Фото 1933 г.

Улица Ткачей. Фото 1930 г.

Но уже шли в селе Смоленском огромные перемены. Начались они в 1920-е годы, когда в Ленинграде только развивалось новое строительство. Одной из первых ласточек этого строительства стал воспетый Ольгой Берггольц Палевский жилмассив.

Жилмассив для рабочих на улице Ткачей. Фото 2006 г.

Жилмассив на ул. Ткачей. Фото 2006 г.

Двух- и трехэтажные дома вошли в состав другого микрорайона, возведенного тогда же на улице Ткачей. «На большой полукруглой площади воздвигнут по проекту архитекторов Бурышкина и Тверского ряд новых домов, соединенных арками. В них квартиры по 2—3 комнаты с балконами, заселенные преимущественно текстильщиками» (путеводитель 1933 года). Большая полукруглая площадь и сегодня существует на пересечении улицы Ткачей и улицы Бабушкина. Один из углов ее занят другой замечательной постройкой того времени — школой, возведенной архитектором Григорием Симоновым в стиле конструктивизма.

Еще одна школа появилась на углу нынешних улицы Седова и Большого Смоленского проспекта. Известно, что за Нарвской заставой существует школа, напоминающая в плане очертания серпа и молота, а вот школа на Большом Смоленском, построенная в 1932—1933 годах по проекту архитектора Константина Дмит-

риева, повторяет в плане очертания самолета. Конечно, не современного авиалайнера — аэроплана прежних времен. С 1951 года в этом здании помещается мореходное училище (ныне — Морской колледж).

Был и еще один микрорайон — «наряду с каменными домами для рабочих за Агафоновской улицей возведен ряд деревянных 2-этажных домов, на 4 квартиры каждый. В центре застроенного участка — здание общественной прачешной». Если руководствоваться современными ориентирами, то находился этот участок застройки за улицей Седова в створе улицы Ткачей. Но вот от него мало что осталось, да это и понятно: в войну многие деревянные постройки Невской заставы были разобраны и пущены на растопку...

Примерно в ту же пору строился огромный Дом культуры текстилей, спроектированный архитектором Сергеем Овсянниковым и открытый к ноябрьским

Школа в жилом массиве на улице Ткачей. Фото 2006 г.

Морской колледж. Фото 2006 г.

*Проспект Обуховской Обороны, 105.
Флигель ДК им. Н. К. Крупской («Крупа»). Фото 2006 г.*

Дом культуры им. Н. К. Крупской. Фото 2006 г.

праздникам 1927 года. «Красная газета» тогда отмечала: «внутри еще пахнет известкой и смолой, кое-какие работы не окончены, но масса света, уют громадного зрительного зала говорят еще об одной победе, одержанной на культурном фронте».

Любопытная деталь: при возведении ДК строители не стали сносить стоящий рядом особняк XIX столетия. Его просто соединили с новым зданием, превратив таким образом во флигель. Если смотреть на ДК с проспекта, то флигель этот — слева.

Дом культуры текстилей известен современным петербуржцам как Дворец культуры имени Крупской, он же фамильярно «Крупа» — место,

где уже много лет базируется крупнейшая в нашем городе книжная ярмарка. Перед зданием ДК (проспект Обуховской Обороны, 105) стоит небольшой памятник Надежде Константиновне, исполненный по модели скульптора Любови Холиной (самое известное произведение которой — не так давно появившийся памятник Достоевскому на Большой Московской улице). Есть несомненная справедливость в том, что именно ДК имени Крупской стал центром книжной торговли. Надежда Константиновна много занималась проблемами чтения и библиотек, и хотя буржуазным книгам от ее действий явно не здоровилось, она сделала немало для просвещения рабочих. Не говоря уж о том, что в селе Смоленском она и до революции была своим человеком, о чем наш читатель уже вполне осведомлен...

Ну и, наконец, уже у самой границы бывшего села — в глубине участка № 119 по нынешнему проспекту Обуховской Обороны — в 1928–1929 годах появилась

Памятник Н. К. Крупской у входа в «Крупу». Фото 2006 г.

Фабрика-кухня при заводе «Большевик». Фото 1934 г.

двухэтажная фабрика-кухня. Этому событию предшествовал большой архитектурный конкурс, который выиграли архитекторы Армен Барутчев, Исидор Гильтер, Иосиф Меерзон и Яков Рубанчик. Им было предоставлено право построить четыре фабрики-кухни в разных районах города — за Невской заставой, на площади Стачек, на Васильевском острове и на Выборгской стороне.

Первенцем в этом списке стала Невская фабрика-кухня. Известно, что в 1931 году она уже работала на полную мощность, выпуская и доставляя 35 тысяч обедов в день.

Строились фабрики-кухни во имя великой идеи: освободить работниц от тягот домашнего труда, от необходимости каждодневно готовить пищу. Юрий Олеша в своей «Зависти» красочно сформулировал общий лозунг фабрик-кухонь:

«Женщины! Мы сдуюм с вас копоть, очистим ваши ноздри от дыма, уши — от галдежа, мы заставим картошку волшебным образом, в одно мгновение, сбрасывать с себя шкуру; мы вернем вам часы, украденные у вас

«Палевский сад». Фото 2006 г.

кухней,— половину жизни получите вы обратно. Ты, молодая жена, варишь для мужа суп. И лужице супа отдаешь ты половину своего дня! Мы превратим ваши лужицы в сверкающие моря, щи разольем океаном, кашу насыпем курганами, глетчером поползет кисель! Слушайте, хозяйки, ждите! Мы обещаем вам: кафельный пол будет залит солнцем, будут гореть медные чаны, лилейной чистоты будут тарелки, молоко будет тяжелое, как ртуть, и такое поплывет благоухание от супа, что станет завидно цветам на столах».

*Городская больница на проспекте Елизарова, дом 32.
Фото 2006 г.*

Нельзя не упомянуть в этой главе и еще два приобретения села Смоленского начала 1930-х годов. Первое — это замечательный сад, разбитый на месте пустыря «на пересечении Палевского проспекта с Агафоновской улицей», и поныне радующий окрестных жителей. Он именуется сегодня то Палевским, то Молодежным, а современный его адрес — квартал между проспектом Елизарова, улицами Седова, Ольги Берггольц и Пинегина.

А еще дальше по проспекту Елизарова (дом № 32) стоит здание городской больницы, обязанной своим рождением тем же годам. Только раньше это была не больница, а профилакторий «Текстильщица». «По богатству оборудования и по обстановке, продуманной до мельчайших деталей, профилакторий является одним из лучших в Европе. Пропускная способность его — 3,5 тыс. чел. в день».

Строителями медицинского заведения, открытого в 1930 году, были два известнейших архитектора — Лев Руднев и Игорь Фомин при участии Евгения Левинсона.

Заботились тогда о рабочем населении Невской заставы!

ГРИМАСЫ ТОПОНИМИКИ

Оставляя за спиной село Смоленское, самое время поговорить о гримасах топонимики, которые здесь, за Невской заставой, на удивление характерны.

В советское время очень многие улицы и переулки лишились своих былых имен и получили новые, более соответствующие духу новой эпохи. Как не повезло при этом Смоленскому! На смену целому ряду осмысленных, исторически обоснованных имен пришли имена случайные, никоим образом с Невской заставой не связанные.

Конечно, случались и удачные переименования. Мартыновская улица, например, совершенно справедливо стала улицей Ольги Берггольц: Ольга Федоровна жила совсем рядом. Тесно связано с историей Невской заставы и имя проспекта Обуховской Обороны.

Вполне уместным выглядит наличие на карте переулка Ногина и улицы Невзоровой: оба этих члена партии большевиков немало поработали за Невской заставой. Зинаида Николаевна, к слову, была супругой знаменитого революционера Глеба Кржижановского.

Не поспоришь и с улицей Крупской: это название даже органичнее для Невской заставы, чем Московская улица. Надежда Константиновна в этих краях — свой человек!

Но вот откуда взялся здесь Марк Тимофеевич Елизаров? То обстоятельство, что он был мужем одной из сестер Ленина, а значит, и родственником Крупской,

как-то слабо убеждает. Жил и работал он по большей части на Волге, в нашем городе трудился заметно меньше. А ведь до революции проспект Елизарова звался Палевским, и несмотря на сложное отношение к фабрикантам-кровопийцам, стоит признать: Палевский проспект больше подходит селу Смоленскому. Да и станция метро «Елизаровская» вполне могла бы зваться «Смоленской». По крайней мере, такое имя напоминало бы пассажирам об истории этой части Санкт-Петербурга.

Свой вклад в летопись Невской заставы внес революционер Михаил Степанович Ольминский — но все-таки жаль, что его именем назвали Смоленскую улицу. И без того в округе хватает революционных наименований. Кроме перечисленных выше это еще и проложенная в советское время улица Бабушкина, да и улица Ткачей — она напоминает не только о самих ткачах, но и об их выступлениях против капиталистов и царской власти.

Можно смириться с улицей Седова: в конце концов, влившиеся в нее Екатерининская и Агафоновская улицы напоминали всего лишь о местных землевладельцах. Правда, еще одна часть улицы Седова звалась Экипажной — в связи с тем, что неподалеку осуществлялся ремонт экипажей. Но и это не столь значимо. Георгий Яковлевич Седов — личность заметная, героическая и хоть отдаленно, но все-таки связанная с селом Смоленским. Седов был выдающимся исследователем Арктики, а о роли Невского завода и спущенных им на воду ледоколов в этих исследованиях мы уже писали...

Но зачем в 1985 году Карловскую улицу переименовали в улицу Пинегина? Только потому, что Николай Пинегин был соратником Седова и автором книги о нем? Но как же тогда быть с Карлом Палем, память о котором оказалась окончательно стерта с карты города?

И совсем уж непонятно: зачем упразднили в 1976 году Уездный проспект, проходивший за улицей Седова мимо поликлиники № 6? Он ведь и сегодня существует — только уже как проезд без названия. А ведь напоминание о стоявшей неподалеку уездной земской управе было бы не лишним. Особенно после переименования Земской улицы в улицу Невзоровой.

И все-таки не все так плохо.

Уцелел в череде перемен Большой Смоленский проспект. Живы поныне Общественный переулок и Перевозная набережная, находящиеся между проспектом Обуховской Обороны и Невой, примерно в створе Большого Смоленского. На Общественной помещалось когда-то Общество ямщиков села Смоленского и работала Первая Смоленская земская школа (а также с дореволюционных времен доныне стоит метизный завод, когда-то гвоздильный завод Аристова), а Перевозная напоминает: здесь находилась пристань переезда через Неву.

А на другой стороне села Смоленского, за улицей Седова, существуют и сегодня Зубковская улица и Старопутиловский вал. Первая напоминает о землевладельце Дмитрие Зубкове, хозяине дома и трактира на Шлиссельбургском тракте в начале XX века, а второй — о проложенной в XIX столетии железнодорожной ветке, соединившей предприятия Невской заставы с Путиловским заводом.

КАРАУЛ!

Улица Крупской обозначает границу села Смоленского, за ней начинается село Михаила Архангела. Еще в допетровские времена здесь проходила дорога от Невы, и рядом находилась пустошь Кеппина, в которой время от времени поселялись отдельные хозяева.

В пушкинское время рядом с дорогой, близ Невы, находилась дача Семена Прокофьевича Берникова, архитектора и соавтора лицевых корпусов Фарфорового завода. Его приемной дочерью была Мария Екимовна Панаева. И если сама Панаева мало кому известна, то ее сын Иван Иванович оставил заметный след в литературе и журналистике. Соратник Некрасова, соиздатель журнала «Современник», автор популярного некогда слова «хлыщ» — этого достаточно, чтобы обеспечить место в летописях русской литературы.

Мемуаристка писала об Иване Панаеве:

«Эти берега Невы были ему родиной; он провел на них свое детство и юность. У его дедушки, Берникова, у которого он воспитывался со дня рождения, была на берегу Невы дача, между Невским монастырем и Фарфоровым заводом, где Берников жил зиму и лето».

Дачное место времен Пушкина и панаевского детства уже к середине XIX века превратилось в промышленную зону. Историк Михаил Пыляев так описывает обстановку в этих местах середины XIX века:

«Местность, где теперь стоят заводы механические и другие частные, вплоть до фарфорового, представляла... пустынное пространство с разрытыми ямами, наполненными водою. Здесь некогда были кирпичные заводы; один из таких больших стоял на месте, где теперь церковь Михаила Архангела. Вся эта местность, особенно зимою в ночное время, представляла не мало

И. И. Панаев

опасности. По словам старожилов, здесь на дороге часто находили убитых или изувеченных, и по вечерам то и дело слышались крики: караул и спасите!»

К словам Пыляева можно добавить лишь одну деталь: помимо кирпичных заводов, коих вообще вдоль Невы хватало, в этих краях работал и казенный гончарный завод.

Поселившиеся в этих краях рабочие много лет хотели обзавестись собственным храмом. Однако осуществить мечту им долгое время не позволяли финансовые ресурсы. Лишь к 1860 году деньги были набраны в необходимом количестве, постройка началась — и завершилась два года спустя. Стоил храм вдвое дешевле, чем главная церковь села Смоленского — 48 500 рублей. Да и строил его мастер скромный, мало кому известный — архитектор департамента железных дорог Борис Федорович Лорберг.

В сентябре 1862 года храм освятил митрополит Исидор, совсем недавно вступивший в управление столичной

*Церковь Михаила Архангела.
Иконостас Михайловской церкви*

епархией. Этот священник пользовался «совершенно заслуженной репутацией очень умного иерарха, отличного администратора и истинного монаха по своей жизни» (свидетельство Сергея Юльевича Витте), и ему было суждено возглавлять епархию 32 года.

Спустя пять лет на самом углу тракта и Московской улицы (так звалась нынешняя улица Крупской) была построена небольшая часовня.

Церковь не обладала признанными святынями, но пользовалась любовью местных жителей. Здесь устраивали крестные ходы, тут же проходили просветительные беседы с рабочими. Стоял храм в окружении деревьев, а вот кладбища при нем вопреки всем традициям не было — очевидно, из-за дефицита здесь места.

Жителей села Михаила

Архангела хоронили на Успенском кладбище, ныне не сохранившемся (примерный его адрес в современной системе координат — улица Седова, 43, в глубине

участка). Сюда тоже устраивались крестные ходы из церкви.

7 марта 1932 года церковь Михаила Архангела была закрыта. Решение Ленгорисполкома о ее сносе было утверждено на самом верху, постановлением ВЦИК. Буквально на следующий день после закрытия началась ломка храма. В архиве сохранилась справка, датированная осенью 1932 года, о том, что работы по сносу церкви выполнены на 50 %. Последняя точка в этих работах была поставлена в 1933 году.

Теперь территория церкви Михаила Архангела занята Пролетарским заводом.

«ШУМ, СТУК И ВСЕОБЩЕЕ ДВИЖЕНИЕ ИЗУМЛЯЮТ ЗРИТЕЛЯ»

Вот и прозвучало это название: Пролетарский завод. Он же Александровский чугунолитейный, Александровский механический. Главное предприятие села Михаила Архангела.

Александровский чугунолитейный завод был основан в 1825 году. Этому предшествовали события непростые, во многом трагические. В Петербурге уже существовал

*Александровский чугунолитейный завод.
Акварель, первая половина XIX в.*

чугунолитейный завод — на Петергофской дороге, за Нарвской заставой. Но катастрофическое наводнение 1824 года нанесло этому предприятию огромный ущерб, и не только финансовый. В воде погибли до 150 заводских рабочих.

После этого и решили перевести завод на новое место. Так в 1825 году и был основан казенный чугунолитейный завод за Невской заставой, на седьмой версте Шлиссельбургского тракта. В сентябре 1826 года здесь началось «в большом количестве литье чугуна». Один из посетителей тогдашнего завода, журналист Владимир Бурнашев, восторженно описывал увиденное:

«Я бывал там прежде, видел землю, изрытую в разных направлениях для добывания глины, до такой степени неровную (это Бурнашев вспоминает, разумеется, о стоявших тут кирпичных заводах. — *Д. Ш.*), что не мог себе вообразить, где и как можно устроить завод, который теперь так красиво тут высится и так деятельно действует. Перед взорами нашими открывается ряд каменных зданий в две линии по большой дороге... В некотором отдалении красивая и чистая слобода с деревянными раскрашенными домиками для помещения офицеров горного ведомства, служащих при заводе, и самих мастеровых... Пространство, занимаемое заводскими строениями, представляет ровную площадь, с бассейном и судоходным каналом, впадающим в Неву, на берегу которой устроена верфь... Мастерские, кузницы и литейная представляют необыкновенное зрелище. Везде действуют паровые машины: они приводят в движение тысячи различных орудий, раздувают огонь, поднимают тяжести, а руки человеческие дают только формы вещам, изобретенным умом. Вошед в мастерскую, кажется, что находишься во внутренности огромных часов: повсюду движутся сами собою, разумеется, от действия паровой машины,

вальки, колеса, молоты, поршни; шум, стук и всеобщее движение изумляют зрителя. Здесь гений человека торжествует над природою: паровая машина, подобно воле или мысли, сообщает жизнь и движение неодушевленным членам огромного тела, и только люди кажутся неподвижными при своих станах».

Первые корпуса завода, построенные в стиле классицизма, то ли по «образцовому» проекту знаменитого Василия Стасова (как пишется в ряде книг), то ли по проекту куда менее знакомого читателю архитектора Александра Постникова при участии Стасова, и сегодня стоят на проспекте Обуховской Обороны (дома № 123а, 125, 127). Главный его корпус обозначен фигурами двух чугунных львов, отлитых на самом заводе по модели известного скульптора Ивана Прокофьева. За годы своей жизни предприятие много раз расширялось, обретало новые постройки (в их числе хорошо видную с проспекта Обуховской Обороны эффектную водонапорную башню, возведенную в 1890-е годы).

Чугунные фигуры львов у главного корпуса завода. Фото 2006 г.

Первым директором Александровского чугунолитейного завода был выдающийся инженер, выходец из Шотландии Матвей Егорович Кларк. Он управлял постройкой предприятия, под его руководством завод выполнил и самые знаменитые свои заказы. Жил Кларк здесь же, близ завода, в собственном доме.

С первых лет на заводе не только лили чугун, но и строили суда — к 1844 году на счету его были уже 17 пароходов, в том числе знаменитый пароход «Нева», спущенный со стапелей 30 мая 1830 года. Он был оснащен паровой машиной с гребными колесами и мачтами с рангоутом и парусами. Изящно отделанные каюты могли вместить 40—50 пассажиров. Летом «Нева» отправилась в свое первое плавание, которое оказалось историческим. Через Лондон, Лиссабон, Гибралтар, Мальту и Константинополь пароход к началу марта дошел до Одессы. Это было первое столь дальнее плавание русского парохода!

Александровский завод. Дом Кларка. Фото 2006 г.

«Неве» принадлежит и еще один приоритет: она открыла первую на Черном море регулярную пароходную линию Одесса—Константинополь. Проезд по этой линии, к слову, стоил необыкновенно дорого: билет первого класса обходился в 100 рублей, второго — 50 рублей, самый дешевый (для палубных пассажиров) — 20 рублей. И это в те времена, когда фунт говядины стоит не больше семи копеек!

А в 1834 году на Александровском заводе была изготовлена знаменитая подводная лодка Карла Шильдера. Карл Андреевич был выдающимся военным инженером, знатоком минного дела. Мысль о постройке подлодки возникла у него, когда он думал об использовании гальванических мин для защиты портов от неприятеля. Его увлекла мысль построить судно, которое под водой могло бы доставить мину к неприятельскому кораблю и подорвать ее.

Лодка Шильдера строилась из котельного железа (это была первая цельнометаллическая подводная лодка!). Корпус длиной около шести метров имел яйцевидную форму. Для движения лодки под водой были придуманы специальные весла-лопатки с ручным приводом, укрепленные по обоим сторонам судна. На лодке впервые появились такие приспособления как подводные якоря и оптическая труба — прообраз перископа!

Когда постройка лодки была завершена, Шильдер докладывал: «главный механизм, на котором основано губительное действие сей лодки, готов, и только при отправлении лодки в Петергоф или Кронштадт лодка сия снарядится всеми разрушительными средствами для действия под водою, дабы таким образом простоту сего механизма сохранить по возможности в тайне».

Пробные испытания лодки прошли в августе 1834 года у Александровского завода, на Неве. Потом опыты

продолжились в Кронштадте. В целом опыт Шильдера был признан успешным, и ему предложили построить новую, более совершенную лодку.

Об испытаниях этой второй лодки, построенной на том же Александровском заводе, сохранилось свидетельство современника:

«В лодке находились 8 человек экипажа, а генерал Шильдер для лучшего во время опытов управления лодкою находился вне оной на палубе, погруженный в воду по грудь в одежде из непроницаемой водою ткани и с плавучими поясами. Приказания свои для управления лодкой он передавал находившимся внутри лодки посредством длинного каучукового рукава, проходившего во внутренность лодки, и другой конец которого, в виде рупора, находился у него в руках...

По отплытии 50 сажен под водою воспламенены были две ракеты, которые по причине сильного волнения не могли долететь до своей цели и разорвались в волнах, не в дальнем расстоянии от лодки. Между тем волною заплеснуло разговорную трубу, и не прежде как через $\frac{1}{4}$ часа по отлитии сей воды можно было продолжать дальнейший путь. При приближении к судну мина, находившаяся на носу лодки, приткнута была к судну удачно, сама же лодка течением была увлечена под киль судна, но железные шесты с флюгаркою удержали оную, и плывший сзади катер взял оную на буксир. Выехав из-под судна, лодка вновь унесена была течением и наехала на гальванические веревки от постоянных, в воду опущенных мин проведенные, и порвали проводы от двух мин».

Череда накладок показала: подводная лодка еще не готова стать надежным оружием. Дальнейшие работы решено было не продолжать.

Наряду с кораблями Александровский завод с первых своих лет стал выполнять нерядовые заказы. Изготовил

медные фигуры двух львов для пристани у Зимнего дворца, а также львов и грифонов для висячих мостов через Екатерининский канал. Отлил решетку Летнего сада, установленную со стороны Мойки. Создал все необходимые детали для мостика в Павловске, строившегося по проекту Карла Росси. Выполнил заказ особой важности: по моделям скульпторов Демут-Малиновского и Пименова из тонких листов меди изготовил триумфальную колесницу для арки Главного штаба. Участвовал в создании Нарвских и Московских триумфальных ворот, Египетских ворот в Царском Селе.

В 1832 году металлоконструкции завода были использованы для перекрытий строившегося Александринского театра. Вокруг этого возникла шумиха: некоторым скептикам конструкции показались недостаточно надежными. Автор проекта театра архитектор Карл Росси писал министру двора господину Волконскому: «Как я, так и г. Кларк отвечаем честью и головой, что от упомянутой крыши не произойдет ни малейшего несчастья и что все устройство будет иметь надлежащую прочность... В случае, когда бы в упомянутом здании от устройства металлических крыш произошло какое-нибудь несчастье, то в пример для других пусть тот же час повесят меня на одной из стропил театра».

Вешать зодчего не пришлось: конструкции вполне благополучно живут и сегодня.

Случались, правда, у завода и неудачи. Осенью 1837 года через Екатерининский канал позади Никольского морского собора был переброшен новый чугунный мост. Он обрушился накануне своего открытия. Строители моста — инженер-майор Завадовский и директор Александровского чугунолитейного завода Кларк — были наказаны. Позже выяснилось, правда, что катастрофа случилась под влиянием стремительной

деформации боковых устоев моста — то есть вины Кларка в этом не было...

А когда на исходе 1837 года сторел Зимний дворец, никто не сомневался: делать новые стропила и балки подобает именно на Александровском заводе. Проекты многих конструкций разрабатывал сам Кларк. Остаток металлоконструкций был использован в Аничковом дворце для замены конструкций кровли.

И еще один неординарный заказ непременно стоит упомянуть. В 1840 году на заводе был отлит оригинальный надгробный памятник по модели скульптора Августа Штрейхенберга. Молодой человек в офицерской форме спит на крышке саркофага. Это захоронение находилось вначале на Волковском кладбище, но в советское время его перенесли на Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры. Там его можно увидеть и сегодня. А заодно услышать от гида легенду, согласно которой тридцатилетний майор лейб-гвардии Семеновского полка Карл Иоганн Христиан Рейсиг

Надгробие К. И. Рейсига. 1840 г.

находился в охране императора и однажды заснул на посту. Император Николай I разбудил офицера, потрясенный майор тут же умер от разрыва сердца. Отражением этой истории и стал необычный памятник...

Однако в этой истории не все ясно. Известно, что в Петербурге николаевских времен служили два брата по фамилии Рейссиг (с двумя «с»): штабс-капитан Семеновского полка Иоганн Христиан (годы его жизни: 1809—1839) и «майор и кавалер» Карл Иоганн Христиан (1806—1847). Оба были уроженцами герцогства Гессен. Если верить дате отливки памятника, то спящим офицером может быть только штабс-капитан Семеновского полка Иоганн Христиан Рейссиг. Тем более что и возраст его совпадает с названным в легенде. Однако в солиднейшем томе «Петербургский некрополь», изданном в начале XX столетия, указано, что «бронзовая фигура, лежащая во весь рост», установлена на могиле «майора и кавалера».

Кто же спит на крышке саркофага?

ГОЛУБОЙ ВАГОН ДЛЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Но уже начиналась новая эпоха в истории завода, эпоха железных дорог.

Первые в России вагоны были сооружены на Александровском заводе в августе 1836 года. Это были восемь товарных вагонов, и использовались они для перевозки грунта при строительстве Царскосельской железной дороги.

Пригородная дорога в Царское Село и Павловск, открытая в 1837-м, быстро полюбилась петербуржцам. А когда удалось доказать не только удобства, но и выгоды рельсовых магистралей, решено было проложить большую дорогу между Петербургом и Москвой. Все это означало: российским железным дорогам теперь нужен свой немалый подвижной состав.

Александровский завод был передан Департаменту путей сообщения. И начались работы. В 1845 году здесь был построен первый отечественный паровоз. Он топился дровами, имел ручной тормоз, цилиндры его смазывались говяжьим жиром, а фонари заправлялись подсолнечным маслом. В советское время на территории завода поставили памятник этому паровозу — его уменьшенную модель.

В 1845 году завод выпустил и первый в России пассажирский паровоз. По нормативам, он мог развивать скорость до 60 км/ч — куда больше, чем требовалось

тогда на деле. Один из паровозов Александровского завода совершил первый рейс из Петербурга в Москву 1 ноября 1851 года.

Позднее на Александровском заводе строили самые разные вагоны — в том числе удлинённый спецвагон голубого цвета для императора с семьёй, первый в России вагон-ледник...

К концу XIX века завод уже раскинулся на огромной территории от Невы до железной дороги. Ближе к Неве делали паровозы, а в той части, что располагалась за нынешней улицей Седова, появились новые вагонные цеха. Их построил архитектор Иван Шапошников (чья дочь Елена стала женой Николая Константиновича Рериха и известна всему миру как Елена Ивановна Рерих) вместе с инженером путей сообщения Феликсом Ясинским.

В конце концов предприятие было разделено на два: Александровский механический завод, позднее Главные паровозные мастерские, и Главные вагонные мастерские. После революции заводы были на какое-то время объединены, а потом снова разделились. Теперь на месте Главных вагонных мастерских работает Октябрьский вагоноремонтный завод. Проходная его выходит к улице Седова (дом № 45), а весь заводской комплекс особенно хорошо виден с Цимбалинского путепровода, переброшенного через железнодорожные пути в створе улиц Цимбалина и Белы Куна.

В советские годы на долю Пролетарского завода выпали разные страницы — и яркие, и грустные. Летом 1929 года, например, маляр Пролетарского Петр Слободчиков выступил с инициативой провести по всей стране воскресник — отработать этот день в пользу социалистической индустриализации. Идея была подхвачена всей страной, о Слободчикове писал М. Горький.

А в мае 1931 года «Ленинградская правда» сообщила совсем о другом:

«Закончено следствие по делу группы работников Пролетарского завода, зажимщиков рабочего изобретательства. Дело рабочего изобретательства на Пролетарском заводе ... находилось в крайне хаотическом состоянии. Ряд ценных заказов на изобретения утерян, а другие лежали без движения месяцами и годами. Решение XVI партсъезда по вопросам изобретательства, а также ряд дополнительных постановлений ЦК партии заводом не выполнен. Суду преданы бывш. директор завода Ряшенцев, главный инженер Колчев, инженеры Сухоносов, Валутин, Романдин, Васильев, Михайлов и работники завода Кривоногов, Иванов и Цебынин. Все они привлечены к ответственности по 111 ст.».

С 1960-х годов Пролетарский завод был перепрофилирован на производство судовых машин и гидравлических механизмов для кораблей. Потом к нему присоединили близлежащий завод «Экономайзер», и к ассортименту продукции добавились изделия энерго- и машиностроения.

Экономайзер — это, если кто не знает, «элемент котлоагрегата, теплообменник, в котором питательная вода перед подачей в котел подогревается уходящими из котла газами». До революции завод звался «Атлас» и выпускал разное литье, трубы, теплосиловое оборудование. В 1930-е годы «Экономайзер» считался «важным звеном общей системы предприятий, изготовляющих энергетическое оборудование». Находился завод на пересечении Шлиссельбургского тракта и Муравьевского переулка (ныне промзона за улицей Дудко).

АНГЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Отдельная страничка заводской истории — летопись Британо-американской церкви, находившейся на территории Александровского завода с середины XIX века.

Не только Матвей Кларк, но и многие другие сотрудники завода были выходцами из Британской империи. Ближайший их храм находился в центре Петербурга, а потому с 1848 года пастор Томас Эллерби начал проводить богослужения за Невской заставой в специально нанятом доме.

Здание бывшей Англиканской церкви. Фото 2006 г.

Потом в помещении заводской конторы был открыт филиал Британо-американской церкви, который действовал несколько лет. На время Крымской войны, в которой русские и британцы оказались по разные стороны фронта, службы здесь были прекращены, но по заключении мира опять возобновились.

Именно этот филиал посещал вместе со своим отцом юный Джеймс Уистлер, в будущем крупнейший американский художник и график. Уистлер-старший, инженер по профессии, участвовал тогда в строительстве железной дороги из Петербурга в Москву.

А потом на заводской территории был построен отдельный молитвенный дом. Правда, и с ним все оказалось непросто. То ли новые руководители завода сдержанно относились к религиозным нуждам британских специалистов, то ли причины были иные — участок земли, на котором стоял молитвенный дом, понадобился для расширения завода. Пришлось строить храм заново, на новом участке по соседству.

Это кирпичное здание сохранилось доньше, правда, в очень искаженном виде. Церкви нет с 1920-х годов; сегодня здесь (проспект Обуховской Обороны, 127а) располагается телефонный узел.

ХАЛТУРИН И ДРУГИЕ

Как и другие предприятия Невской заставы, Александровский завод занимает видное место в истории революционного движения. Стачки здесь устраивались еще в 1870-е годы, и участвовали в них до нескольких сот рабочих, а то и больше.

«7 января после обеда рабочие Александровского механического завода ... в числе около тысячи человек не пошли на работу, а, собравшись около ворот завода, начали свистеть, кричать: „У! У! У!“ — и требовать отмены выданных новых правил управляющим заводом американцем Праттом». Это из агентурного донесения в Третье отделение от 8 января 1876 года. Волнение рабочих понять можно: американец хотел отнять у них право на сдельную работу, бесплатный проезд по железным дорогам (такое право имели старослужащие) и половинную оплату времени лечения в больнице...

В 1877 году в вагонных мастерских завода работал искусный столяр Степан Халтурин, один из основателей «Северного союза русских рабочих». Потом в связи с призывом в армию он завод покинул, но в строй не встал: перешел на нелегальное положение. В то время к террору Степан Николаевич относился отрицательно, но со временем поменял свои взгляды. И как поменял! В историю он вошел как организатор покушения на Александра II.

С осени 1879 года Халтурин жил и работал в Зимнем дворце — разумеется, по чужим документам. Как писал знавший Степана Николаевича Лев Тихомиров, «познакомившись с расположением комнат, Халтурин убедился, что подвал, где живут столяры, а в том числе и он, находится как раз под царской столовой, а в среднем этаже, между подвалом и столовой, помещается кордегардия дворцового караула. Обстоятельства, таким образом, складывались благоприятно для замыслов Халтурина».

Понемногу Халтурин начал проносить в царскую резиденцию динамит.

«Не было никакой возможности проносить динамит иначе, как небольшими кусками... С другой стороны, нельзя было и отлучаться из дворца слишком часто. При всем желании покончить наконец с таким мучительным положением, Халтурин мог наполнить свою мину только очень медленно. Впрочем, в сущности, это вовсе и не была мина, потому что, при существующих тогда условиях, Халтурин не мог сделать почти никаких приспособлений для направления силы взрыва. Он сперва держал свой динамит просто под подушкой, испытывая от этого страшные головные боли. Известно, что нитроглицерин — вещество крайне ядовитое, довольно сильно испаряется и отравляет кровь даже через вдыхание этих испарений, производя нервное расстройство и головные боли, которых ничем нельзя облегчить... Потом, когда динамиту набралось много, Халтурин переместил его в свой сундук, заложивши разными вещами. Таким образом, роль мины играл простой сундук».

Взрыв грянул 5 февраля 1880 года. Три пуда динамита взлетели на воздух. Революционерка Вера Фигнер подводила итоги: «В этаже непосредственно над подвалом, где находился конвой Финляндского полка,

50 солдат были искалечены и убиты; количество динамита оказалось, однако, недостаточным, чтобы столовая в верхнем этаже обрушилась. Она уцелела. От сотрясения пол задрожал, скоробился, посуда на столе попадала и зазвенела. Царская семья осталась невредима, отделавшись испугом».

Трудами Халтурина революционные страницы истории завода не ограничиваются — не случайно же, в конце концов, его называли Пролетарским!

В 1905 году рабочие завода активно участвовали во всех революционных событиях. Много работали на предприятии видные деятели большевистской партии. Большевик Алексей Бадаев, слесарь Главных вагонных мастерских, стал в 1912 году депутатом Государственной думы. Он значился и официальным издателем газеты «Правда».

В мае 1917 года на большом митинге в Главных вагонных мастерских с речью о текущем моменте выступал Ленин. Ему оппонировали эсеры и меньшевики, среди которых был Виктор Чернов. Как утверждают историки, победа в дискуссии оказалась на стороне Ильича.

«СТАЛИН! ИОСИФ!»

И еще одна страничка революционной истории. Правда, к Александровскому заводу она никакого отношения не имеет, хотя и связана с селом Михаила Архангела.

На 10-й Советской, 17, ныне находится музей-квартира Аллилуевых. Здесь жила семья Сергея Аллилуева, участника революционного движения и сотрудника «Общества электрического освещения 1886 года», которое обеспечивало электричеством многие кварталы Петербурга. Здесь у Аллилуевых в июле 1917 года скрывались от преследований Временного правительства Ленин и Зиновьев, с августа 1917-го до марта 1918-го здесь жил Сталин, женившийся впоследствии на младшей дочери Аллилуева Надежде...

В квартиру, ставшую ныне музеем, Аллилуевы переехали весной 1917 года. А предыдущая их квартира находилась за Невской заставой, в селе Михаила Архангела, в доме № 15 по здешнему отрезку Шлис-сельбургского проспекта — на нынешнем проспекте Обуховской Обороны. Сопоставление старых и нынешних планов города убеждает в том, что по нынешней нумерации это скорее всего дом № 131.

Анна Аллилуева, старшая сестра Надежды, оставила достаточно обширные воспоминания о жизни своей семьи. В них есть немало строк о том, как Аллилуевы очутились за Невской заставой и как здесь жили.

Летом 1916 года они с сестрой находились на каникулах в провинции и получили письмо от отца:

«Отец писал из Петрограда, он опять работал в кабельной сети.

„Возвращайтесь поскорей в новую квартиру, она за Невской заставой. Не знаю, как вам там понравится“. Он точно извинялся перед нами: „Комнаты маленькие, неустроенные“, продолжали мы читать.

Мы знали эту квартиру, мы были там у товарища отца. Около шести километров от центра. Добираться надо на паровичке. Это почти за городом — электропункт за Невской заставой.

Но разве могло что-либо огорчить нас...»

И вот долгожданный Петроград.

«Дом за Невской заставой и впрямь встречает нас не очень приветливо. Отец живет здесь один, мама все еще в госпитале. Мы с Надей торопимся взяться за работу, чистим, моем, скребем. Скорей повесить занавеси, расстелить скатерти. Отец возвращается вечером, и мы радуемся его изумлению.

— Совсем уютно! — говорит он. — Молодцы, все преобразили».

Но главное впереди, в марте 1917 года. Произошедшему тогда событию Анна Сергеевна уделяет в своих мемуарах особенное внимание. Прежде чем процитировать этот достаточно обширный отрывок, напомним читателю: книга Аллилуевой увидела свет в 1946 году, и время наложило на нее свой отпечаток.

«Паровичок, собравшись с силами, устремляется вперед, пробегает Старо-Невский и мчит нас к набережной. Нева здесь угрюмая. Ей точно скучно после дворцов и парадных особняков омыwać унылые домишки заставы. Я соскакиваю с поезда там, где Нева подбегает к корпусам Торнтоновской фабрики. На-

против поднимаются три этажа нашего дома. Там пункт кабельной сети, которым заведует отец. Я вбегаю в подъезд. В радостной приподнятости (она не покидает меня с первых дней революции) вхожу домой. Кто-то из товарищей монтеров открывает дверь.

— Наши дома? — спрашиваю я и оглядываюсь, висят ли в передней знакомые пальто.

Но мужское черное драповое пальто на вешалке мне незнакомо. И на столике чей-то длинный теплый полосатый шарф.

— Кто у нас? — спрашиваю я монтера.

— Вернулся Сталин... — отвечает он. — Из ссылки... Только приехал.

Сталин! Иосиф! Вернулся! Уже в Петрограде! Да, да: он ведь писал отцу с дороги. Мы ждали его. И все-таки эта весть поражает меня. Быстро распахиваю дверь. В комнате, у стола, стоит наш гость. Я помню: он не любит долго сидеть и, даже рассказывая что-нибудь, шагает по комнате. Движения его при этом спокойны и уравновешенны. И сейчас вот, увидев меня, он неторопливо делает шаг в мою сторону.

— А!.. Здравствуйте! — говорит Иосиф. Я не видела его четыре года. Четыре года, которые он провел в ссылке, в тяжком, суровом одиночестве. Да, конечно, он изменился. Я хочу уловить: в чем же то новое, что я замечаю в нем? В одежде? Нет. Он в таком же темном, обычном для него костюме, в синей косоворотке. Странными, пожалуй, кажутся мне его валенки. Он не носил их раньше. Нет, изменилось его лицо. И не только потому, что он осунулся и похудел, — это, должно быть, от усталости. Он так же выбрит, и такие же, как и раньше, недлинные у него усы. Он так же худощав, как прежде. Но лицо его стало старше — да, да, значительно старше! А глаза — те же. Та же насмешливая, не уходящая из них улыбка.

— Как вы нас отыскиали? — нахожу я наконец слова. — Вот уж не думала увидеть вас сегодня.

Иосиф вынимает изо рта свою трубку — трубку, без которой с тех пор я не могу его представить.

— Видите, отыскал. Попал, конечно, туда, на старый адрес, на Выборгскую... Там сказали... И куда вас в такую даль занесло? Ехал на паровике, ехал, ехал, думал — не доеду.

— Да, мы недавно здесь. Думаем переезжать. А давно ли вы тут у нас? Папа скоро вернется и мама тоже, — бросаю я слова, досадуя, что вот наконец-то из такого далека приехал долгожданный человек — и никто его не встретил, не принял, как надо.

— Да час, пожалуй, с лишним. Ну, как вы здесь все? Что Ольга, Сергей? Где Павел, Федя? Где сестра?

Я тороплюсь объяснить, что Павел на фронте и писем от него давно уже нет. Федя, наверное, где-то задержался. А Надя сейчас придет — она на уроке музыки.

И, спохватившись, я вспоминаю о своих хозяйских обязанностях:

— Вы, наверное, голодны. Хотите поесть? Я сейчас приготовлю.

— Не откажусь... От чаю не откажусь...

Я выбегаю из комнаты — скорее на кухню: успеть бы управиться. В передней сталкиваюсь с отцом.

— Иосиф приехал... — бросаю я на ходу. Отец торопливо шагает в столовую. Я слышу взволнованные восклицания, вопросы. Папин голос радостно гудит.

Самовар только что разожжен, когда в кухне появляется Надя.

— Кто это у нас? — спрашивает она с любопытством. Она даже не успела снять свою шапочку и пальто.

— Иосиф приехал... Сталин...

— А!.. Иосиф!..

Надя сбрасывает пальтишко и идет в столовую. Когда я вновь появляюсь, чтобы накрыть на стол, в столовой уже оживленно и шумно. Отец, мама, Надя, Федя окружили Иосифа. Смех, взрывы смеха... Сталин в лицах изображает встречи на провинциальных вокзалах, которые присяжные, доморощенные ораторы устраивали возвращающимся из ссылки товарищам. Иосиф копирует очень удачно. Так и видишь захлебывающихся от выпретенных слов говорильщиков, бьющих себя в грудь, повторяющих: „Святая революция, долгожданная, родная... пришла наконец-то...“ Очень смешно изображает их Иосиф. Я хохочу вместе со всеми.

— Кормите же скорее гостя, — торопит нас отец. Мы хлопчем вдвоем с Надей. И скоро на столе дымятся сосиски, которые, к нашей величайшей радости, нашлись в шкапу.

Долго мы сидим, слушаем гостя...»

Стоит прервать здесь цитату, чтобы напомнить читателю вехи. Сталин был арестован в Петербурге 23 февраля 1913 года, во время концерта, организованного Петербургской организацией большевиков в пользу газеты «Правда». Это был шестой арест будущего вождя народов. Отправили в Туруханский край под гласный надзор полиции, где он и провел почти четыре года. Освободила всех ссыльных Февральская революция. В Петроград Сталин возвращался вместе со Львом Каменевым, но об этом Анна Аллилуева не упоминает: врагу народа не место рядом с вождем. За Невской заставой гость появился, по всей видимости, 12 марта — в день своего приезда в столицу.

И вот дальнейшее:

«Сталина укладывают спать в столовой, там же, где спит папа, на второй кушетке. Мы уходим в комнату рядом — это наша общая спальня: моя, мамы и Нади.

Но спать нам не хочется. Мы с Надей болтаем, шепчемся, вновь и вновь вспоминаем. Неожиданно Надя повторяет слова вокзальных ораторов, которым так удачно подражал Сталин. Это до того смешно, что мы не можем удержаться и фыркаем в подушки. Мы знаем, что за стеной ложатся спать, но чем больше мы стараемся удержать смех, тем громче наши голоса. И вдруг стук в стенку. Это отец.

— Да замолчите вы наконец, егозы этакие! Спать пора!

Восклицание отца покрывает голос Иосифа:

— Не трогай их, Сергей! Молодежь... пусть смеются...

И только тогда, притворившись, что мы и в самом деле пристыжены, мы замолкаем...

Нам не приходится утром будить гостя. Он просыпается раньше нас. Мы усаживаемся за стол и торопливо пьем чай. По рукам ходят свежие газеты. Утро приносит вести о том, что творится там, за стенами дома, там, куда сейчас уйдет Иосиф, куда уходит отец и куда готовимся уйти и мы.

— Скорей, скорей, — торопит нас Иосиф Виссарионович...»

По пути Аллилуевы рассказывают Сталину: они собираются нанять новую квартиру на одной из Рождественских улиц. «Обязательно в новой квартире оставьте комнату для меня», — просит гость. А сам отправляется в редакцию «Правды», где включается в активную революционную работу.

Так заканчивается эта страничка истории Невской заставы. А вот история отношений Сталина и Аллилуевых только начинается. Впрочем, это уже тема для других книг и статей...

ИМЕНИ ДОКТОРА ЦИМБАЛИНА

Нынешняя улица Цимбалина и в дореволюционные времена была медицинским центром села Михаила Архангела. Тогда звалась она Муравьевским переулком и начиналась от проспекта Обуховской Обороны. С 1878 года именно на нем была открыта земская больница (дом № 58).

В конце XIX века в этой лечебнице служил знаменитый доктор Александр Львович Караваев. Он выполнял обязанности земского врача, заведовал амбулаторией и больницей. Благодаря его усилиям за Невской заставой в 1895 году был открыт первый родильный приют — Смоленского приходского попечительства. Находился он в слободе Фарфорового завода, примерно там, где стоит теперь памятник Володарскому. Сам Караваев работал в этом приюте бесплатно.

Убежденный сторонник просвещения, доктор Караваев стремился использовать для этого каждую возможность. Он был членом комитета Невского общества народных развлечений, участвовал в работе церковных попечительств, содействовал открытию новой народной школы в селе Смоленском, в организации Сиротского дома соединенных попечительств Шлис-сельбургского тракта (это учреждение для детей дошкольного и школьного возраста находилось рядом с упомянутым родильным приютом).

Когда в 1896 году за Невской заставой прокатилась волна стачек, Караваев попал под подозрение властей и был выслан из Петербурга. Дальнейшая его жизнь протекала вдали от этих мест и была она яркой и трагической. Караваев был депутатом второй Государственной думы, лидером фракции «трудовиков», а в 1908 году он погиб от рук черносотенцев...

А рядом с земской больницей со временем открылось и еще одно заведение общественного характера — Арестный дом уездного земства. Трехэтажный дом на 100 арестантов начали строить летом 1900 года и завершили через четыре года. Напомним: в арестные дома сажали «заключенных лиц по приговорам мировых судей». Поскольку мировые суды рассматривали мелкие гражданские и уголовные дела, то их публикой были преимущественно хулиганы и мошенники, карманники и скупщики краденого...

Ну а нам пора перейти к рассказу о докторе Цимбалине.

Уроженец Пензы, выпускник Московского университета Владимир Владимирович Цимбалин возглавил земскую больницу на Муравьевском переулке в 1909 году. Слава о чутком враче, готовом забыть о себе ради больных, быстро разнеслась по Невской заставе. Цимбалин не меньше Караваева занимался общественной деятельностью. Участвовал в создании больничных касс на Семянниковском, Фарфоровом и других заводах, создавал пункты бесплатного питания для детей, состоял членом земского попечительства, в годы Первой мировой войны организовал в своей больнице лазарет для солдат.

В конце 1919 года во время борьбы с эпидемией врач Цимбалин заболел сыпным тифом. 6 января 1920 года он умер и был похоронен на Шуваловском кладбище. Уже вскоре делегация заводов Невской за-

ставы обратилась в горздравотдел с просьбой увековечить память о докторе. Так в 1920 году больница получила имя Владимира Цимбалина.

А потом был 1939-й год. Уже прошли многочисленные процессы по делам врагов народа, и решено было стереть с карты города все напоминающие о них названия. Зиновьевскую улицу (названную вовсе не в честь Григория Зиновьева) переименовали в Беломорскую. Под горячую руку переименователей попал и Муравьевский переулок. Так он превратился в улицу Цимбалина. А корпуса бывшего арестного дома входят теперь в состав детской инфекционной больницы имени Цимбалина.

От прежней улицы Цимбалина мало что сохранилось: она застроена современными многоэтажными домами. Изменилось и все село Михаила Архангела. В послевоенные годы вдоль улицы Крупской (тогда еще Московской) был построен целый квартал двухэтажных домов, спроектированных Евгением Левинсоном и Леонидом Ассом. Массовая застройка велась здесь в 1950—1960-е годы. Среди сооружений более позднего времени — возвышающийся над окрестными зданиями дом быта «Кристалл», построенный в конце 1970-х и считавшийся тогда крупнейшим в Европе сооружением такого рода...

...И РОЖЬ «МУРАВЬЕВКА»

Мы уже знаем о некоторых допетровских поселениях левого берега Невы. Там, где к реке выходит Железнодорожный проспект, со средних веков находилась еще одна деревня — Виллола, она же Вилуево. В документах 1500 года она отмечена как «деревня Вилилуево на реке на Неве», было в ней шесть дворов. К концу шведского владычества дворов было уже двенадцать, причем известны имена их хозяев: Андерс Хаверман,

«Дворец Бирона», в начале XX в. — извозничий двор «Бережки»

Симон Хаверман, Галове Ондреов, Оверка Ондреов, Савва Омелианов, Иван Степанов, Сидор Осипов, Ис-
суте Осипов, Сифредд Йёранссон, Филипп Йёранссон,
Лаури Хердерссон, Матс Торкелл.

А вот и еще одно имя, иногда упоминаемое в связи с этими местами, но на деле не имеющее к ним никакого отношения: Бирон. На углу проспекта Обуховской Обороны и Железнодорожной улицы доныне стоит дом (№143), который звался когда-то в обиходе «Дворцом Бирона». В начале XX века здесь помещался извозничий двор «Бережки», но скромное предназначение не мешало дому быть в центре внимания ценителей старины. Облик его запечатлели на открытках, фотография дома была помещена в книге искусствоведа Георгия Лукомского «Старый Петербург», а другой искусствовед В. Я. Курбатов и вовсе заявил, что это здание — детище великого зодчего Джакомо Кваренги.

Еще в 1930-е годы дом этот выглядел весьма представительно. Вот что рассказывал о нем путеводитель той поры:

«Дом, с центральной 2-этажной частью, имеет два 3-этажных крыла, украшен медальонами, на доме надпись: „Дом наследников фон-Моллер“ (здесь помещается касса социального страхования, а также частные квартиры); перед домом два египетских сфинкса, очевидно отодвинутые (когда-то стояли, вероятно, у главного подъезда). При входе в подъезд и подъеме по лестнице обращают внимание перекрытия, типичные для конца XVIII века. Если войти во двор — открывается типичный вельможный особняк с великолепным порталом, поддерживаемым шестью колоннами в классическом стиле; боковые крылья образуют „почетный двор“».

Еще одно свидетельство об этом доме принадлежит Льву Успенскому: он в своих «Записках старого петербуржца» описывает уже упомянутых сфинксов:

«Очень забавные маленькие сфинксы-плебеи со стертыми временем лицами охраняли десятилетие назад вход в аптеку на проспекте Обуховской Обороны, недалеко от Володарского моста. Не знаю, почему им не давали покоя: они появлялись то у одного, то у другого крыльца соседних домов — и наконец исчезли. Смотришь, бывало, на них, вспоминаешь старый Шлиссельбургский тракт начала века с его кромешными купеческими и мещанскими домишками, с его окраинным бытом, с трактирами и „полпивными“, — и дивишься: кому из тамошних владельцев могла прийти в голову причудливая идея — украсить подъезд именно сфинксами? А ведь вот — украсил!»

Сегодня дом № 143 с уличной стороны ничем не привлекателен: типичная постройка середины XX столетия. Но если зайти со двора, можно увидеть чудом сохранившиеся колонны. Да и боковая пристройка к зданию явно помнит как минимум XIX столетие.

Проспект Обуховской Обороны, 143. Фото 2006 г.

Так что же это за дом? Ответа на этот вопрос в краеведческой литературе нет. Однако отыскать ответ оказалось не столь уж сложно — пришлось лишь перелистать некоторые справочники и исторические труды, а потом сопоставить имеющуюся в них информацию.

В начале XIX века в этих краях находилось сельцо Покровское — аккурат между Александровским и Фарфоровым заводами. Принадлежало оно человеку нерядовому и очень своеобразному — Николаю Назарьевичу Муравьеву (от чьей фамилии сельцо иногда звалось Муравьево-Покровское). Бывший флотский офицер, он был первым браком женат на Екатерине Николаевне Мордвиновой, и от этого союза родился летом 1809 года сын Николай.

Собственно говоря, это рождение и есть главная страница истории сельца Покровского, а также дома № 143, который являлся центром муравьевской усадьбы. Потому что Николаю-младшему суждено было стать выдающимся государственным деятелем, почитаемым доныне. Немалую часть детства он провел в имении отца, где временами обитала вся семья.

Современник, видевший семью Муравьевых в то время, оставил такие воспоминания: «Этот человек, старый моряк, показался мне в то время весьма приятным; он много читал и, по-видимому, владел большим запасом здравого рассудка: но дальнейшая судьба его тому противоречит, так как честолюбие, чванство и чувственность довели его до безрассудных поступков, казавшихся непонятными для тех, кто знал его прежде. Г-жа Муравьева была достойная женщина, весьма образованная, с направлением религиозным; она рано скончалась, и весьма вероятно, что она своим влиянием спасала мужа от многих ошибок».

Мать умерла, когда Николаю-младшему было 10 лет. Мальчика отдали в частный пансион. Потом благодаря

хлопотам отца он поступил в привилегированный Пажеский корпус. Карьера его была долгой и яркой, а венцом ее стала служба в Восточной Сибири. Именно Николай Николаевич Муравьев присоединил к России Приамурье, Хабаровский и Приморский края, увеличив территорию страны на миллион квадратных верст, за что был возведен в графское достоинство с прибавлением к фамилии приставки «Амурский». Доныне граф Муравьев-Амурский — одна из самых легендарных исторических фигур русского Дальнего Востока. Его имя носит главная улица Хабаровска, в этом же городе на берегу Амура стоит памятник Николаю Николаевичу — тот самый, что запечатлен на недавно выпущенной 5000-рублевой купюре.

Как человек Муравьев-Амурский во многом был похож на отца: не случайно современники почти единодушно наряду с талантами отмечали господствовавшие в нем честолюбие и деспотизм. Есть такой эпизод, рассказанный мемуаристом: «В Енисейской губернии, в одну из своих зимних поездок в Петербург, когда почтовая часть находилась уже в ведении Муравьева, он, рассердившись за что-то на одного станционного смотрителя, велел привязать его к отводу своей повозки и в таком положении провез его по морозу до следующей станции. Может быть, это и придумано, но очень характерно для него».

Но это мы уже зашли далеко вперед, пора возвращаться поближе к Невской заставе. Отец Муравьева-Амурского, Николай Назарьевич, через несколько лет после кончины супруги женился вторично — на юной Елизавете фон Моллер, породнившись тем самым с этим известным дворянским родом.

Как и сын, Николай Назарьевич достиг немалых высот в карьере: был тайным советником, статс-секретарем Николая I. В конце концов «честолюбие, чванство

и чувственность», отмеченные мемуаристом, привели к печальным последствиям: Муравьев чуть не разорился, а потом за грубое нарушение служебного этикета был отставлен от службы.

В 1832 году отставник Муравьев поселился в своем имении на левом берегу Невы. Здесь он активно занялся литературой и особенно сельским хозяйством. Он выращивал удивительных размеров картофель и капусту, выводил новые сорта злаков (в том числе получившую большую популярность рожь «муравьевка»), придумывал кулинарные рецепты. О своих достижениях Николай Назарьевич регулярно оповещал общественность на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», «Северной пчелы» и других газет.

Н. Н. Муравьев

Тешили самолюбие Муравьева и его литературные успехи — по большей части мнимые (произведения его встречали весьма прохладный прием, а чаще и насмешки), но самому автору казавшиеся бесспорными. Он высоко ценил свои стихи, переводы, повести и исторические изыскания, высказываясь о них с пафосом и гордостью. Например, так, о своей книге «Забавы отдохновения»:

«В них нет напряжения труда. Намерение красноречивить им не принадлежит. В них просто Русский и в благословенной России постигает его окружающие предметы и о них говорит откровенно, искренно, нередко (нет, чаще всего), может быть, то, чего нигде инде и никем другим не постигнуто и не говорено. В них нет ни единой строки, ни единого слова напрасных

и козненных. В них смысл и намерение везде чисты, просты для малейшего внимания».

А в 1839 году на страницах «Северной пчелы» появился огромный очерк о Покровском, который несомненно отразил стремление Муравьева основать на своих землях крупное предприятие. Возможно, автором неумеренно восторженной статьи был сам Николай Назарьевич.

В начале этой статьи рассказчик описывает, как по кишашему заводами и фабриками Шлиссельбургскому тракту добрался до «сельца Покровского при возвышенном и крутом берегу Невы, с ее радостными видами и великих зданий, и деятельного смышления образованного человечества».

И вот автор разворачивает величественную панораму: «Главный дом Покровского останавливает на себе ваше внимание. Он милой архитектуры, довольно велик и завлекает к себе глаз, особенно если глядишь на него с Невы. Вы хотите и в нем искать мануфактуру: так много вы их видели и видите вокруг себя. Но их в нем нет еще. Сад сельца Покровского вас занимает, он открыт для всех и каждого. Десять лет перед сим на землях Покровского почти все было дико и бесплодно. Нагулявшись по множеству тропин и излучин на пространстве 50 десятин и не видя конца землям Покровского, вы садитесь отдохнуть.

Пораженные этою отменностью села Покровского посреди, так сказать, молодого мануфактурного города вы вопрошаете первого встречного: почему нет и здесь какого-нибудь издельственного заведения? Потому, что еще не успели этого сделать, отвечает вам встречный. А местность Покровского удивительно для того выгодна; можно сказать, необыкновенно выгодна и по положению ее побережных земель на пространстве десятков десятин, и по тесной смежности ее с Литейным

заводом и с заводом богатых станков прядильных и ткацких. Покровское имеет 200 десятин земли обработанной и самой плодородной. Это единственное место для устройства жилищ нескольких тысяч ремесленников мануфактурных. А побережные его десятки десятин могут принять на себя сорок и более фабрик, каких угодно званий, когда проведется из Невы в это пространство неширокий сплавной канал...»

А вот и хозяин Покровского появляется в тексте:

«Да как, думаете и вопрошаете вы, возьмется этому начало? Вам тотчас и просто отвечает встречник: хозяин Покровского человек просвещенный, готов за это взяться всею капитальностью своего поместья, если бы наши просвещенные и предприимчивые мануфактуристы обратились к нему с предложениями и советами. Кажется, уже и были некоторые от них попытки с этим намерением. Разумеется, было бы лучше, когда бы несколько достаточных и смысленных мануфактуристов для того из себя составили общество, в которое, вероятно бы, вошел и хозяин Покровского...

Вы, наконец, встречаетесь и с самим хозяином села Покровского, знакомитесь с ним и узнаете от него, сверх всего слышанного, что Покровскими фабриками прядения и тканья может быть спрядена и соткана большая часть русских льнов и пеньки, ныне сплавляемых изнутри России к торговой пристани Петербурга, что ими же может быть спрядена вся хлопчатая бумага, ныне ввозимая из Америки к этой пристани...»

Что тут скажешь — маниловщина в чистом виде! Еще и фабрик никаких нет, а Николай Назарьевич уже предрекает отказ от импорта из Америки и прочие великолепные перспективы.

Увы, никто на столь заманчивые предложения не откликнулся: Муравьеву пришлось и дальше биться в одиночку. Он устроил сахарный завод, где по своему

собственному способу вываривал сахар. Пытался даже завести свою текстильную мануфактуру, но успеха в этом деле не имел.

Умер Муравьев в начале 1845 года и был похоронен в церкви Спаса Преображения на близлежащем Фарфоровском кладбище. Эпитафия на его могиле гласила: «Он всегда имел пред очами разумения своего суету сует и всяческую суету рода человеческого и чувством своим был не житель мира сего». Вряд ли будет ошибкой предположить: эпитафию Николай Назарьевич написал для себя сам...

А нам пора вспомнить о другой уже дважды звучавшей в этой главе фамилии: фон Моллер. В истории Петербурга оставили след несколько членов этого рода. Вторая супруга Муравьева была дочерью адмирала Антона Васильевича фон Моллера, морского министра в царствование Николая I.

Еще более известен был брат Елизаветы Федор, художник и ученик Карла Брюллова. Две картины Федора Моллера были некогда известны всей образованной России — «Поцелуй» (эта картина упоминается даже в романе Тургенева «Новь») и классический портрет Николая Васильевича Гоголя. Известный уже нам художник Боголюбов характеризовал своего коллегу Моллера такими словами: «прекрасный, скромный и душевный человек, весьма образованный и в высшей степени христианин, широко делавший добро ближнему, по своим скромным средствам».

Муравьевы и Моллеры были связаны между собой теснейшим образом, и дело не только в уже известном читателю браке. Семьи были соединены еще дважды: две дочери Николая Назарьевича Муравьева от первого брака вышли замуж за сыновей Федора Антоновича фон Моллера.

Вот это родственные связи!

Ну а мы вернемся к «Дворцу Бирона», который оказывается на деле дачей Муравьевых, доставшейся потом Моллерам, которые вначале принимали здесь гостей (в дневнике Елены Штакеншнейдер есть упоминание о «великолепной гостинной старинного барского дома Моллеров»), а затем стали сдавать земли имения под выгон скота (об этом есть свидетельство в документах 1860-х годов). При таком отношении к усадьбе уже не удивляет, что «наследники фон Моллер» позволили открыть в родовом поместье извозчий двор. К тому же дачей старый дом служить вряд ли мог. Земли Покровского были по большей части уже распроданы, да и слишком много развелось кругом заводов.

Напоследок напомним: прежнее название улицы Цимбалина — Муравьевский переулок. В память о Муравьеве и его поместье, конечно...

БАБУШКИН ПАРК

И вот проспект Обуховской Обороны снова выходит к Неве. Эффектная гранитная набережная шестиметровой высоты, в два яруса, с лестницами и террасами была устроена в 1926—1928 годах по проекту архитекторов Владимира Витмана и Виктора Орлова. Сегодня она находится не в идеальном состоянии, но все равно привлекает внимание своей оригинальностью.

А с противоположной стороны к проспекту прилегает парк культуры и отдыха имени И. В. Бабушкина. Это одно из самых популярных мест Невского района. Зеленый уголок с водными гладами — в округе

Парк имени Бабушкина. Фото 2006 г.

Парк имени Бабушкина. Фото 2006 г.

не так уж много столь прихотливых пейзажей. А тут ведь еще и аттракционы, и кафе...

Сегодня парк в обиходе именуют «Бабушкиным парком». Наверное, многие и не знают, кто такой Иван Васильевич Бабушкин, в честь которого и назван этот оазис. Но вот наш читатель с Бабушкиным знаком уже неплохо, поэтому повторяться вряд ли стоит.

У парка — длинная биография. Когда-то здесь находился достаточно скромный сад Калинкинского пивоваренного завода «Вена». Предприятие это и поныне действует за улицей Бабушкина, и нередко солодовые ароматы напоминают посетителям парка о его соседстве. Имя предприятия объясняется тем, что в числе его учредителей в 1872 году была австрийская пивоварня, а некоторое время спустя завод вошел в состав Калинкинского пиво-медоваренного товарищества. Строил производственные здания «Вены» архитектор Федор Нагель. Надо сказать, до революции завод совсем не процветал, и некоторое время площади «Вены» использовались лишь как складские помещения. Только после революции здесь снова начали варить пиво...

Парк имени Бабушкина. Фото 2006 г.

А в 1885 году фабриканты Варгунины вместе с другим заводчиками и представителями интеллигенции впервые организовали за Невской заставой летние народные гуляния для рабочих. Проходили они в селе Александровском, в районе нынешнего Троицкого поля.

Вот как описывал эти гуляния очевидец, писатель и хороший знакомый А. П. Чехова Иван Щеглов:

«Место, отведенное тогда под гулянье, представляло совершенный пустырь, в конце которого возвышалась довольно жалкая на вид „открытая сцена“. Немного в стороне от нее, под деревянным навесом, уныло чайничала разношерстная кучка рабочих, а другая такая же кучка, в содружестве испитых фабричных девиц, сосредоточенно отплясывала на голом песке польку... В особенности угнетающее впечатление произвело на меня представление открытого театра. Давали какую-то слезоточивую народную драму. На сцене копошились какие-то оборванные бабы и ревмя ревели над какими-то оборванными мужиками, отправлявшимися в каторгу или в набор, уж не помню.

Перед сценой толпились почти такие же оборванные мужики и бабы и мрачно, недоумевающе созерцали представление. Очевидно, такой „нравоучительный отдых“ приходился зрителям далеко не по вкусу...»

Щеглову, очевидно, просто не повезло с посещением: известно, что и в первые годы гуляния были популярны. Там временами играл военный оркестр, выступали акробаты и певцы. Именно успех гуляний и побудил Варгуниных со товарищи поставить дело на более прочную основу. В 1888 году они арендовали сад Калининского завода и перевели все программы туда.

Щеглов побывал и здесь, и на сей раз впечатления его радикально отличались от прежних:

«В настоящее время Варгунинское гулянье, переведенное, кстати сказать, в другое место, совсем нельзя узнать. О прежнем пустыре нет и помину: теперь это обширный благоустроенный сад... Вход в сад загоразживает деревянное здание, обреченное ныне на переделку под зимний театр, а пока занимаемое буфетом — буфетом вполне доброкачественным и доступным по ценам, но, разумеется, без крепких напитков. Дом со стороны сада окружен верандой, а перед верандой круглая площадка со столиками для посетителей, предпочитающих закусывать на чистом воздухе. Вы следуете далее по нарядной аллее, увешенной разноцветными фонариками, и попадаете на обширнейшую площадь... Здесь неизменная открытая сцена, но уже не прежняя жалкая сцена бывшего „нравоучительного пустыря“, а размеров вполне почтенных, с красиво разрисованным занавесом и очень внушительным навесом от дождя для гг. зрителей. Через дорогу напротив настлана обширная эстрада для танцев, а возле возвышается хорошенькая беседка для музыкантов. С другой стороны эстрады устроено помещение для гг. распорядителей, и тут же по соседству маленькая лавчонка, торгующая

всякими сладостями и фруктами. Всюду по дорожкам и аллеям скамьи, кое-где клумбы с цветами, а на горке, возле пруда, устроено нечто вроде небольшого шале со скамьями и столами по краю горки, — это „дешевая чайная“... В конце сада есть даже отделение для детей, правда, с платою по три копейки, но зато здесь к услугам маленьких посетителей — карусель, гигантские шаги, качели, гимнастика и т. п. Ну, словом, идешь по саду, и сердце радуется!..

Плата за все радости — все тот же неизменный гривенник; за программу гулянья взимается копейка, за вход с детей — три и т. д. — по грошу, но все оплачивается, и это из принципа и, по-моему, из прекрасного принципа, потому что то, что получается даром, и не достаточно ценится, и редко отвечает потребностям...

Народ, между тем, все прибывает... заводские чернорабочие, работницы с соседних фабрик, мастера с женами и детьми, солдаты с своими городскими подругами и прочий „фамильярный люд“, как выразилась о простом народе одна моя знакомая дама. Изредка, впрочем, среди этого „фамильярного“ люда мелькнет какая-нибудь народолюбивая интеллигентная чета, робко озираясь по сторонам... Могу засвидетельствовать, что за мое трехкратное посещение Варгунинского гулянья я не встретил ни одного человека в нетрезвом виде...»

А вот как выглядели танцы:

«Такого единогодушного заразительного одушевления вы, разумеется, не встретите ни на одном общественном интеллигентном балу. „Ишь носятся, словно спутанные лошади!“ — заметил около меня какой-то рыхлый толстяк, очевидно, не охотник до легких танцев, но в своем случайном определении он был совершенно прав: это действительно такое огульное стихийное веселье, о котором даже трудно дать понятие человеку,

никогда его не наблюдавшему. Смешение лиц и костюмов, разумеется, самое полное: кургузый пиджак пляшет с девкой в сарафане, косая русская рубаха вертится с мастерицей в модной кофте и турнюре; в одном месте баба танцует с бабой, в другом месте старик в котелке подпрыгивает с семилетней девочкой, вероятно, дочерью, в толпе изредка мелькает модная женская шляпка, фуражка телеграфиста и даже — о ужас! — цилиндр, настоящий высокий немецкий цилиндр...»

Потом спектакль на открытой эстраде, после него — снова танцы.

«Когда совсем стемнело и в саду зажглась иллюминация, народное гулянье принимает характер более откровенный и размашистый, так сказать, более задушевный характер... В аллеях не протолкаться, около буфета дым коромыслом, а на танцевальной эстраде крутится настоящий танцевальный ураган, в котором старый и малый, бедный и богатый, ловкач и битюг — все перемешались в одном заразительном водовороте веселья. Это даже не танцы, а просто какое-то сплошное непередаваемо-радостное ошаление развернувшегося вовсю праздничного рабочего люда. В особенности благодаря отсутствию пьяных от всей этой картины народного веселья веет на вас таким здоровым, бодрящим и приподнимающим чувством, какого вам в жизнь не вынести ни с одного из наших интеллигентных увеселений!..»

В 1891 году было учреждено Невское общество устройства народных развлечений, под маркой которого и устраивались дальше все мероприятия. Сад был куплен, и начались масштабные строительные работы: в одном из деревянных домов на скорую руку устроили театр на 250—300 мест, приступили также к возведению большого летнего театра. В этом театре было 514 мест на галерее, куда пускали по билетам, и неограниченное

число бесплатных стоячих мест в партере — для рабочих. В начале XX века на смену этому летнему театру пришел новый, тоже со стоячими местами. Этот театр часто именовался «Вена», а после революции — «Революционная эстрада». Читатель знает уже, что именно в этом театре прошло последнее выступление выдающегося певца Иоакима Тартакова.

Открыло Невское общество и свою библиотеку-читальню, которую тут же приспособили для своих нужд революционеры. В 1894—1895 годах Ленин встречался тут с рабочими. Фонд библиотеки был довольно солидным — около пяти тысяч томов, причем входили в это число и книги, пожертвованные Алексеем Сувориным, Николаем Лейкиным, Лидией Книпович и другими представителями интеллигенции. Книги выдавались на дом за десять копеек в месяц, без залога — только по предъявлении документов.

Деревянное здание читальни стояло в саду недалеко от входа со стороны Невы — примерно там, где через много лет после этого поставили памятник Ивану Бабушкину. Вскоре к этой читальне присоединилась еще одна, в селе Смоленском. В 1896 году обе они выдали читателям 18 548 книг — неплохая цифра для рабочей окраины! Для первой из читален в самом начале XX века молодой скульптор Леонид Шервуд выполнил гипсовый бюст Александра Сергеевича Пушкина. Это была первая самостоятельная работа мастера, известного своим памятником адмиралу Макарову в Кронштадте. Позже скульптор вспоминал, как «за 75 руб., проработав два месяца, выполнил заказ», и что «в композиции бюста с развевающимся плащом я хотел передать пластическую стихию пламени и одновременно выразить бурный творческий размах поэтического гения Пушкина». Известно, что бюст был представлен на выставке

Академии художеств и заслужил похвалу из уст Ильи Репина.

(Примечание для въедливого читателя. В недавно изданной энциклопедии Санкт-Петербурга названы такие современные адреса читален: «ныне ул. Крупской, 17» и «ныне просп. Обуховской Обороны, 64». В обоих случаях энциклопедия грубо ошибается. Она просто спутала «проспект имени Крупской», как называлась одно время часть проспекта Обуховской Обороны, с нынешней улицей Крупской, а также не разобралась в номерах зданий на бывшем Шлиссельбургском тракте.)

На рубеже XIX и XX веков Общество обзавелось большим красно-кирпичным зданием у Шлиссельбургского тракта, ближе к Железнодорожной улице, который возвели архитектор Алексей Малов и инженер Владимир Лучинский (увы, это строение в блокаду было разрушено, а в 1970-е годы разобрано). Здесь были и картинная галерея, и детский отдел, и концертный, гимнастический, танцевальный залы, и столовая. Фактически это был один из первых народных домов Петербурга.

Главным в новом здании был театральный зал на 1600 человек. Представления здесь открылись в последний день 1901 года. Корреспондент журнала «Театр и Искусство» сохранил атмосферу премьерного вечера: «громадный, ярко залитый электричеством зал, со вкусом написанный занавес, полторы тысячи зрителей, ведущих себя тихо и почти торжественно».

В театрах Невского общества выступали многие выдающиеся артисты, в числе которых был основатель ТЮЗа Александр Брянцев. Давали здесь пьесы Островского и Шекспира, Пушкина и Бомарше, Грибоедова и Мольера. Конечно, не обходилось и без спектаклей более легкого жанра — комедий, мелодрам.

О популярности сада и его заведений читатель уже знает со слов Ивана Щеглова; а вот свидетельство одного из тех, для кого сад создавался. Рабочий Трифонов вспоминал:

«Выйду, бывало, из шумного и душного цеха за ворота и вижу невдалеке большую березовую рощу — это был сад Невского общества народных развлечений. Товарищи мне сказали, что там есть театр, где летом показывают разные представления и всякие фокусы. Я никогда еще не видел театра и не имел понятия о представлениях, но меня крайне удивило, что эту рощу называют садом, а там нет ни одной яблони...

Я с невольным трепетом в сердце приобщался к городской культуре, входя в первый раз в городской сад. И все, что я видел и слышал в нем, было для меня ново и интересно.... И духовая музыка, под которую на открытой площадке задорно отплясывала молодежь, и представление „Ворона в павлиньих перьях“, и куплетисты, и тенистые прямые аллеи, где на скамейках

Парк имени Бабушкина. Фото 2006 г.

приятно было подышать чистым воздухом и помечтать. Сад меня очаровал...»

Обширные программы и расходы Общества заставили его продать часть сада, но это не сказалось на его популярности. И в советское время сад остался популярным местом отдыха рабочих. В 1931 году он был переоборудован силами управления госцирка и получил статус парка культуры и отдыха.

А нынешней планировкой парка мы обязаны послевоенному времени: она была осуществлена в 1946 году. Двумя десятилетиями позже, в 1966-м, один из путеводителей описывал достоинства парка так:

«Широкая центральная аллея, украшенная газонами и скульптурами, делит парк на две части. В стороны идут небольшие тенистые аллеи... В парке есть кинолекторий, читальня, хорошо оборудованный спортивный городок. Устроен аттракционный городок. Здесь и виражные самолеты, и „колесо обозрения“, воздушная карусель и русские качели, молот и стенд для набрасывания колец и другие аттракционы. Есть детская карусель и прокатная станция, где имеются педальные автомобили. В парке имени И. В. Бабушкина можно послушать интересную лекцию, получить консультацию врача и юриста, принять участие в спортивных играх».

Все это тоже, увы, история. Многих своих достопримечательностей парк со временем лишился. Даже бюст И. В. Бабушкина, установленный в 1956 году близ главного входа в парк, ныне не стоит на постаменте.

Правда, в последнее время началось возрождение парка. Хочется надеяться, что перемены к хорошему здесь — надолго...

РУССКИЙ ФАРФОР

Фарфоровская улица обозначает границу между селом Михаила Архангела и слободой Фарфорового завода. С названием этой улицы связана одна любопытная история. До революции она звалась Большой Шемиловской улицей, а летом 1940 года была переименована в улицу Седова, в честь знаменитого полярного исследователя. Неизвестно, что случилось, но постанов-

Здание Императорского фарфорового завода. Фото 2006 г.

Главное здание Ленинградского фарфорового завода. Фото 2006 г.

ление было исполнено с грубой ошибкой, и улицей Седова на деле назвали перпендикулярный проезд.

В те же 1940-е годы Большая Щемиловская улица стала именоваться Фарфоровской. (А бывшая слобода Фарфорового завода стала все чаще зваться Щемиловкой.)

Так эти имена и остались на карте города.

Ну а нам пора приступать к рассказу о самом легендарном из предприятий Невской заставы — Императорском фарфоровом заводе.

Моду на фарфор («порцелин») в России ввел Петр I. Известно, что в одной из заграничных поездок он заказал для себя фарфоровый чайный сервиз с золочением и гербами. Изящные изделия заказывались в Китае, в Германии — на знаменитом Мейсенском заводе. Русские мастера не раз пытались узнать секрет производства фарфора, но долгое время их усилия оказывались тщетными. Китайские мастера и не прочь были сообщить состав фарфоровой массы, но требовали за обучение

слишком больших денег — с одного из русских мастеровых, например, «парсолейный» китайский мастер запросил 1800 китайских дан (больше трех тысяч рублей, огромная тогда сумма).

О той цене, которую имел фарфор, говорит такой указ по придворной конторе: в случае, если кому-то пожаловано кушанье с «высочайшего стола», его необходимо «перекладывать» с фарфоровой посуды на обычную, более простую. Однако посуда есть посуда: билась она все равно в большом количестве. Бесконечные перемены блюд, спешное мытье тарелок — все это ускоряло процесс и увеличивало траты двора.

В начале 1744 года русское правительство заключило контракт с саксонским мастером Гунгером, который обязался «учредить в Санкт-Петербурге мануфактуру для делания голландской посуды, також и чистого порцелина, как оный в Саксонии делается». За свое согласие Кристоф Конрад Гунгер получил тысячу рублей «в подарок», столько же годового жалованья, квартиру с дровами, экипаж с лошадьми. Ехал на полное обеспечение!

Однако не Гунгер стал главной фигурой в истории рождения русского фарфора. Им стал бергмейстер Дмитрий Иванович Виноградов, соученик Ломоносова и один из способнейших русских ученых того времени. Его назначили в помощники Гунгеру с окладом (что характерно!) лишь 180 рублей в год. Такую щедрость проявил ведавший всеми делами создающегося завода барон Иван Антонович Черкасов, кабинет-секретарь императрицы.

Строить новое предприятие начали в тех местах у Невы, где уже располагались казенные кирпичные заводы. Тут были готовые помещения, были и рабочие, умевшие обращаться с глиной. Белые глины решили доставлять из Гжели. Но надежды первых дней

достаточно быстро сменились разочарованием: Кристоф Конрад Гунгер оказался неспособен представить начальству успешные пробы. Осенью 1748 года саксонец получил отставку вместе с разрешением отбыть за границу. Дмитрий Иванович Виноградов подытоживал его биографию так: «Сколько еще таких побродяг находится в свете, которые из ничего золото хотят делать, другие изо всех камней и земель чистой порцелин составлять обещаются, а сами ни основания, ни истинного искусства весьма не знают, и тем, кто их обманам веру емлет, целые горы к порцелину годной материи и полные магазины чистого фарфора обещают. Но, по-видимому, те магазины с фарфором только на воздухе строят и только дым и чад за порцелин продают и чрез то других обманством своим в великие протори и убытки вводят».

Что касается убытков, то их размер подсчитан специалистами точно: Гунгер обошелся России в 7778 рублей 33 копейки.

И вот тут на арену вышел Виноградов. Он и при Гунгере вел самостоятельные работы, стараясь поставить производство фарфора на научную базу. «Делание порцелина, по мнению моему, за своего предводителя химию имеет». Свои опыты Виноградов тщательно документировал. Испытывал многочисленные сорта глины, разные к ней добавки. «Черный камень жгли, оной же толкли и мололи; а из голыша масса в печи растрескалась». «Кремень жгли и мололи». В конце концов решили добавлять в глину кварц и алебастр.

Много размышлял Виноградов над степенью помола получаемой массы. Решил, что она должна быть высокой — чтобы «не чувствовались отдельные песчинки». Для этого пришлось построить на фабрике мельницу, а потом вместо нее новую, более удачную.

Смешивал порошки Виноградов всегда сам, без свидетелей: этого требовал барон Черкасов. Потом

полученную фарфоровую массу долго мяли и помещали отлежаться в сыром, темном и теплом помещении. Срок выдержки тоже был предметом исследований Дмитрия Ивановича.

Потом массу снова мяли, и только затем начинали формировать изделия. Вытачивание, просушка, снова обточка, первый обжиг в построенных по проекту Виноградова печах, глазурование, второй обжиг — лишь после этого посуду можно было считать готовой.

В августе 1746 года Виноградов сумел получить первый образец фарфора «с надлежащей прозрачностью и глянцем», однако продолжал отрабатывать технологию.

Первый русский фарфор обрел свою жизнь, но отобрал жизнь у своего создателя. Труд на порцелиновой мануфактуре был нелегким, и здоровье Виноградова стало постепенно сдавать. Масла в огонь подбавил барон Черкасов, который требовал от мастера все новых свершений — для удовольствия императрицы Елизаветы Петровны. На санкции барон не скупился: то приставлял к Виноградову стражу, то отнимал у него шпагу, то распоряжался оставить без жалованья. Апофеозом стал приказ Черкасова приковать Виноградова цепью к стене в его комнате — дабы он как можно скорее завершил описание технологии создания порцелина.

В конце концов Виноградов умер, сторел за три дня. Причины его смерти врачи не установили.

А предприятие продолжало работать. Через семь лет после смерти Виноградова его переименовали в Императорский фарфоровый завод и построили новые каменные здания — потому что старые «впредь безнадежны стоять» были. В 1780-е годы Семен Прокофьевич Берников построил поочередно два заводских корпуса, выходящих на Шлиссельбургский тракт. Они спаяны в единый объем и внешне выглядят достаточно скромно.

Именно в этих корпусах побывал Иоганн-Готлиб Георги, автор подробного описания Петербурга, изданного в 1794 году:

«Нынешний фарфор есть прекрасный, как в рассуждении чистоты массы, так и в рассуждении вкуса в образовании и живописи; в магазейне видны весьма большие и с наипревосходнейшим искусством выработанные вещи. Публика может покупать в магазейне, однако же не всегда находит, что иметь желает, и цены высоки».

Один из сервизов завода вошел в историю благодаря обстоятельствам своего рождения. Когда император Павел I построил Михайловский замок, он заказал сервиз с его видами. Работа делалась достаточно долго, но зато тщательно, и результат монарха удовлетворил в полной мере. Как вспоминал очевидец, 11 марта 1801 года в замке «за ужином употреблен был в первый

Производство фарфоровых изделий. Фото 1923 г.

раз новый Фарфоровый прибор, украшенный разными видами Михайловского замка. Государь был в чрезвычайном восхищении, многократно целовал рисунки на Фарфоре и говорил, что это был один из счастливейших дней в его жизни». Это был последний ужин в жизни императора: ночью он погиб...

В первые годы советской власти завод очутился в авангарде нового искусства: здесь рождался «агитационный» фарфор. Тарелки с росписями на революционные темы, с лозунгами в поддержку пролетарской революции с первого дня пользовались огромным спросом и даже продавались на аукционах. Никто не ел с таких тарелок: они бережно хранились своими хозяевами. Сегодня агитационный фарфор продается на крупнейших аукционах мира...

Разумеется, в советские годы завод, получивший имя Михаила Васильевича Ломоносова, был отчасти перепрофилирован на нужды народного хозяйства: здесь делали изоляторы, химическую посуду, оптическое стекло. Но фирменный «ломоносовский» фарфор оставался коньком предприятия, его лицом.

Сегодня заводские строения представляют разные эпохи истории предприятия: здание 1780-х годов выходит на проспект Обуховской Обороны, а рядом с ним стоят светлые корпуса геометрически строгих форм — наследие XX века. На предприятии работает музей, экспозиция которого отражает историю развития русского и советского фарфора. Недавно этот музей вошел в состав Государственного Эрмитажа.

ГОТИКА ОТ СТЕФАНА

О Британо-американской церкви на территории Невской заставы мы рассказывали совсем недавно; теперь пришла очередь поведать о храме католическом. Католиков в этих краях жило тоже немало: по некоторым данным, на заводах и фабриках заставы их насчитывалось до 15 тысяч человек. Все они были прихожанами костела св. Екатерины, что на Невском проспекте — добираться, что ни говори, далековато!

Костел святого Сердца Иисусова. Фото 2006 г.

Католики хотели обзавестись своим храмом за Невской заставой, однако осуществление этого замысла шло с большими трудностями. Больше десяти лет ушло на согласование самой идеи в разных инстанциях. Лишь осенью 1905 года, когда русская революция принесла стране некоторые свободы, католики Невской заставы получили дозволение обзавестись своим храмом.

Вначале они устроили временную каплицу на Шлиссельбургском тракте, при Обуховском заводе. А осенью 1907 года был заложен большой каменный храм — костел св. Сердца Иисусова. Участок для него на углу Кладбищенской и Большой Щемиловской улиц (ныне улицы Бабушкина и Фарфоровская, современный адрес — Бабушкина, 57) отвела казна. Проект составил архитектор Стефан Галензовский: он задумал возвести храм с высокими готическими башнями-колокольнями, с оригинальным декоративным убранством.

Однако работы тянулись ни шатко ни валко — были проблемы с деньгами. Пожертвования на храм собирали во всех костелах Российской империи, но и их не хватало. Пришлось отказаться от башен. Но даже в таком усеченном варианте храм удалось освятить только после революции.

А там и до закрытия было не так далеко. Летом 1929 года «коллектив нацменов» района потребовал передать костел св. Сердца Иисусова под Дом физкультуры. Ходатайство удовлетворено не было, но тучи продолжали сгущаться. В июле 1936 года случился пожар, после которого храм был опечатан, а годом позже официально закрыт. Последнего его настоятеля отца Епифания Акулова арестовали и приговорили к расстрелу за антисоветскую деятельность, якобы осуществлявшуюся «по указаниям польского консульства в Ленинграде и Ватикана».

Передали здание вначале Промкомбинату, потом общежитию сотрудников «Ленгаза». С 1970-х годов

здесь помещался трест «Спецстрой». Под новые нужды церковь перестроили, разделив ее объем на четыре этажа.

Лишь в 1993 году возникла католическая община, которой отдали часть здания. Три года спустя здесь прошло первое после долгого времени богослужение.

В 2001 году историк и журналист Сергей Глезеров писал в газете «Невское время»:

«Настоятель храма отец Хартмут Кания возглавляет международное благотворительное католическое общество „Каритас“ (в переводе с латинского — „милосердие“). Именно в этой организации нашли помощь многие африканские студенты, в основном франкоговорящие католики — выходцы из Конго, Заира, Камеруна, Анголы, оказавшиеся в крайне бедственном положении после крушения Советского Союза. Через „Каритас“ африканцы и собрались вокруг этого костела, который стал для них местом общения, причем они выступают в нем не только в роли прихожан, но и помогают в проведении богослужений.

Под старинными сводами костела звучит негритянский хор, ну а то, что у негров прекрасно развиты слух и чувство ритма, всем хорошо известно. В первые минуты, признаюсь, некоторое чувство смущения застигло меня при виде такого необычного для Петербурга явления, но, как оказалось, напрасно: африканские католики рады всем прихожанам, открыты и доброжелательны. Поэтому в костел приходят и местные жители-католики».

Но полное возрождение костела — дело будущего...

НА ЗЕМЛЕ И ПОД ЗЕМЛЕЙ

Название Кладбищенской улицы напоминает нам один из главных фактов дореволюционной истории Фарфоровой слободы: в центральной части ее находилось крупнейшее кладбище Невской заставы. Именовалось оно или Фарфоровским, или Спасо-Преображенским — по имени главнейшего из стоявших на нем храмов.

Кладбище начиналось у самой Невы и шло длинной полосой за Кладбищенскую улицу. С одной стороны его ограничивали постройки Фарфорового завода, с другой — Патриотический переулок (ныне переулок Матюшенко). Нетрудно понять, что сегодня на территории бывшего некрополя высится немало построек, включая капитальный (и заглубленный в землю!) общественный туалет, кинотеатр «Спутник» и станцию метро «Ломоносовская».

Станция метро «Ломоносовская». Фото 2006 г.

Преображенский храм

А появилось это кладбище в первое десятилетие петербургской истории, когда даже о фарфоре не было никакого упоминания. В 1713 году близ казенных кирпичных заводов, у самой Невы была построена деревянная церковь Спаса Преображения. В церковной ограде и начались захоронения. Поначалу право на погребение здесь имели только рабочие казенных предприятий, но постепенно строгие правила стали ослабляться. Немудрено, что кладбище постоянно расширялось.

Менялся и Преображенский храм (он находился примерно напротив современного дома № 151 по проспекту Обуховской Обороны). В 1730-е годы деревянная церковь была заменена каменной. Историк Михаил Пыляев пишет:

«Жертвователями при ее постройке были: императрица Анна Иоанновна, принеся от щедрот 100 руб. в церковное строение; да на свечи рубль. После императрицы пожертвовали: граф Головин 5 руб., князь

Куракин 3 руб., советник Хитрово 1 рубль, князь Одоевский 2 руб., князь Иван Ерусланов 48 коп. Крупным жертвователем был на этот храм невских кирпичных заводов обжигальщик Семен Смирнов, пожертвовавший на построение 100 руб. Крест на церковь был принесен с.-петербургским купцом Прохором Рювищевым».

И после этого храм не раз ремонтировали, перестраивали, но гордостью его неизменно оставался пудовый колокол с латинской надписью «*Soli Deo gloria. Gloria in excelsis Deo. Me fundebat anno 1686 Holmiae Misael Bader*», отлитый известным шведским мастером Михаэлем Бадером в 1686 году — по преданию, он был перенесен сюда из Ниеншанца.

Проводились в храме и захоронения: здесь, в частности, были погребены отец и сын Гурьевы — министр финансов граф Дмитрий Александрович и действительный тайный советник граф Александр Дмитриевич. Старший Гурьев, заметим тут в скобках, особо прославился как изобретатель Гурьевской каши, однако эта его слава не вполне справедлива. Дело в том, что создателем каши был крепостной повар Захар Кузьмин, готовивший ее для своего хозяина — отставного майора Юрисовского. Однажды Гурьев побывал у Юрисовского в гостях и был восхищен поданным блюдом. Он тут же упросил хозяина продать ему крепостного повара вместе со всей его семьей. С этого момента каша со сливками, орехами и фруктами стала визитной карточкой застольев в доме графа Гурьева и получила поэтому свое привычное имя.

Похоронили тут и еще одного знатока кулинарии — знакомого читателю Николая Назарьевича Муравьева.

Был погребен в церкви и шталмейстер двора князь Андрей Павлович Гагарин. Он покончил жизнь самоубийством, но высокое положение позволило ему обрести последний покой в стенах храма.

На Фарфоровском кладбище было немало семейных захоронений.

Семья Казадаевых, в составе которой были сенатор и генерал-майор.

Четыре члена семьи князей Лобановых-Ростовских, в том числе генерал от инфантерии Дмитрий Иванович, занимавший в разное время посты военного генерал-губернатора столицы и министра юстиции (характеристика, данная ему желчным Филиппом Вигелем, коротка и полна яда: «Никогда еще ничтожество не бывало самолюбивее и злее, как в этом сокращенном человеке, в этом сердитом карле, у которого на маленькой калмыцкой харе резко было начертано грехопадение, не знаю, матери или бабки его»).

Мать и сын Панаевы — Мария Екимовна и Иван Иванович. Авдотья Панаева, супруга Ивана Ивановича, писала: «Панаев был похоронен на кладбище Фарфорового завода, потому что всегда, возвратясь с чьих-нибудь похорон, говорил мне, что не желал бы лежать ни на одном из петербургских кладбищ, кроме Фарфорового завода, расположенного на возвышенном, песчаном берегу Невы...».

Семен Прокофьевич Берников тоже был похоронен на Фарфоровском кладбище.

В 1902 году на кладбище была заложена вторая церковь — во имя Сошествия Святого Духа. Закладку осуществил ректор Санкт-Петербургской Духовной академии епископ Ямбургский Сергей (будущий патриарх Московский и Всея Руси) вместе с отцом Иоанном Кронштадтским. Проект храма составил архитектор Александр Красовский, уникальный фарфоровый иконостас был изготовлен на Фарфоровом заводе. Освящение церкви провел осенью 1912 года епископ Нарвский Никандр.

В конце 1920-х годов по ходатайству районных властей кладбище было закрыто, и начался процесс

его гибели. В 1931 году, например, путеводитель по Ленинграду меланхолично замечал, что «при прокладке линии трамвайных путей расширенный проспект прошел по месту, занятому прежде могилами (кости перенесены в братскую могилу)». Речь шла о проспекте Обуховской Обороны.

В том же 1931-м кладбище осмотрела комиссия и признала некоторые надгробия «представляющими художественную и бытовую ценность». Их решено было оставить «на их местах в полной неприкосновенности». Остальные разрешалось сдавать в металлолом: стране был необходим металл...

В 1932-м была ликвидирована Преображенская церковь «как мешавшая движению транспорта по Шлиссельбургскому проспекту и попадавшая в зону строительства Володарского моста». Все находившиеся внутри храма захоронения погибли. Были стерты с лица земли и наиболее старые участки кладбища, находившиеся близ церкви.

В 1930-е годы три захоронения с Фарфоровского кладбища были перенесены в другие некрополи. Прах литератора Ивана Панаева — на Литераторские мостки (хотя могила его матери осталась на Фарфоровском), уникальное чугунное надгробие жены сенатора Надежды Казадаевой и чугунный же памятник генерал-майору Николаю Саблукову — в Некрополь XVIII века в Александро-Невской лавре (хотя изготовлены оба они были в XIX столетии).

Только эти три захоронения с Фарфоровского и сохранились до наших дней. Потому что дальше было полное уничтожение некрополя. В 1938 году церковь во имя Сошествия Святого Духа закрыли и стали использовать для хранения праздничных украшений и картошки. А перед самой войной и храм, и остатки кладбища ликвидировали «как мешавшие прокладке трубопроводных сетей».

ДУГА ЧЕРЕЗ НЕВУ

Интересно, как могла Преображенская церковь попасть в зону строительства Володарского моста? Конечно, мост возводился совсем неподалеку, но церковь уж никак не могла мешать строительным процессам. Даже въездная эстакада на мост, построенная в недавние времена, хоть и прошла частично по территории Фарфоровского кладбища, но место, где стояла церковь, оставила в стороне.

Что ж, сделанного не воротишь...

Строительство Володарского моста не было случайной прихотью советских властей. В начале 1930-х годов

Володарский мост. Фото 2006 г.

речь шла об активном развитии Ленинграда, и решено было проложить по южным районам города Центральную дуговую магистраль. Нечто вроде ныне строящейся Кольцевой. Прокладка магистрали была даже закреплена Генпланом развития города. И сегодня, если взглянуть на карту города, можно увидеть непрерывную цепь: Ленинский проспект, улица Типанова, проспект Славы, Ивановская улица, Народная улица. Отрезки этой единой магистрали возводились в разное время, но в целом проект Дуговой был осуществлен достаточно полно.

Фактически первенцем Дуговой и стал Володарский мост, строившийся под руководством инженера Григория Передерия и архитекторов Константина Дмитриева и Александра Никольского. Это была очень оригинальная постройка — из железобетона, с арками поверху, чем-то напоминающая Большеохтинский и Финляндский железнодорожные мосты. Оно отчасти и понятно: у строившего эти мосты инженера Кривошеина молодой Передерий работал когда-то помощником.

При подъезде к мосту была построена первая в городе транспортная развязка на двух уровнях. Еще одно новшество: при строительстве моста широко использовалась электросварка, что было весьма дерзким для своего времени решением.

Мост открыли в 1936 году, причем делали это дважды: 6 ноября провели торжественную церемонию открытия, а 18 ноября пустили по нему транспорт и пешеходов. Впрочем, доделочные работы на мосту продолжались и в 1937 году.

Новый мост быстро стал одной из достопримечательностей Невской заставы. Путеводитель 1940 года рассказывал в красках:

«Разводная часть моста электрифицирована и приводится в действие в течение $1\frac{1}{2}$ — 2 минут. Пешеходная часть отделена от проезжей балюстрадами, что

имеет большое значение для предотвращения несчастных случаев. По обе стороны моста спускаются к набережным, с их красивыми чугунными оградами, широкие марши лестниц.

С моста Володарского открывается далекая перспектива центральной дуговой магистрали, прокладываемой по направлению к Дому Советов. Ряд новых домов магистрали, строящихся по проектам архитектурной мастерской Фомина и Левинсона, составляет единый архитектурный ансамбль, являющийся ярким примером преобразования жалкой окраины капиталистического Петербурга в один из центральных районов социалистического Ленинграда».

Да, уже тогда начинала строиться Ивановская улица — единственный осуществленный до войны «сухопутный» отрезок Дуговой. Она существовала с таким названием еще в конце XIX века, но была это ничем не примечательная коротенькая улочка. Облик этих мест вообще был непрезентабельным: небольшие домики, окруженные садами и огородами, разного рода деревянные хозпостройки...

А в 1937—1940 годах на Ивановской появились восемь шестиэтажных зданий (под нынешними номерами 8, 9, 13, 14, 17, 19, 20, 26), которые и заложили основу новой магистрали. Строили эти монументальные дома в духе сталинского ампира известные архитекторы, немало работавшие за Невской заставой, Евгений Левинсон, Игорь Фомин и Сергей Евдокимов.

Известный знаток советской архитектуры Игорь Бартенев, находя в этих зданиях несомненные достоинства — представительный вид, единство решения, — отмечал и некоторые недостатки. «Портики, соединенные со стенами, затемняют помещения, расположенные за ними, и ограничивают угол зрения для живущих в этих комнатах. Спорен и мотив лоджий. Жильцы

Вид на Ивановскую улицу от улицы Седова. Фото 2006 г.

самого верхнего этажа не могут воспользоваться ими, чтобы посмотреть на улицу. К их услугам лишь глубоко посаженные небольшие плоские балкончики...»

Ивановская улица положила начало новой застройке Щемилówki и других окрестных микрорайонов. Правда, вначале была война. Но потом уж работы развернулись во всю ширь: с середины 1950-х дома и целые кварталы возникали здесь один за другим. Рождались и новые магистрали: были сформированы в их нынешнем виде улицы Седова и Бабушкина. А в 1955 году на улице Полярников, 10, был построен экспериментальный крупноблочный дом — предшественник «хрущевок», положивший начало новому явлению в градостроительстве.

Это пятиэтажное здание, спроектированное архитектором Александром Васильевым и инженером Зиновием Каплуновым, собрали из железобетонных панелей всего за 79 дней. Отделочные работы заняли еще три недели. Эксперимент признали удачным, и мастерская № 5 «Ленпроекта» под руководством Евгения Левинсона

создала проект целого квартала типовой застройки между Ивановской улицей, бульваром Красных Зорь, улицами Седова и Кибальчича. Квартал этот вошел в историю города под № 122, а за ним последовали другие кварталы — не только на Щемиловке...

Отдельным событием было строительство экспериментальной школы № 345 между улицами Бабушкина и Седова и бульваром Красных Зорь (современный адрес — бульвар Красных Зорь, 6, корпус 2). Ее возвели в 1968 году по проекту целой группы авторов во главе с Сергеем Евдокимовым, много работавшим на Ивановской улице и в ее округе. Здание школы уникально: оно состоит из четырех блоков, соединенных переходами, имеет зимний сад. В одном из учебных блоков есть астрономическая вышка, в спортивном блоке — плавательный бассейн.

На участке рядом со школой была установлена бронзовая скульптура «Пушкин-лицеист» скульптора Галины Додоновой. Судьба этого памятника оказалась очень непростой. Бетонный постамент достаточно быстро обветшал, памятник вынуждены были убрать в помещение, в школьный кабинет труда. Потом Пушкин отправился на выставку, где возникла идея установить его в Таврическом саду. Но по каким-то причинам новоселье не состоялось, и Пушкин снова скрылся с глаз публики — во двор Мухинского училища. Там его увидел поэт Михаил Дудин, благодаря которому «Лицеист» обрел, наконец, постоянное пристанище — в Пушкинских Горах, в яблонево́м саду села Михайловское...

Было застроено и существовавшее на территории Щемиловки и близлежащей Леснозаводской деревни Белевское поле — некогда огромный пустырь, территория которого все уменьшалась с годами. Теперь о нем напоминают названия Белевского проспекта и Белевского карьера, расположенных за улицей Седова

близ железной дороги. Карьер, как гласит история, образовался в середине XIX столетия во время строительства железной дороги: отсюда брали грунт для насыпей...

В 1974 году вступил в строй Ивановский (Невский) путепровод, соединивший Ивановскую улицу с проспектом Славы. Это было еще одно важнейшее дополнение к Дуговой.

Но нам в этой главе непременно надо вернуться к довоенным временам и вспомнить еще одно примечательное строение Невской заставы. В 1936—1939 годах Евгений Левинсон и Игорь Фомин совместно с коллегами построили внушительное здание районного Дома Советов (проспект Обуховской Обороны, 163, сегодня здесь работает администрация Невского района). Это не тот Дом, что упомянут в путеводителе 1940 года: Дуговая магистраль вела к Дому Советов на Московской площади...

«Ленинградская правда» в феврале 1938 года оповещала горожан: «На берегу Невы, неподалеку от нового Володарского моста, развернулось строительство

Здание Невского райсовета. Фото 2006 г.

Виадук у Невского райсовета. Фото 2006 г.

районного Дома Советов. Это будет пятиэтажное здание со 150 комнатами, в которых разместятся все учреждения района. В нижнем этаже будет находиться зал заседаний на 300 человек, столовая и архив. Цокольная часть здания отделяется гранитом: Дом украсится двумя портиками и 8 колоннами. Строительство Дома Советов Володарского района должно быть закончено к концу 1938 года. Стоимость его 3 с половиной миллиона рублей».

Основной фасад здания обращен к Неве и проспекту Обуховской Обороны. Хорошо видно оно и с моста. Все тот же Игорь Бартенев писал: «Облик здания райсовета хорошо гармонирует с застройкой Ивановской улицы. Однако оно несколько проигрывает из-за своих сравнительно небольших размеров по сравнению с пространством Невы и примыкающей к нему площади».

Что правда, то правда: с этим утверждением не поспоришь.

Напоследок о судьбе Володарского моста. Конструкции его оказались не столь уж прочными, а потому в конце 1980-х годов решено было возвести новую переправу. Рядом с Володарским перебросили временный мост, железобетонные конструкции старого моста разобрали, а затем построили новый. К нему подвели железобетонную трамвайную эстакаду. К 1993 году Володарский мост снова был введен в строй. Надежность его наверняка повысилась, а вот с точки зрения внешнего облика он заметно проиграл.

Одно радует: при постройке обновленного моста не пострадало одно из примечательных зданий этого уголка Невской заставы. На Прямом переулке, 1, стоит здание, построенное в 1900–1901 годах архитектором Юлием Бенуа для школы принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Самого принца тогда уже не было в живых, но созданная им школа для девочек, входившая тогда в структуру Женского Патриотического общества, работала и развивалась. В честь школы Патриотическим звался и переулок, знакомый современным горожанам как переулок Матюшенко.

Яркие страницы в истории этого здания связаны с советскими послевоенными годами, когда здесь работала школа № 344 (позже она переехала на правый берег Невы). Это учебное заведение славилось своим педагогическим коллективом, а в гостях здесь бывали многочисленные знаменитости: актеры Сергей Юрский и Кирилл Лавров, Павел Кадочников и Леонид Быков, хирург Федор Углов и поэт Михаил Дудин...

СОРТИРОВОЧНАЯ

Раз уж мы обратили внимание читателя на Ивановский путепровод, можно задержаться на нем подольше. С этого путепровода хорошо видна станция «Московская-Сортировочная» с множеством рельсовых путей и бесчисленным количеством вагонов, тепловозов, электровозов.

Возникновение железной дороги из Петербурга в Москву оказало серьезное воздействие на жизнь Невской заставы. Здесь появились уже известные нам предприятия, строившие вагоны и паровозы, да и сама линия четко обозначила границу района. Раньше, например, Волкова деревня с Волковскими кладбищами почти не отделялась от потемкинских Озерков: от одной точки до другой было рукой подать. С появлением дороги расстояния, конечно, не изменились, но линия водораздела была проведена.

Железная дорога достаточно быстро обрастала не только предприятиями, но и собственными подразделениями. Когда грузопотоки стали велики, было принято решение построить для сортировки товарных вагонов и составления товарных поездов первую в стране сортировочную станцию. Место для нее нашли на шестой—восьмой верстах от Петербурга — слева от основного пути, если смотреть по ходу движения от столицы, на территории Невской заставы. Осенью

1877 года работы начались, а двумя годами позже станция вошла в строй. Была она не только первой в России, но и крупнейшей в Европе, и обслуживала более 2000 парных вагонов в сутки.

В те времена работа на станции была непростой. «Башмачник подсовывал под колесо деревянный полутораметровый кол, садился на свободный конец и съезжал с горки вместе с вагоном». Но прогресс постепенно менял условия труда.

Железная дорога из Петербурга в Москву, а вместе с ней «Сортировочная» всегда были на острие прогресса.

Осенью 1924 года здесь — от Ленинграда до Обухово — совершил свой пробный рейс первый отечественный тепловоз конструкции Якова Таккеля.

В июне 1931-го из Ленинграда в Москву промчался первый советский экспресс «Красная стрела».

В 1934-м на «Сортировочной» создали вагонный участок, преобразованный позже в депо.

В 1937—1938 годах на станции «Ленинград—Сортировочный—Московский» появилась опытная радиоустановка.

Осенью 1960 года со станции «Ленинград—Сортировочный—Московский» на Малую Вишеру грузовые поезда впервые повели электровозы. Позже электровозы стали обслуживать и весь путь до Москвы.

В конце 1960-х на «Сортировочной» появилась первая на советских железных дорогах ЭВМ — «Минск-22». Это могучее устройство с перфолентами и перфокартами весило около 5500 кг и занимало площадь 100—120 квадратных метров.

В 1980-е годы со станции «Ленинград—Сортировочный—Московский» был впервые отправлен поезд весом 16 тысяч тонн.

Все это — лишь малая часть железнодорожных летописей.

С высоты Ивановского путепровода хорошо видно, как живет сегодня станция. На ней можно увидеть как самые современные виды техники, так и «старичков» — паровозы, давно списанные на покой, но мирно стоящие на рельсах. Не все же выбрасывать за борт собственное прошлое!

ПАМЯТИ ВОЖДЯ

Несколько десятилетий назад никому не надо было объяснять, почему и в честь кого мост через Неву именуется Володарским. Все знали: это — во славу большевистского пропагандиста В. Володарского, яростного борца за власть Советов. Многие знали и о том, что какое-то время проспектом Володарского звался Литейный, а Володарским районом — Невский район.

Моисей Маркович Гольдштейн (партийный псевдоним В. Володарский) был человеком неординарным. Даже в среде большевиков, где хватало ярких ораторов и публицистов, он выделялся умением доходчиво и убедительно для широкой рабочей публики излагать мысли. Володарский создал в Петрограде «Красную газету» — популярнейшую у рабочих. Он много выступал на митингах, в том числе на заводах Невской заставы.

Прославился Володарский и участием в процессах против «буржуазной печати»: так в 1917—1918 годах именовали любые несоветские издания. Не повезло, например, газете «Новый вечерний час», редактором которой был известнейший журналист, специалист по театру Александр Кугель. Политическая физиономия редактора доверия новым властям не внушала, а особенное их возмущение вызывали заголовки в газете: слишком хлесткие, слишком обобщенные. Вот

и доказывал Володарский революционному трибуналу, что газету надо закрыть:

«Гражданин Кугель возмущен тем, что я хочу обвинять его за заголовки... Я скажу больше... В Петрограде три миллиона жителей. Насколько я знаю, все вечерние газеты, которые читаются, вряд ли превысят триста тысяч экземпляров, не более. Но, тем не менее, сведения, которые помещаются в этих газетах, узнаются всем населением. Каким образом? Очень просто. Мальчики, которые продают газеты, не читают текста вашего, им все равно, поставили ли вы вопросительный знак или нет, поставили ли словцо „де“ или нет: мальчишка берет вашу газету и бежит по улицам, и кричит: „Мирбах требует срочного введения германских отрядов в Москву...“ И дело злое, дело преступное содеяно, прежде чем кто-нибудь успеет обратиться к вашей газете. Но даже и тот, кто газету вашу купит, не гарантирован от того, что он будет спасен от лжи... Он берет газету, в глаза ему бросается афишка, которая его поразит. Он читает, что Мирбах требует введения отряда, и у него это залегает в утомленный мозг... У читателя украли спокойствие».

«Новый вечерний час», разумеется, закрыли — как и другие подобные издания.

Ненамного пережил газету и сам Володарский. 20 июня 1918 года

*Памятник В. Володарскому.
Фото 2006 г.*

он был застрелен рабочим-маляром, членом эсеровской партии Никитой Сергеевым. Убийство готовилось долго и тщательно; пламенный трибун нередко бывал на Обуховском заводе, и маршрут его был известен. Как говорил организатор убийства эсер Григорий Семенов, «мы выбрали место на дороге из Ленинграда на Обуховский завод у часовни, на повороте дороги. Решили остановить там автомобиль Володарского, думая набросать для этого на дороге битого стекла или гвоздей и испортить этим шины, или бросить ручную бомбу перед автомобилем».

Однако все случилось неожиданно, когда покушение еще не было до конца подготовлено.

«Сергеев, отправляясь посмотреть, как поедет в намеченном нами месте автомобиль Володарского, спросил меня: как быть, если представится удобный случай? Я ответил, что в таком случае надо действовать. В этот день автомобиль Володарского по неизвестной причине остановился недалеко от Сергеева. Шофер начал что-то исправлять. Володарский вышел из автомобиля и пошел навстречу Сергееву. Кругом было пустынно. Сергеев выстрелил несколько раз на расстоянии 2—3 шагов, убил Володарского и бросился бежать. Сбежавшаяся на выстрел публика за ним погналась, но он бросил бомбу. От взрыва бегущие растерялись. Он перелез через забор и скрылся от преследования. Через 2 дня я его отправил в Москву».

Убийство случилось примерно в том месте, где стоит сегодня хорошо видный с моста памятник Володарскому. Монумент этот, исполненный по модели скульптора Матвея Манизера, был открыт семь лет спустя, 21 июня 1925 года. С речью на открытии выступил глава города Г. Зиновьев.

«Мощная фигура революционера-оратора с протянутой рукой стоит на гранитном постаменте, — со-

общал путеводитель по Ленинграду 1931 года. — Вокруг — небольшой сквер: у края дороги, на месте убийства, мемориальная надпись: „На этом месте наемным убийцей предательски убит 20 июня 1918 г. любимый вождь петроградских рабочих В. Володарский“...»

«Статуя, — дополнял сведения путеводитель 1940 года, — выполнена с большим портретным сходством... Памятник находится здесь временно и будет перенесен к строящемуся вблизи моста Володарского Дому райсовета Володарского района...»

Добавим только самое необходимое: памятник перенесен так и не был, а мемориальная доска исчезла без следа — очевидно, в те годы, когда любимый вождь рабочих был один на всех...

КУРАКИНА ДАЧА

О бароне Иване Черкасове читатель уже слышан, и слышан нехорошего. Оно и правда: в деле с фарфоровым мастером Дмитрием Виноградовым барон проявил себя как самодур, которому чужая жизнь — копейка.

Но вот снова приходится нам вспоминать о бароне. Потому что именно он был первым владельцем усадьбы, которая известна сегодня как Куракина дача. Первым, если не считать обитателей находившейся в этих местах еще в допетровские времена деревни Мийккула (она же Миккели, известна с 1620-х годов).

Иван Черкасов начинал в бедности. Был простым подьячим, и даже когда поступил на службу в Кабинет Петра I, средства его оставались весьма ограничены. Однажды будущий барон подал императору письмо с просьбой о прибавке жалованья и сопровождал его такими словами: «Зима, Государь, приходит, а одеть себя и семьи своей нечем; домишка развалился, а поправить его и обогреться нечем же». Петр жалование прибавил.

Со временем Иван Антонович входил все в большее доверие Петра. По мнению историков, это объяснялось его правдивостью и способностью говорить правду в глаза. Известен его конфликт с Меншиковым, в ходе которого Черкасов не побоялся сказать монарху все, что знал и думал о его любимце.

При таком нраве неудивительно, что Черкасов (как, впрочем, и многие придворные) знавал разные времена. При Екатерине I и Анне Иоанновне он был не в фаворе. Но восшествие на престол Елизаветы Петровны подняло Ивана Антоновича к самым вершинам власти. Он стал кабинет-секретарем императрицы, получил баронский титул, был пожалован орденами и деревнями.

«За все пятнадцатилетнее пребывание его в Кабинете почти все дела, начиная от наиболее важных, имеющих серьезное политическое значение, и кончая самыми мелочными, вроде, напр., заботы о доставлении из Москвы в Петербург 3-х или 4-х диаконов с хорошими голосами для чтения во Дворце Евангелия в день св. Пасхи в 1757 году, или хлопот о присылке в 1754 году кухарки-шведки для приготовления шведских блюд для любившей покушать Елисаветы, или о присылке ко Двору свежего винограда, проходили через его руки: он либо сам докладывал Государыне о делах помимо всех министров, либо сама Государыня, просмотрев предварительно дело, передавала его ему же для окончательного рассмотрения и составления указа».

Французский посол в России Дальон так характеризовал Черкасова: «Чрезвычайно насильственный и грубый, но притом умный и искусный человек, особенно в науке пользоваться слабостями своей Государыни». Эти слова находят полное подтверждение в истории Фарфорового завода.

После смерти барона Черкасова владельцем его дачи стал еще один вельможа — сенатор князь Борис Александрович Куракин, а от него дача досталась детям. Одним из сыновей его был знаменитый Александр Куракин, один из образованных людей своего времени, близкий друг наследника Павла Петровича, ставшего затем императором Павлом I.

В 1780-е годы Куракины возвели здесь целый ряд построек, до наших дней не сохранившихся.

*Церковный флигель Николаевского Сиротского института,
ул. Бабушкина, 56. Фото конца XIX в.*

А в 1801 году Куракина дача была приобретена в казну для Александровской мануфактуры. На этом предприятии, рассказ о котором еще впереди, работали многие малолетние питомцы Императорского Воспитательного дома. Их и поселили на даче. Потом несколько лет на даче действовала богадельня Воспитательного дома.

Воспитательный дом вообще был учреждением для своего времени уникальным. Учрежденный по мысли Ивана Бецкого, он предназначался для воспитания сирот, подкидышей, детей из бедных семей. В 1806 году в составе Воспитательного дома появилось специальное Училище глухонемых (первое в стране учебное заведение для инвалидов), на базе учебных классов дома был в 1837 году учрежден Сиротский женский институт (впоследствии Николаевский сиротский институт),

питомицы которого становились учительницами музыки, гимнастики и танцев, французского языка...

Разумеется, старые барские постройки не могли удовлетворить всем нуждам новых заведений. Главное здание (нынешний адрес — улица Бабушкина, 56, корпус 1) трижды расширялось и перестраивалось. Были возведены деревянный лазарет и хозяйственный флигель (улица Бабушкина, 56, корпус 2).

А в 1847 году на Куракину дачу переехало малолетнее отделение Николаевского сиротского института (рассчитанное на детей от 5 до 11 лет). На каникулы сюда прибывали и более старшие воспитанницы, которые проводили практические занятия с малолетними и ездили на экскурсии — в том числе на Стекланный и Фарфоровый заводы, на Обуховский завод, в Эрмитаж и Петропавловскую крепость.

Михаил Иванович Пыляев, видевший Куракину дачу своими глазами, писал: «Дача, на которой находится заведение, лежит среди тенистого сада, огороженного красивым забором; всей земли под дачей 12 десятин». Это Пыляев говорит о тенистом саду, сформированном после перепланировки 1858 года, которую проводил садовый мастер Иоахим Альвардт...

В годы революции сгорел большой деревянный дом Куракиной дачи, исчезли без следа оранжереи. В оставшихся помещениях открыли интернат, а затем школу. Осенью 1925 года учащиеся превратили один из ближайших к даче пустырей в юннатский участок. Хозяйство юных натуралистов стало гордо именоваться «Агробазой».

К 1931 году весь парк стал фактически ботаническим садом. Путеводитель по Ленинграду отмечал здесь «строгий порядок, ярлыки на деревьях с названием пород и лозунгами природоохранительной комиссии». Потом на Куракиной даче поселился Садово-огородный

Сад Куракиной дачи. Фото 2006 г.

техникум имени Володарского, а «Агробазу» повысили в статусе до «Агробиологической станции». В 1937 году практически одновременно с городским Дворцом пионеров свой Дом пионеров и школьников появился в Володарском районе — на Куракиной даче. Он работает и ныне, теперь это Дом детского творчества «Левобережный» (официальный адрес — улица Бабушкина, 56, корпус 2).

Южную часть Куракиной дачи отдали под коллективные сады: здесь выращивали плоды местные обыватели.

«Организованное здесь во время блокады парниковое хозяйство спасло жизни многим ленинградцам. Только весной 1942 года здесь вырастили 30 тысяч кустов помидоров и около миллиона — капусты и брюквы, а также вывели новый сорт помидоров, названный „Юннат“», — пишет историк Сергей Глезеров.

Уже в послевоенные годы здесь находился интернат № 10. Здесь восемь лет учился известный киноартист Евгений Леонов-Гладышев, о чем он рассказал в одном из интервью:

«Наш интернат на Куракиной даче подарил мне самые счастливые годы моей жизни. Так случилось, что при живых родителях я вынужден был жить и учиться там. Это была настоящая республика ШКИД, необыкновенное братство. В те времена Куракина дача считалась диким бандитским местом. Но бандитом я не стал. Правда, мы умудрялись воровать бутылки из приемного пункта и на следующий день их сдавали. Это был наш маленький бизнес».

Сегодня состояние Куракиной дачи нельзя назвать благополучным. Будем надеяться, что лучшие годы у нее впереди.

ЛЕСНОЗАВОДСКАЯ

Сразу за Куракиной дачей к проспекту Обуховской Обороны выходит Леснозаводская улица. Когда-то она звалась Куракиной дорогой и шла через южные окраины столицы к Средней Рогатке (нынешняя площадь Победы). За улицей следует территория Леснозаводской деревни.

В допетровские времена и здесь, в районе нынешней гостиницы «Речная», было свое поселение, и довольно крупное, — деревня Койкоси. Часть дворов деревни

У Речного вокзала. Фото 2006 г.

размещалась чуть южнее — близ нынешней станции метро «Пролетарская». В новгородских документах 1500 года населенный пункт записан как «д. Койкса на Неве», и насчитывалось здесь тогда четыре двора.

В отличие от многих других древних поселений на невских берегах деревня Койкоси не исчезла с лица земли после рождения Петербурга. В первые десятилетия петербургской истории она была известна как слобода Кайкуши и принадлежала какое-то время царевичу Алексею Петровичу. Здесь стоял даже мажандовский дворец наследника престола, построенный в 1714 году; к середине XVIII века, по свидетельству Андрея Богданова, он стал уже «весьма ветх».

«Кайкуша на Неве» упоминается в одном из писем Екатерины II к Потемкину. В жизни императрицы это имение заняло особенное место. После переворота, возведшего Екатерину на престол, Кайкуши достались гардеробмейстеру Василию Шкурину, деятельному участнику заговора и воспитателю незаконнорожденного сына императрицы Алексея Бобринского. Известно, что Бобринский родился незадолго до переворота и был помещен в семью Шкурина под видом его племянника.

По некоторым сведениям, впервые императрица увиделась с сыном летом 1764 года, и случилось это как раз на даче Кайкуши...

В пушкинское время за дорогой на Среднюю Рогатку вдоль Шлиссельбургского тракта стояли дачи полковника Мордвинова и лейб-хирурга доктора Беверлея. А за ними на берегу Невы находился популярнейший трактир 1-го разряда «Александрия». Он славился блюдами из оленины и медвежатины, а также широкой развлекательной программой: в саду при трактире выступали гимнасты, акробаты, силачи, танцоры, играл духовой оркестр. Иногда здесь запускали воздушные

шары. История трактира оказалась, однако, не слишком долгой — он проработал лишь десятилетие с небольшим.

А в историю города эта местность вошла как Леснозаводская деревня. Местные крестьяне арендовали землю у Александровской мануфактуры, и достаток у них был более чем скромный. «При личном моем освидетельствовании в оной деревне усматривается, что большая часть крестьян живет крайне бедно и имущества никакого не имеет, семейства свои содержит поденными работами, немногие же из них имеют посредственный крестьянский быт, посредственное для хозяйства имущество и запас хлеба, необходимого для своего семейства, и излишнего ничего не предвидится». Это из рапорта Рыбацкого волостного старшины Семена Брюхова, составленного осенью 1863 года.

Послереволюционный быт этого поселения описал выпущенный в 1931 году путеводитель по Ленинграду:

«Почти все младшее население крестьян уже работает на заводе. Название деревни указывает, что здесь был основан на лесном участке поселок для заводских

Речной вокзал. Фото 2006 г.

рабочих. Население деревни занимается сельским хозяйством, огородничеством, причем не ведет плодосеменного хозяйства, т. к. может усиленно удобрять землю отбросами с пивоваренного завода „Вена“ и навозом со скотопригонных дворов.

Местом прогулок для заводского населения являются поля Леснозаводской деревни, большие пустыри за железнодорожными путями завода „Большевик“...»

Именно на территории Леснозаводской деревни стоят теперь сооружения Речного вокзала (проспект Обуховской Обороны, 195), возведенные в начале 1970-х годов на месте скромной Озерной пристани. К этому времени большая часть Леснозаводской деревни вплоть до улицы Шелгунова была уже застроена новыми домами, и этот микрорайон все чаще стали именовать Щемиловкой — вместе со Щемиловкой исторической.

Речной вокзал — своего рода преемник давнего речного порта на Неве. С той только разницей, что ныне он ориентируется исключительно на пассажирские перевозки. Отсюда отправляются теплоходы на Ваалам, по Волге, к Москве...

У ШЕЛГУНОВА

Мы уже называли фамилии двух самых знаменитых питомцев Смоленской школы — Ивана Бабушкина и Василия Шелгунова. Но если о Бабушкине и связанных с его именем достопримечательностях Невской заставы говорилось уже немало, то Шелгунов пока оставался в тени.

Пора и ему выйти на передний план.

Ново-Александровская улица находится за территорией Леснозаводской деревни. Она — часть огромной

Дом Шелгунова. Фото 2006 г.

территории села Александровского, в честь которого и получила свое имя.

На этой улице доныне стоит двухэтажный деревянный дом (Ново-Александровская, 23), где обитал Василий Шелгунов.

Вообще Шелгуновых в истории русского освободительного движения двое. Николай Васильевич Шелгунов был видным участником демократического движения 1860-х годов, известным писателем и критиком, автором многих книг и статей. В отличие от однофамильца, Василий Андреевич Шелгунов легким слогом не обладал. Он был рабочим и успел потрудиться на множестве столичных заводов — от Путиловского до Обуховского, включая и Новое Адмиралтейство, и Балтийский завод. Но для истории важнее другое: Шелгунов являлся активным деятелем ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В доме на Ново-Александровской у Шелгунова не было своей квартиры. Он обитал вначале у рабочего Берда Метуса на первом этаже, затем перебрался на второй — в квартиру Яковлевых. Здесь у Шелгунова не раз бывал Ленин — проводил занятия марксистского кружка, встречался с рабочими. Потом Шелгунов был арестован и выслан из столицы...

В 1906 году Василий Андреевич потерял зрение, но не оставил революционной работы. Принимал участие в создании большевистской «Правды». Был участником Октябрьской революции. После 1917 года стал одним из зачинателей Всероссийского общества слепых, состоял политическим редактором журнала «Жизнь слепых».

А в августе 1967 года, в день 100-летнего юбилея Шелгунова, в доме открылся Народный музей революционной истории Невской заставы. Перед этим здание капитально отремонтировали, провели в него центральное отопление, пропитали стены огнестойкой эмульсией. В комнате на втором этаже, которую занимал

Мемориал у дома Шелгунова. Фото 2006 г.

Шелгунов, по возможности воссоздали прежнюю обстановку.

Спустя шесть лет перед домом установили горельефный гранитный портрет Ленина, исполненный скульптором Вадимом Трояновским.

После перестройки музей не только сохранился, но и приобрел муниципальный статус. Теперь экспозиции историко-краеведческого музея «Невская застава» рассказывают не только о революционном прошлом, но и вообще о жизни этой части города. Само здание музея — красноречивое напоминание о том, какой была раньше застройка Невской заставы.

Чтобы завершить на время ленинскую тему, отметим: совсем неподалеку от музея находится здание Дворца культуры имени В. И. Ленина (проспект Обуховской Обороны, 223), построенное в 1920-х годах в стиле конструктивизма по проекту крупных архитекторов Владимира Щуко и Владимира Гельфрейха. Правда, в перестроечное время этот ДК ленинского имени лишился: теперь это Культурный центр «Троицкий». Сохранившаяся рядом с ДК зеленая зона — скромный остаток существовавшего некогда здесь парка.

ПРОКУРОРЫ НА ДАЧЕ

В допетровские времена было свое поселение и на территории села Александровского. «Д. Логиново Нижний Омут на Неве» — так обозначено оно в новгородских документах 1500 года. Известна была деревня также под именем Локкала. Дворов в ней было немного, а незадолго до основания Петербурга хозяин тут вообще оставался один-единственный — Йёрах Няюра. Теперь на месте старинного поселения — корпуса Обуховского завода...

А в середине XVIII столетия эти земли достались князю Никите Юрьевичу Трубецкому, генерал-прокурору времен Елизаветы Петровны, генерал-фельдмаршалу и обладателю многих других почетных званий и титулов. Всех этих высот Трубецкой достиг не без труда, жертвуя иногда чувством собственного достоинства. При Петре II, например, он смиренно сносил

Корпуса Обуховского завода. Начало XIX в.

связь своей супруги со всесильным тогда Иваном Долгоруким. При этом временщик «бивал и ругивал» Трубецкого, а однажды «по исполнению над ним многих ругательств хотел, наконец, выкинуть его в окошко».

Дочь фельдмаршала Елена вышла замуж за князя Александра Алексеевича Вяземского, генерал-прокурора времен Екатерины II. Один из мемуаристов желчно замечает на счет ее супруга: «все знали, что Вяземский был человек с осиновым рассудком». А вот что пишет итальянский дипломат, служивший в Петербурге в 1780-е годы: «Род Вяземских один из лучших, но вместе с тем беднейших дворянских родов в России. Когда князь женился, самую драгоценную его движимость составляли шесть серебряных приборов; ныне, не считая обширнейшего дворца и великолепнейшего загородного дома, он имеет состояние в два миллиона рублей и более... Он слывет за человека распорядительного и трудолюбиваго; это правда, но в том заключается лучшая сторона личности этого министра; дурная же его сторона состоит в том, что все убеждены в его алчности и корыстолюбии. Я упомяну ниже о подарках, которые государыня раздает лицам, употребляемым ею для поручений по особым делам. Князь Вяземский воспользовался доброю долею этих щедрот; однако же никто не может объяснить, каким образом он в немного лет приобрел огромное богатство».

Интонация посланника вполне очевидна, и вряд ли в его словах есть большое преувеличение. Хотя кое в чем дипломат ошибается. «Великолепнейший загородный дом» с прилегающими к нему землями Вяземскому достался вполне законно и честно — в качестве приданого, полученного за супругой.

Иоганн-Готлиб Георги, видевший Александровское в конце XVIII столетия, оставил подробное описание усадьбы:

«Деревня состоит из каменных домов, расположенных по обеим сторонам большой дороги в два ряда. Она имеет прекрасную круглую каменную церковь, коей купол столбами поддерживается, Голландскую ветряную мельницу с 6 крыльями, знатный трактир, завод для формов сахарных голов, сахарный, также и кожевенный завод. Бывшие доселе трактирщики давали зимою балы и маскарады, которые многими из города посещались. Сахарный завод и завод для двоения водки отданы на откуп Аглинским купцам.

Г. Р. Державин

Знатный, в 3 этажа вышины выстроенный господский дворец находится по левой стороне дороги, на левом берегу Невы и снабжен сделанным Профессором Кольрейфом отводом молний. Перед дворцом есть сад замка со многими теплицами, оранжереей и пр., подле одного находятся четыре для домоводства учрежденные строения, из коих каждое маленькую башню имеет. По правую сторону деревни и большой дороги есть плоский смешанный лес, имеющий около 3 верст в окружности, сделанный помощью каналов, прудов, извивающихся и прямых дорог, островков, беседок, храмов, гротов, развалин, пустыньки, качелей и пр. многообразными переменами весьма увеселяющим Аглинским садом и открытый летом публике для прогуливания...

Подле сада есть небольшая мыза с хорошо выстроенными домами».

Как рассказывает Михаил Пыляев, мыза и сад носили название «Каприз», причем при входе в сад было прибито такое стихотворение, написанное Гаврилой Романовичем Державиным:

«Капризом» назван сад, в который ты идешь;
Но странности ты в сем названье не найдешь.
Природой были здесь места пренебреженны,
Искусством и трудом теперь украшенны...

Державин, добавим тут к слову, сам нередко бывал в Александровском — тем более, что Вяземский был его непосредственным начальником. А Георги лишь мельком упомянул в этом перечне главную достопримечательность имения — оригинальнейшую Троицкую церковь, более известную как «Кулич и Пасха» (нынешний адрес — проспект Обуховской Обороны, 235).

Троицкая церковь — «Кулич и Пасха». Фото 2006 г.

Такова была мысль архитектора Николая Львова: возвести посреди парка храм в виде ротонды, похожей на пасхальный кулич, с пирамидальной колокольной, похожей на пасху. Генерал-прокурор одобрил замысел, и в 1790 году храм был освящен.

К счастью, «Кулич и Пасха» дожили до наших дней без существенных изменений. Лишь в 1938—1946 годах храм закрыли и использовали под библиотеку, а потом вновь отдали верующим.

Сегодня именно здесь хранится чтимая икона «с грошиками» из Скорбященской церкви...

Вяземский нередко принимал у себя в Александровском (так называлось имение) Екатерину II. Для почетной гостьи устраивались пиры и театральные представления. Во время одного из ужинов на столе, свидетельствует историк, «стоял великолепный египетский обелиск, вверху которого на серебряном щите блистало имя Екатерины II, а вокруг изображены были времена года».

В царствование Екатерины Вяземский был одним из самых доверенных вельмож. Фактически он управлял не только юстицией, но и внутренними делами, финансами империи. На посту генерал-прокурора он пробыл 29 лет, будучи уволен от дел лишь по причине серьезной болезни.

*Колокольня Троицкой церкви.
Фото 2006 г.*

Скончался он в 1796 году, а два года спустя вдова его решила расстаться с имением. Об этом было сообщено в «Санкт-Петербургских ведомостях»:

«Вдовствующая княгиня Вяземская намерена принадлежащую ей мызу Александровку, которая находится на Шлиссельбургской дороге в 10 верстах от Санкт-Петербурга, продать всю вместе или особыми отделениями. Мыза сия заключает в себе 3 деревни, знатные леса, хлебородные поля, богатые сенокосы и притом огромное господское здание, многие по местоположению своему для заводов способные строения и большие и малые летние жилья с огородами».

Покупателя долго ждать не пришлось: имение было приобретено казной. Императора Павла I, похоже, особо привлекла одна строчка объявления — о том, что в имении есть «многие по местоположению своему для заводов способные строения».

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ МАНУФАКТУРА

В том же 1798 году император Павел Петрович решил построить на землях Вяземского предприятие, небывалое еще в России. Идею строительства большой механической мануфактуры, которая производила бы хлопковую и шерстяную пряжу и ткани, подал монарху аббат Михаил Оссовский. По тем временам идея была крайне современной: механическое прядение только-только было изобретено в Англии.

Подписанный императором указ назывался так: «Об устройстве близ Санкт-Петербурга фабрики для обработки хлопчатой бумаги и шерсти с употреблением на оной питомцев Воспитательного дома». Собственно говоря, идея насчет питомцев тоже принадлежала аббату. Однако осуществить свой замысел Оссовский не успел. Получив на дело 80 тысяч рублей, он уже в 1799 году умер.

После его кончины мануфактура перешла в полное ведение Воспитательного дома. Однако рассчитывать целиком на труд несовершеннолетних фабрика не могла. Поэтому состав рабочих тут был смешанный: помимо подростков трудились бывшие питомцы Воспитательного дома, взрослые мастеровые, инвалиды, вольнонаемные рабочие из близлежащих деревень.

«Несовершеннолетние воспитанники, коих находится ныне около 800 человек (до 600 мужского и 200 женского пола), получают от мануфактуры кроме заработной

платы полное содержание пищею и платьем; обучаются чтению, письму и, смотря по способностям, другим высшим, но приличным их званию наукам, — рапортовала в 1831 году газета „Северная пчела“. — Прилежно смотрят за их поведением, чистотою и опрятностью: спальни у них просторные, светлые и отменно чистые. Всякий день в часы отдыха занимают их движением и играми, того требующими, в хорошую погоду — на дворе (у девушек есть для сего особый сад), а в ненастную и холодную — в больших рекреационных залах. Кормят сытным, вкусным и здоровым кушаньем; обыкновенно подают две, а в праздник три перемены оно; в день обходится около 21 коп. на человека. Обедать и ужинать собираются все питомцы обоего пола в одну обширную столовую...»

Особо подчеркивалось: «Каждому питомцу в его сумме ведется особый счет. Когда мужчина женится или девушка выходит замуж, или они перестают служить на мануфактуре, деньги их и с накопившимися процентами выдаются им по желанию. Таковых денег получают они от 100 до 1500 р., смотря по мере их жалования и по продолжению времени работы».

Разумеется, мануфактура зарабатывала деньги не только для своих питомцев, но и (прежде всего) на нужды Воспитательного дома.

Панорама Александровской мануфактуры

Можно, конечно, усомниться в том, что во всех отношениях Александровская мануфактура была таким уж благополучным заведением. В прессе николаевских времен иных оценок просто не могло быть, критика не допускалась в принципе. Но все-таки отдадим должное руководителям мануфактуры: они стремились поставить дело на солидный уровень. В 1805 году, например, оснастили предприятие первой в Петербурге паровой машиной. А в 1816 году здесь зажглись первые в столице газовые светильники.

Среди управляющих мануфактурой особое место принадлежит Александру Яковлевичу Вильсону. Уроженец шотландского города Эдинбург, он попал в Россию благодаря отцу: кузнец Джеймс Вильсон был приглашен поработать на строительстве царскосельских дворцов, которое возглавлял шотландский зодчий Чарльз Камерон. Со временем Александр начал помогать отцу, участвовал в изготовлении решетки Камероновой галереи, потом начал самостоятельную карьеру. Он сделал немало для развития вверенных ему Ижорских заводов и Александровской мануфактуры. Труды его были отмечены множеством наград.

«Обращая Монаршее внимание на долговременную, отличную службу вашу и неутомимые труды по возложенному на вас, доверием в Бозе почивающей

Начало XIX в.

Императрицы Марии Феодоровны, управлению Александровской мануфактуры, Мы, в ознаменование совершившегося ныне 50-летия заведывания вашего этим учреждением, Всемилостивейше жалуем вам препровождаемые при сем алмазные знаки ордена Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского».

Всего Вильсон руководил мануфактурой 54 года, с 1806-го по 1860-й. Рядом с ней находилась его собственная дача. (Поблизости стояли — заметим здесь в скобках — и другие дачи, в том числе генерал-лейтенанта барона Константина Шлиппенбаха, начальника Школы гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, в которой обучался Михаил Юрьевич Лермонтов. В историю школы барон вошел как поборник строгой дисциплины, а вне службы он оказался вполне энергичным предпринимателем. В 1847 году именно он выпустил на улицы Санкт-Петербурга омнибусы под маркой «Карета Невского проспекта». Эти общественные кареты ходили вначале от Знаменской площади (ныне площадь Восстания) по Невскому проспекту к Английской набережной. Проезд в один конец стоил 10 копеек. Барон был похоронен на Успенском кладбище в Мурзинке, там же погребены и другие члены его семьи.)

К моменту посещения мануфактуры «Северной пчелой» она производила не только пряжу и ткани, но и более деликатные изделия. Михаил Иванович Пыляев рассказывает про четыре тканые картины на шелке, «очень замечательные по искусству исполнения: 1) „Портрет Императора“; 2) „Вид здания Спб. биржи“; 3) „Вид Академии Художеств“ и 4) „Вид замка Дерам в Англии“. Таких картин до этого нигде ткацким изделием произведено не было. Работы были сделаны Я. Малиным... Император Николай пожаловал ему серебряную медаль для ношения на шее».

На мануфактуре начали уже производить и льняную пряжу. Этот успех дался немалыми трудами, и хотя

больших доходов мануфактуре он не принес, начало российской льняной промышленности было положено.

Но и это не все. В 1817 году император Александр I дал согласие на устройство при Александровской мануфактуре Карточной фабрики. До этого времени карты ввозились из-за границы, причем облагались солидной пошлиной. Деньги эти шли на нужды Воспитательных домов. Однако Александр Вильсон справедливо предположил: выгоднее производить карты самим, доходы будут выше. На это было дано соизволение.

Новой фабрике, открывшейся в 1819 году, дана была полная монополия на производство карт. «С уничтожением впредь карточных частных фабрик и откупов, предоставляется одному Воспитательному дому производство карточного изделия и продажи игральных карт». Нетрудно понять, что это обеспечило надежную статью дохода, ведь число произведенных фабрикой «дюжин» превышало миллион в год. И хотя власть издавала многочисленные указы о пресечении игры на деньги — «мы убедились, что азартная игра, в одно мгновение отъемлющая достояние у семейств, многочисленными трудами приобретенное, и передающая оное людям, своими поступками позор общества составляющим, есть нравственная зараза» (из указа Николая I) — популярность карточной игры из года в год ничуть не уменьшалась.

Вот что писал о картах в русской жизни друг Пушкина Петр Вяземский:

«Нигде карты не вошли в такое употребление, как у нас: в русской жизни карты одна из непреложных и неизбежных стихий... Карточная игра в России есть часто оселок и мерило нравственного достоинства человека. „Он приятный игрок“ — такая похвала достаточна, чтобы благоприятно утвердить человека в обществе. Примеры упадка умственных сил человека от болезни, от лет не всегда у нас замечаются в разговоре

или на различных поприщах человеческой деятельности; но начини игрок забывать козыри, и он скоро возбуждает опасение своих близких и сострадание общества. Карточная игра имеет у нас свой род остроумия и веселости, свой юмор с различными поговорками и прибаутками. Можно бы написать любопытную книгу под заглавием: физиология колоды карт».

Надо сказать, что первые русские карты большим изяществом оформления и отделки не отличались. Александр Вильсон пытался было предпринять некоторые меры к улучшению карт, для них были созданы новые рисунки. Однако император Николай наложил резолюцию: «Не вижу никакой причины переменять прежние рисунки».

Прежние рисунки были переменены при императоре Александре II. Тогда художник Адольф Шарлемань создал новые эскизы, которые и стали использоваться для выпуска атласных карт. Атлас — это сорт гладкой шелковой ткани, из которой изготовляли бумагу. Ее натирали тальком на специальных машинах. Такие карты меньше боялись влаги, лучше скользили при тасовании. И, разумеется, стоили дороже.

Карты с рисунками Шарлеманя стали так популярны, что дожили и до наших дней. Правда, в несколько измененном виде. При переходе на офсетную печать художник Юрий Иванов создал новые рисунки, максимально сохранив шарлеманевскую основу. Современным любителям карточной игры такие карты известны как «Атласные»: название бумаги превратилось в имя собственное...

Монополия на производство игровых карт сохранялась за фабрикой до 1917 года. Незадолго до революции заведение осматривал бывший военный министр Редигер, описавший это событие в своих мемуарах:

«В декабре мне пришлось осмотреть карточную фабрику, принадлежавшую ведомству императрицы Марии. Причина этого осмотра была оригинальная.

Для игры у себя дома я покупал всегда карты высшего сорта, хотя и дорогие (четыре рубля за игру в две колоды), но зато прочные, так что ими можно было играть несколько вечеров, тогда как более дешевые карты рвались в первый же вечер. Эти карты высшего сорта вовсе исчезли из продажи, и я просил своих знакомых добыть мне таковые через кого-либо из высших чинов ведомства; попросили об этом помощника главноуправляющего ведомством Кистера, с которым меня, кстати, познакомили во время заседания Совета. Кистер обещал мне шесть игр высшего сорта (уже по восемь рублей) и, кстати, предложил мне вместе с другими членами Совета осмотреть фабрику. У Кистера было два мотора, а потому он мог взять семь человек. В таком составе мы и поехали на фабрику 17 декабря.

Храм святого Павла, снесенный в эпоху атеизма. Начало XX в.

Оказалось, что на фабрике во время войны выделяются только простые карты как по недостатку хорошего картона (из тряпок), так и потому, что большая часть ее помещения приспособлена для выделки ручных гранат и под шорную мастерскую. Мы осмотрели все эти мастерские, но особенно интересной оказалась выделка карт, их печатание, сушка, разрезка и отделка».

Любопытная деталь: Редигер с товарищами осматривал фабрику наутро после убийства Григория Распутина. О случившемся они еще не знали — иначе осмотр отошел бы на задний план...

Корпуса Карточной фабрики на проспекте Обуховской Обороны, 110, стоят и сегодня. До недавних времен здесь работал Комбинат цветной печати. Уже вскоре большинство фабричных зданий (это сооружения второй половины XIX века, построенные Генрихом Штегеманом и другими архитекторами) должно быть снесено ради постройки нового суперсовременного комплекса, включающего в себя и жилые дома, и бизнес-центр. Сохранится, скорее всего, лишь главное здание фабрики. Да и оно будет реконструировано.

А вот многие постройки самой Александровской мануфактуры сохранились и с более ранних времен. Лазарет, завозный двор, инвалидный дом, льнопрядильная мастерская самого начала XIX века, построенные по проектам Александра Вильсона и штатного архитектора мануфактуры Александра Рокова, доныне стоят на территории Обуховского завода. Жаль только, не дожил до наших дней замечательный храм св. Павла, построенный в 1804—1826 годах по слегка измененному проекту великого зодчего Андреяна Захарова. Его снесли в эпоху воинствующего атеизма...

ЗДЕСЬ РОДИЛСЯ КОЛЧАК

Обуховским заводом Александровская мануфактура обернулась по чисто экономической причине. Как бы хорошо ни работали питомцы Воспитательного дома, какие бы усилия ни вкладывал в ее развитие Александр Вильсон, в обстановке капиталистического развития предприятие становилось все менее способным к конкуренции.

В 1860 году Вильсон покинул пост директора мануфактуры. Предприятие было закрыто, причем для работников ее это было настоящим ударом. Уволены были и казенные мастеровые, и свободные питомцы — с семействами число оставшихся без источника пропитания составило до 1200 человек. Одна радость: «все означенные лица были взысканы милостями е. и. в. — выдачами, по самой меньшей мере, в пособие по закрытии действий мануфактуры двухмесячного жалованья, а многие осчастливлены назначением значительных ежегодных пособий». Это из записки почетного опекуна закрытой мануфактуры Г. С. Попова.

Двумя годами позже на мануфактуре началась распродажа товара и машин. Свою жизнь продолжила только Карточная фабрика: на ее продукцию был высокий спрос.

А тут уже подоспели события в своем роде уникальные. Горный инженер Павел Матвеевич Обухов много работал над созданием качественной литой стали и

в конце концов представил правительству проект отливки в России стальных пушек. Дотоле такие пушки поставлялись из Германии с заводов Круппа, а потому проект был встречен с интересом. Пробные отливки на Златоустовском заводе показали действенность технологии Обухова. «В середине 1860 года первые четыре пушки были уже совершенно готовы, и испытание их в Петербурге показало, что они нисколько не уступают Крупповским, а даже превосходят их. Одна из этих пушек, выдержавшая более 4000 выстрелов, находится теперь в Артиллерийском Историческом Музее на кронверке Петропавловской крепости».

В мае 1862 года воодушевленное военное министерство решило построить близ Петербурга специальный завод по производству стальных пушек. Правда, денег казна отпустила на это немного, но моральная поддержка государства уже многое значила. В дело помимо Обухова вошли знаменитый заводчик Николай Иванович Путилов и купец 1-й гильдии Сергей Кудрявцев. Каждый внес что-то свое: Обухов — технологии, Путилов — организаторский талант, Кудрявцев — деньги.

31 мая 1863 года под новый завод была отдана земля бывшей Александровской мануфактуры. Работы начались в максимально быстром темпе: закладка фундамента под огромный 35-тонный молот, перестройка зданий мануфактуры под новые нужды, возведение новых корпусов (нынешние их адреса — проспект Обуховской Обороны, 118–126).

Уже 15 апреля 1864 года на Обуховском заводе была отлита первая стальная пушка. Спустя полмесяца завод посетил император Александр II и лично наблюдал за плавкой.

Однако запала создателям завода хватило ненадолго. Кредит государства быстро иссяк, и хотя новые деньги государство после колебаний все-таки ре-

шило дать — оно решило установить на предприятии свой контроль. Так завод возглавил назначенный Морским министерством капитан-лейтенант Александр Колокольцов.

Триумвират основателей завода распался достаточно быстро. Путилов вышел из дела и занялся устройством дел нового собственного предприятия — будущего Путиловского завода. Купец Кудрявцев умер от чахотки. Да и Обухов испытывал все более серьезные проблемы со здоровьем. «Он потерял уверенность в себе, здоровье его стало слабеть. В 1868 году он был произведен в действительные статские советники, и в том же году, окончательно упавши духом, уехал лечиться за границу. Вернуться в Россию ему уже не пришлось».

Обухов умер 1 января 1869 года вдалеке от родины. Ему было всего 48 лет. Тело покойного перевезли в Петербург и похоронили в Александро-Невской лавре. А завод сохранил за собой название Обуховского, и это стало самым главным памятником Павлу Матвеевичу.

Несмотря на все трудности, Обуховский завод преодолел кризис и стал ведущим металлообрабатывающим предприятием России. Во многом это заслуга Александра Александровича Колокольцова, возглавлявшего завод с 1865 года на протяжении 29 лет и дослужившегося до генеральского звания. В биографии этого человека и до прихода на Обуховский было немало ярких страниц. Выпускник Морского корпуса, он участвовал в кругосветном плавании на фрегате «Паллада» под командованием адмирала Путятина.

А. Колокольцов

Иван Александрович Гончаров не раз упоминает его в своем знаменитом описании этого путешествия. В том числе в сцене ловли акулы:

«Человек двадцать держали концы веревок, которыми было опутано чудовище. Оно билось о палубу, ползало и махало хвостом; все расступались. А. А. Колокольцов схватил топор и нанес акуле удар ниже пасти — хлынула кровь и залила палубу; образовалась широкая, почти в ладонь, рана. Кто-то еще проворно черкнул ее большим ножом по животу: оттуда вывалились внутренности в виде каких-то грязных тряпок. Акула вдруг присмирела».

Вместе с Путятиным оказался Колокольцов и на фрегате «Диана», потерпевшем в конце 1854 года крушение у берегов Японии. Тогда русские моряки получили пристанище в маленьком японском городке Симода и после размышлений решили сами построить новое судно. Руководили работами лейтенанты Колокольцов и Можайский (Александр Федорович, будущий изобретатель самолета), участвовали в них не только русские, но и японцы. Через два с половиной месяца двухмачтовая парусная шхуна «Хеда» была спущена на воду.

Колокольцов так описывал это событие:

«Шхуна сперва тихо, а потом скорее и скорее при дружном „Ура!“ команды скользнула по стапелю и свободно заколыхалась на воде... Налюбовавшись вдоволь на шхуну, мы обернулись назад, и тут представилась картина не менее занимательная. Японцы с раскрытыми ртами присели на землю и безмолвно следили за шхуной, пока она на буксире у подоспевших наших гребных судов не скрылась за мыс. Тогда вся ватага отправилась с поздравлением к адмиралу, приседая и низко кланяясь в благодарность за данный им урок».

На шхуне «Хеда» русские моряки вернулись домой. А потом «Хеда» была подарена японцам, кото-

рым очень хотелось иметь в своем распоряжении этот корабль. Переход обратно в Японию шхуна совершила под командованием Колокольцова.

В истории русско-японских отношений этот эпизод сыграл особенную роль, так как укрепил дружбу между народами (в Симодэ до сих пор есть музей, повествующий о жизни здесь русских моряков), а для японцев стал первым опытом строительства судна по европейской технологии. «Хеда» стала шагом к созданию мощного японского флота...

Свою предприимчивость Колокольцов сумел проявить и на Обуховском заводе. Он привлек заказы и расширил предприятие. В 1886 году завод стал казенным. Он выпускал пушки для военных кораблей, артиллерийские снаряды, производил разного рода отливки для кораблей — гребные валы, броневые плиты... Среди самых оригинальных его заказов этого времени — два двигателя, изготовленные для Александра Можайского.

Именно при Колокольцове на заводе полтора десятка лет отработал крупнейший ученый-металлург, «отец металлографии» Дмитрий Константинович Чернов, именем которого зовется проходящая неподалеку от завода улица. Правда, и ушел Чернов с завода из-за Колокольцова: «он оставил з-д вследствие принципиального расхождения с руководством з-да по вопросу о значении н. и. работы в развитии и совершенствовании технологии произ-ва» (свидетельство энциклопедии Брокгауза и Ефрона).

Работал на заводе времен Колокольцова и офицер морской артиллерии Василий Иванович Колчак: он много лет был приемщиком продукции от военного ведомства. Жил Василий Иванович на служебной квартире, при заводе. А 4 ноября 1874 года у него родился сын Александр. В метрической книге Троицкой церкви

А. В. Колчак. Фото 1919 г.

(«Кулича и Пасхи») записано: «Морской Артиллерии у штабс-капитана Василия Ивановича Колчака и законной жены его Ольги Ильинишны, обоих православных и первоначальных, сын Александр, родился четвертого ноября и крещен пятнадцатого декабря тысяча восемьсот семьдесят четвертого года».

Биография Александра Васильевича Колчака всем известна. И начинается она со слов: родился

на Обуховском сталелитейном. В самом конце своего пути, на допросах в начале 1920 года, он сам показал: «Я вырос на Обуховском заводе и постоянно на нем бывал. Пребывание на заводе дало мне массу технических знаний: по артиллерийскому делу, по минному делу и т. д. Работа на этом заводе сблизила меня с рабочими. У меня было много знакомых рабочих, которые меня обучали. Они знали меня, и благодаря этому соприкосновению с ними, работе в мастерских, постоянному общению с ними меня интересовали на некоторое время вопросы политического и социального порядка».

Отец будущего адмирала был представителем министерства на Обуховском до 1896 года, выйдя в отставку в генеральском чине. Но и после этого он остался на заводе — в 1905 году, например, отставной генерал-майор Колчак заведовал заводским пудлинго-прокатным производством...

Говоря о Колокольцове, нельзя не упомянуть построенные по его инициативе за заводом, на четной стороне Шлиссельбургского тракта, деревянные двухэтажные дома с квартирами для рабочих. Именем Колокольцова даже называлась улица, проложенная рядом с этими домами и в 1964 году ликвидированная. Неудивительно, что труженики Обуховского относились к своему начальнику очень тепло. Журнал «Нива» описывал, как в 1890 году на заводе отмечали 25-летие работы Колокольцова в начальнической должности:

«По окончании работ этого дня более двух тысяч мастеровых и служащих с их семьями собрались в одной из обширных мастерских приветствовать своего достойного начальника, встретив его, по русскому обычаю, хлебом-солью при торжественных звуках военной музыки. Затем, когда был отслужен благодарственный молебен и дети заводской школы пропели кантату, сочиненную к этому дню в честь их попечителя, начался прием поздравлений и многочисленных адресов от представителей ученых учреждений и обществ, заводов и отдельных лиц, причем было получено и множество телеграмм из разных мест».

В петербургскую топонимику попало и имя премника Колокольцева, сменившего его на директорском посту, а до того полтора десятилетия состоявшего его заместителем — Геннадия Александровича Власьева. И тоже не случайно. Как писала в конце XIX века энциклопедия Брокгауза и Ефрона, «Генерал-майор Г. А. Власьев, продолжая также энергично деятельность А. А. Колокольцова на пути расширения и улучшения завода, много сделал для улучшения быта как служащих завода, так и рабочих (последних в настоящее время до 3000 человек). Увеличив жалованье и переведя почти все работы на штучную плату,

он вместе с этим уменьшил число рабочих часов до 10 с прежних $11\frac{1}{2}$, а в предпраздничные дни ограничил работу на один шабаш, с $6\frac{1}{2}$ утра до 2 часов дня... При заводе имеется училище с 3-годовичным курсом, на 190 человек, и вечерние классы для рабочих; устраиваются народные чтения с фонарем. Лазарет с приемным покоем».

Строившиеся при Власьеве рабочие дома получили название Власьевки. Вообще же генерал Власьев был весьма образованным человеком, членом Русского генеалогического общества, автором солидных трудов по генеалогии...

Постепенно вокруг завода возникла большая слобода. Стояли 24 деревянных дома вдоль Троицкого проспекта, нынешней улицы Грибакиных, были и многочисленные другие постройки (в их числе «домик Шелгунова»). Заслуживает отдельного внимания четырехэтажный дом № 257, построенный в 1910-е годы для технической школы Обуховского завода — нечастый образец стиля модерн в этих краях. Это произведение Федора Лумберга, занимавшего должности архитектора Обуховского завода и Карточной фабрики.

ОБУХОВСКАЯ ОБОРОНА

1 мая 1901 года часть рабочих Обуховского завода не вышла на работу. Через четыре дня последовала реакция начальства: решением генерала Власьева 26 рабочих были уволены. У жесткого решения были свои резоны. Не всем известно, что русские рабочие и без Первоя гуляли больше своих собратьев из других стран. По примерным подсчетам, перед революцией наш рабочий трудился около 250 дней в году, тогда как английский — больше 310 дней.

Да и это не все. Читатель знает уже об усилиях Власьева по улучшению положения обуховских рабочих. К тому же Обуховский завод платил своим труженикам достаточно приличные зарплаты. Согласно расчетам специалистов, практически любой рабочий завода мог содержать на одну свою зарплату семью из трех человек. Конечно, речь не шла о разносолах или мясных блюдах каждый день, но все-таки...

Однако решение начальства вызвало сильнейшее брожение в цехах, и в итоге было решено объявить 7 мая забастовку.

Так оно и случилось. 7 мая 1901 года с утра забастовали все 3600 рабочих Обуховского завода. Требовали они возвращения уволенных товарищей, восьмичасового рабочего дня, повышения заработной платы, свободного празднования 1 Мая. Обуховцы вышли на Шлиссельбургский тракт и колонной двинулись

к близлежащим предприятиям Невской заставы. По дороге к ним присоединились рабочие Карточной фабрики, жители окрестных селений.

Дойти до Александровского, а тем более Невского завода обуховцам не удалось: всполошенная полиция перекрыла дорогу. Отряды конной и пешей полиции были подкреплены пехотой. Однако рабочие других заводов пытались пробиться к обуховцам.

Накал страстей был так велик, что полиция открыла стрельбу. Рабочие пустили в дело куски железа и камни. Вооруженное столкновение продолжалось до позднего вечера, когда властям удалось-таки взять верх. Итог был трагическим: семь погибших рабочих, десятки раненых, сотни арестованных.

Это событие, о котором долго говорили по всей России, получило название «Обуховская оборона». Сегодня о случившемся в 1901 году напоминает не только название проспекта. В подземном зале стоящей в стороне от завода станции метро «Обухово» есть целая скульптурная композиция, посвященная Обуховской обороне. Любопытно при этом, что гораздо ближе к заводу — почти на его территории — расположена другая станция метро, «Пролетарская»...

Рабочие продолжили забастовку и после 7 мая 1901 года. Лишь через неделю они встали на свои рабочие места. Администрация в лице генерала Власьева пошла ради этого на существенные уступки.

С тех пор Обуховский завод не переставал быть одним из центров пролетарской активности. В революционную пору здесь постоянно шли митинги — в том числе и после февраля 1917 года. Старый большевик Василий Васильев в своих мемуарах запечатлел один из майских митингов на Обуховском, где выступал Ленин:

«Несколько минут Ленину не давали говорить. Из разных углов мастерской — знакомый почерк —

раздавалось шипение, уханье, свист. Делалось все, лишь бы сорвать выступление Ленина. Мы тесным кольцом окружили трибуну, готовые к любым эксцессам.

Владимир Ильич внешне был совершенно спокойным. Когда вдруг загрохотали металлические листы — очередная вылазка провокаторов, Ильич ненадолго замолчал, выжидая. Постепенно народ успокоился. Начали прислушиваться. Много времени Владимир Ильич Ленин уделил вопросам войны, доказывая, что империалистический характер ее не изменился в результате буржуазно-демократической революции...

Администрация завода, лидеры соглашательских партий с беспокойством и страхом следили за происходящим... Они решили во что бы то ни стало сорвать выступление Ленина. Неожиданно открылись большие ворота цеха. Откуда ни возьмись по узкоколейке въехал в цех паровозик „рачка“, непрерывно пыхтя, гудя, резкими свистками требуя, чтобы рабочие расступились.

„Рачка“ полз прямо на трибуну. Наглая выходка соглашателей и администрации возмутила рабочих. В будку паровоза полетели гайки, болты, куски железа. Машину выкатили из цеха. Потом большевик-обуховец Викторов рассказывал мне, что в тот вечер машинисту паровоза здорово попало от рабочих.

Ленина не смутила эта провокация. Наоборот, дружный отпор рабочих подбодрил его. Он спокойно продолжал речь:

— Мы, большевики, — твердокаменные. Не такое видали. Напрасны, господа провокаторы, ваши потуги.

Люди все плотнее окружали трибуну, все чаще раздавались голоса: „Верно! Так их!“ И все громче, победоноснее звучал голос Ильича».

Другой митинг на Обуховском — уже без Ленина — запечатлел американский журналист Джон Рид,

чья книга «Десять дней, которые потрясли мир» была известна каждому советскому человеку. Он вспоминал, как перед самым Октябрем отправился в воскресенье «в битком набитом паровике, тащившемся по морям грязи мимо угрюмых фабрик и огромных церквей, на казенный Обуховский военный завод».

И вот завод: «Митинг состоялся в громадном недостроенном корпусе с голыми кирпичными стенами. Вокруг трибуны, задрапированной красным, сгрудилась десятитысячная толпа. Все в черном. Люди теснились на штабелях дров и кучах кирпича, взбирались высоко вверх на мрачно чернеющие брусья. То была напряженно внимательная и громкоголосая аудитория. Сквозь тяжелые, темные тучи время от времени пробивалось солнце, заливая красноватым светом пустые оконные переплеты и море обращенных к нам простых человеческих лиц».

В 1918 году группа обуховцев, вдохновленная идеями революции, отправилась на Алтай, где организовала «1-е Российское общество землеробов-коммунаров». Об этом — поэма Ольги Берггольц «Первороссийск». Инициатором создания коммуны и ее председателем был Василий Грибакин, младший брат погибшего еще до революции большевика Петра Грибакина.

Коммуна была в 1919 году разгромлена колчаковцами. Василий Грибакин был расстрелян вместе с другими коммунарами. Вот роковое пересечение судеб двух обуховцев, Грибакина и Колчака!

В честь братьев Грибакиных называется ныне бывшая Троицкая улица.

ДРУЖНЕЙ, «БОЛЬШЕВИК»!

Перед революцией Обуховский завод был крупнейшим поставщиком вооружения для русской армии и флота. Здесь делали лафеты, самодвижущиеся мины, но главное — орудия разных калибров, которыми завод снабдил едва ли не весь военно-морской флот страны. Даже знаменитая пушка «Авроры», давшая сигнал к штурму Зимнего дворца, была сделана на Обуховском.

В 1905 году по инициативе генерала Власьева на заводе открылась оптическая мастерская, целью которой было составить конкуренцию иностранным производителям оптических приборов — биноклей, прицелов, дальномеров. Задача была успешно выполнена. Известный ученый Михаил Шателен вспоминал позже: «В 1910 г. я шел на пароходе из Бремена в Нью-Йорк. По пути кто-то предложил устроить конкурс биноклей, имевшихся у пассажиров. У меня был бинокль (8-кратный), полученный от директора Обуховского завода в подарок за консультации по установке электропечи. Мой бинокль оказался лучшим, и никто не хотел верить, что он не цейсовский». Позже на основе мастерской было создано самостоятельное предприятие, от которого ведет историю нынешнее ЛОМО.

Выпускали на Обуховском и гражданскую продукцию, в том числе кирпич и разного рода изделия из металла. В 1908 году здесь была произведена отливка

части бронзового памятника Александру III по модели Паоло Трубецкого — массивной фигуры коня.

К пятилетию Октября завод был переименован в «Большевик». Здесь выпускались трактора, авиамоторы, вооружение. В 1924 годы были изготовлены коленчатые валы для Волховской ГЭС.

Вся страна следила за тем, как на «Большевике» создавались первые советские авиамоторы. Испытания, проведенные в 1925 году, оказались успешными. На это событие откликнулся даже Владимир Маяковский — стихами, в которых были и такие строки:

Пролетарии,
 помните,
 это лишь вы:
 землю
 взмыли,
 чтоб с птицей сравняться ей.
 Так дружней
 за мотор
 возьмись,
 «Большевик», —
 это
 сердце
 всей авиации.

Потом авиамоторное подразделение «Большевика» переориентировали на новую задачу — разработку и выпуск танков. В 1928 году здесь освоили серийное производство легких танков МС-1 (Т-1В) — первых серийно выпускавшихся советских танков. Годом позже рота таких машин приняла участие в боевых действиях на КВЖД. Участник боев, будущий маршал Василий Чуйков вспоминал о боевом крещении танков:

«С исходных позиций они двинулись после артподготовки... Их атака была внезапной для китайских солдат, удивила она в не меньшей степени и красноармейцев.

Я находился на наблюдательном пункте рядом с В. К. Блюхером. Мы видели в бинокли, как китайские солдаты и офицеры, завидев наши танки, высунулись почти в полроста из окопов. Мы ожидали, что они в панике побегут, но удивление оказалось столь сильным, что оно как бы парализовало их волю и убило даже страх.

Странно вели себя и красноармейцы. Они тоже не успевали наступать за танками, а некоторые как зачарованные глядели надвигающиеся стальные черепахи, изрыгающие огонь. Вспомним, что шел 1929 год. Крестьянские парни, служившие в армии, знали о танках и даже о тракторах только понаслышке.

Танки беспрепятственно дошли до китайских позиций и открыли огонь вдоль окопов. Пулеметный огонь отрезвил китайцев. Они в панике побежали. Десять танков без каких-либо потерь с нашей стороны прорвали оборону противника».

К Великой Отечественной большинство МС-1 было снято с вооружения, но в истории русского оружия эти танки заняли свое место.

А в 1932 году на «Большевике» создали опытный образец первого в нашей стране танка-амфибии Т-33. Весной он был продемонстрирован представителям военного командования, в числе которых присутствовал заместитель наркома Михаил Тухачевский. Танк ездил по суше, а также передвигался по Неве, причем «показал способность надежно плавать даже в условиях быстрого течения. Скорость 2—3 км/ч при движении против течения. После подбора соответствующего винта скорость предполагается увеличить до 7—8 км/ч». В серию этот танк поставлен не был, однако для разработки амфибий он имел большое значение.

В том же 1932-м машиностроительный отдел «Большевика» выделили в отдельное предприятие. Здесь

Д. Ф. Устинов. 1940-е гг. XX в.

делали танки, а после войны приступили к выпуску дизельных двигателей — вначале для боевых катеров ВМФ, затем и для других типов судов. Теперь это ОАО «Звезда» (официальный адрес — улица Бабушкина, 123)...

Летом 1937 года в КБ завода на работу по созданию морских артиллерийских систем пришел 29-летний инженер Дмитрий Федоро-

вич Устинов, будущий нарком вооружения и министр обороны страны. К общему удивлению, уже в марте 1938 года он стал директором завода «Большевик». Руководящие кадры тогда сменялись достаточно часто, причем зачастую судьбы уволенных оказывались самыми драматическими...

Устинову пришлось немало потрудиться, чтобы поднять работу завода на должный уровень. На тот момент «Большевик» не входил в число передовых предприятий, нередко срывал выполнение планов.

«Исподволь, не сразу происходили изменения на заводе. Изо дня в день улучшались показатели участков, цехов, отделов. Партийный комитет, заводская многотиражка заботились о том, чтобы о конкретных результатах, достигнутых в работе, знали все, чтобы в коллективе формировалась и крепла уверенность в своих силах, чтобы люди почувствовали и полюбили вкус трудовой победы, радость хорошо испол-

ненного дела, гордость за свою бригаду, участок, цех, завод», — писал позже сам маршал в своих мемуарах.

В эти годы строилась и заводская ТЭЦ, которая доныне дает тепло жителям Троицкого поля.

«Много сил и времени отнимало у нас строительство теплоэлектроцентрали — ТЭЦ. Нужна она была, как говорится, позарез. С ее вводом в строй снимались с повестки дня проблемы, связанные с энергетикой завода, созданием резерва производственных мощностей и обеспечением постоянной мобилизационной готовности. Кроме „Большевика“ новая ТЭЦ должна была обеспечивать нужды еще трех предприятий, а также жилого массива. Словом, стройка была ответственная...

С приближением назначенного правительством срока ввода ТЭЦ в действие становилась все яснее угроза его срыва. Выполнение ряда работ запаздывало на полтора-два месяца, причем по причинам, от нас не зависящим. Однажды после очередного посещения стройки я позвонил А. А. Кузнецову, секретарю горкома партии.

— Алексей Александрович, на ТЭЦ работы опять застопорились, — сказал я и перечислил материалы, нехватка которых вынуждает строителей и монтажников простаивать.

— По ряду позиций город окажет помощь стройке, — ответил Кузнецов. — Но и мы не боги, и у нас лимиты и фонды. Надо, видно, серьезно ставить вопрос перед Москвой...

...

Было решено, учитывая особую важность ТЭЦ для промышленности Ленинграда и всей жизнедеятельности города, просить Совнарком увеличить на 600—700 человек число рабочих на стройке, улучшить поставку необходимых материалов. Просьба была удовлетворена.

ТЭЦ вступила в строй в предусмотренное правительственным заданием время».

Работая на «Большеви́ке», Устинов участвовал в проектировании новых образцов вооружения, выходил на испытания в море. За работу на заводе он получил свой первый орден Ленина. А 8 июня 1941 года директор был вызван в Москву, к секретарю ЦК партии Георгию Маленкову.

«— Вы, товарищ Устинов, не знаете, зачем вас пригласили? — спросил, поздоровавшись, секретарь ЦК ВКП(б).

— Нет.

— В ЦК есть мнение назначить вас наркомом вооружения.

Откровенно говоря, я ожидал чего угодно, но только не этого. Какое-то мгновение собирался с мыслями:

— Спасибо за доверие. Но сумею ли его оправдать? Одно дело — завод, а тут наркомат — десятки заводов.

— Хорошо. Подумайте. Сейчас идите в гостиницу. О нашем разговоре пока никому не говорите. Потом вызовем, и вы сообщите свое решение.

Я вышел из кабинета. Было над чем подумать.

...

Утром по пути на завтрак в гостиничный буфет купил „Правду“. Просматривать газеты перед началом рабочего дня давно уже стало у меня привычкой. На первой странице бросилось в глаза: Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении...

Обычно такие сообщения просматриваешь бегло: кого-то Родина отметила высокой наградой, кому-то доверен высокий пост руководителя.

А тут словно толкнуло что-то в грудь, когда увидел после слов „о назначении народным комиссаром вооружения СССР“ свою фамилию и инициалы. А как же слова Маленкова: идите, подумайте, потом вызовем?»

Не без юмора рассказывает Устинов о своем появлении в наркомате в то первое для него «наркомовское» утро:

«Первым в коридоре наркомата мне встретился заместитель начальника главка Б. А. Хазанов. Не успел я поздороваться и обратиться к нему с вопросом, как он обрушился на меня:

— Ты чего здесь? Разве ты не знаешь, что директорам строго-настрого запрещено без разрешения уезжать с предприятия? А ты уехал. Кто разрешил? Это преступление! За это строжайше наказывать надо!

Я еще не успел ничего ответить, как на шум в коридоре из кабинета вышел первый заместитель наркома вооружения В. М. Рябиков. Увидев меня, тепло поздоровался, позвал нас к себе в кабинет.

Обуховский завод. Фото 2006 г.

Только мы вошли, как зазвонил телефон. В. М. Рябиков поднял трубку;

— Слушаю. Нет, не читал. А что?

Василий Михайлович слушает и смотрит удивленно на меня. Положил трубку. Схватил со стола газету, глянул на первую страницу и тут же протянул мне руку:

— Поздравляю, от души, Дмитрий Федорович, с назначением. Вновь будем работать вместе.

Ничего не понимающий Хазанов тоже взял газету. Прочтя, смутился и попытался незаметно выйти из кабинета. Но я его удержал:

— Правильно вы поступили, Борис Абрамович. Требовать надо. Только вот не так громко, да и слова не мешало бы покультурнее. Вы хоть и заместитель начальника главка, но ведь директора заводов — тоже уважаемые люди».

В дальнейшей истории завода «Большевик» хватает примечательных событий. В 1959-м, например, здесь началось массовое производство электроутюгов, которые пошли буквально нарасхват. С 1965 года завод начал участвовать в производстве оборудования для ядерных реакторов. В 1982-м изготовил наземное оборудование для космической системы «Энергия-Буран».

А в 1992-м завод вернул себе историческое имя: теперь он снова Обуховский.

НА РАБФАКОВСКИХ

Новое время принесло с собой и новое рабочее строительство. В 1925—1926 годах на Троицком поле был возведен один из первых жилых кварталов для рабочих — шесть небольших домов (их адреса: 1-й Рабфаковский переулок, 5, 6, 7, 9, 11; Рабфаковская улица, 1, 3—4; улица Бабушкина, 133). Проект составили архитекторы Григорий Симонов и Тамара Каценеленбоген. «В центре большой двор с детской площадкой, — писал путеводитель 1931 года, — в каждом здании квартиры из 2—3 комнат, с кухней и всеми удобствами; всего в зданиях 90 квартир, занятых рабочими заводов „Большевик“, „Экономайзер“ и „Вена“...»

Улица Бабушкина, 133. Фото 2006 г.

Улица Бабушкина, 135.
Фото 2006 г.

Как, должно быть, завидовали этим 90 счастливицам их коллеги!

Позднее рядом с кварталом по типовому проекту крупного зодчего, мастера конструктивизма Ноя Троцкого возвели здание школы (1-й Рабфаковский переулок, 3), которое в близкие к нам времена превратилось в руины, а затем было снесено. А большая часть

Троицкого поля была застроена в послевоенные годы.

Буквально сразу после ее окончания и на примыкавшем к Троицкому Белевском поле был построен целый квартал малоэтажных жилых домов для рабочих завода «Большевик» (современные адреса — улица Седова, 89—91). Его проектировали архитекторы Александр Жук и Игорь Фомин.

Основная часть Троицкого и Белевского полей была застроена в 1950—1960-е годы. Тогда не только появлялись новые дома, но и гибли старые достопримечательности. В частности, было стерто с лица земли старинное Александровское кладбище, располагавшееся с начала XIX века примерно там, где 2-й Рабфаковский переулок выходит к Запорожской улице. Там были погребены многие обыватели села Александровского, Леснозаводской деревни, Мурзинки.

У БРАТЦА ЧУРИКОВА

Общество религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви было весьма известной в столице организацией. Штаб-квартира его находилась в центре города, на нынешней улице Марата, а отделения и небольшие храмы открывались в рабочих кварталах Петербурга.

В 1903 году один из самых богатых жителей села Александровского купец Иван Иванович Труснов пожертвовал Обществу двухэтажный дом на Ново-Александровской улице, 22. В ноябре здесь открылся зал на 1000 человек, где начали устраивать душеспасительные беседы для рабочих Обуховского завода. Со временем скромный зал превратился в настоящую церковь с иконами и церковной утварью. В 1905 году столичный митрополит Антоний разрешил даже совершать здесь литургию. Тогда же началась переделка дома в храм святого Серафима Саровского с небольшим куполом-луковкой. Проект переделки составил либо архитектор Василий Сарандинаки, либо И. Соколов — в ученых книгах на этот счет содержатся разные мнения.

После перестройки в каменном первом этаже открыли детскую столовую и читальню, а деревянный второй этаж был отдан под храм. Его освятил весной 1906 года архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (будущий патриарх Московский и Всея Руси

уже поднялся по церковной лестнице выше, чем был в 1902-м).

Двумя годами позже рядом с храмом появились кирпичный дом детского и взрослого приютов, а также колокольня.

В эпоху борьбы с религией храм был снесен, сохранился лишь дом бывшего приюта, да и тот — далеко не в идеальной сохранности...

И еще одна страница религиозной истории.

Читатель уже знает: сегодняшняя улица Грибакиных звалась перед революцией Троицкой улицей (а иногда Троицким проспектом, или даже Троицким переулком). Эта захолустная магистраль привлекала к себе огромное внимание. Причина была проста: в доме № 60 по Троицкой — в самом ее конце, близ станции Обухово — с 1911 года обитал знаменитый братец Иоанн Чуриков. Здесь находился и центральный совет созданного Чуриковым общества «Трезвая жизнь», здесь же издавался журнал «Трезвый рассвет».

Как уже мог понять читатель из названий Общества и журнала, этот священник прославился своей борьбой с пьянством. Он запрещал приобщаться Святых Таин, дабы вкус вина не вернул трезвенников к пьянству. Поначалу Чуриков проповедовал в Самаре, потом перебрался в Петербург, где поселился на Петербургской стороне, но особенно широко развернул свои действия в рабочих кварталах.

«Скажу, какие должны быть настоящие трезвенники, и что значит трезвость. Ведь если ты выпил вина, то оно повлечет тебя в увеселительные места, потом к знакомству с порочными женщинами, затем к воровству, карточной игре, бильярду, кутежам. Поэтому, если ты — трезвенник, то ты отказался от всего этого дурного (тогда только и будут верить тебе!); отказавшись от вина, ты вместе с этим отказался и от всех пороков...

Дом Иоанна Чурикова. Фото 2006 г.

Вот, я делаю ныне вам призыв на борьбу со злом невоздержания и пьянства. От вина отказываются для того, чтобы не сделать ничего худого; если же ты не будешь пить вина, а будешь делать все это худое, то ты станешь опять пьяницей, и притом еще хуже прежнего...»

Чуриков снискал огромную популярность, причем среди поклонников его были самые разные люди — состоятельные и бедные, мужчины и женщины, пожилые и молодые. В 1911 году он возвел близ Обухово внушительный двухэтажный каменный дом и обратился к властям с просьбой разрешить ему проводить здесь духовные беседы. Вначале дозволение было получено: его дал министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин. Но потом грянули два скандала, после которых власти заново рассмотрели вопрос и сочли выступления Чурикова вредными для церкви.

17 июня 1912 года произошли события, которые в подробностях осветила городская пресса:

«В 4 часа дня, в доме Чурикова, по Троицкой улице, в селе Александровском, должна была состояться духовная беседа Чурикова с его последователями.

Несмотря на дождливую погоду, возле дома Чурикова в 3 часа дня собралась огромная толпа народа, среди которых было много лиц, не принадлежащих к числу трезвенников. Большой наряд конной и пешей полиции окружил дом Чурикова и никого не пропускал внутрь. Оказалось, что Спб. Градоначальник, генерал Вендорф не разрешил собрание. Узнав о запрещении, последователи Чурикова стали расходиться. Некоторые же из них, приехавшие из Петербурга, возле ст. Обухово и Преображенского кладбища подверглись нападению и избиению со стороны противников Чурикова. Несколько пострадавших трезвенников пришлось отправить в приемный покой, где им была оказана медицинская помощь». Так писала газета «Речь».

Несмотря на все проблемы, движение чуриковцев не снижало обороты. Они устроили свою общину в Вырице, куда отправлялись на лето. Община эта продолжила работу и после революции, только уже как коммуна.

Дом Чурикова в Обухово был в советское время реквизирован под нужды общества. Артист оперетты Николай Радошанский в своих мемуарах вспоминает неожиданную страничку истории здания:

«В 1918 году по призыву Советского правительства на фронт уходили тысячи людей. Трудно было оставаться в стороне от развертывавшихся событий. Я бросил работу в театре „Летний Буфф“ и подал заявление с просьбой принять меня добровольцем в Красную Армию. Меня зачислили рядовым в воздушно-зенитную артиллерию, в одиннадцатую батарею и тотчас же отправили на фронт, на передовые позиции...

В приподнятом настроении мы прибыли на станцию Обухово, километрах в трех от Петрограда, к месту назначения одиннадцатой зенитной батареи.

Личный состав батареи разместился в особняке, еще так недавно принадлежавшем „братцу“ Чурикову. Все помещения особняка были уже заняты красноармейцами, которые прибыли сюда раньше нас. На мою долю досталась ванная комната, выложенная белыми мраморными плитами, с такой же белой мраморной обширной ванной. После строевых занятий я засыпал в ней мертвым сном. Молодость мирилась со всем. Довольно скоро я обжился в ванне, приспособился к ней и не желал ничего лучшего».

Радошанскому недолго довелось нежиться в ванне Чурикова: уже вскоре его отозвали в штаб, и о дальнейшей судьбе дома он ничего не пишет...

Над чуриковцами, особенно над женской частью общины, смеялась в январе 1924 года вечерняя «Красная газета»:

«Утром у касс Детскосельского вокзала оживление.

— На Вырицу!

Разглядываешь публику и никак не угадаешь: кто это?

— Молочницы? богаделки? торговцы? монашенки?...

Какая-то особая порода людей.

Молчат. Изредка перебрасываются словами: „братец“, „отец“, „дорогая сестрица“.

Точно здесь разбили сейчас банку с елеем...

— Чуриковцы, — насмешливо объясняет вокзальный сторож. — На поклон едут к „самому!“

С тех пор, как „братец Чуриков“ перебрался из Нового переулка в Вырицу, где у него своя дача, его „поклонницы“ устремились за ним.

И это именно „поклонницы“.

Как когда-то были „фигнеристки“, „собинистки“, — так и теперь — „чуриковцы“.

То же обожание „предмета“. Разве не все равно — кто он: тенор, модный поэт, „братец“?».

Обидно, наверное, было чуриковцам: они-то всегда приветствовали новую власть, а на похороны Ленина отправили венок с красноречивой надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Да трезвятся все. Все на борьбу с пороками!». Да и в Вырице у чуриковцев была не дача — настоящая трудовая коммуна; здесь возделывались поля и огороды, строились дома...

В 1929-м чуриковцы попадут уже не под огонь критики, а под следствие. Братца Иоанна арестуют органы ГПУ, на следующий день коммуна будет закрыта. В тюрьме Иоанн Алексеевич и окончит свои дни.

А вот движение чуриковцев выживет. В Вырице чуриковцы есть и в наши дни, там действует даже «Дом братца Иоанна» с молитвенным залом на 300 человек. А дом Чурикова в Обухове сохранился: здесь были казармы, использовался он и для других нужд. Сегодня здание реконструируется. Найти его несложно: пройти метров триста по улице Грибакиных от станции метро «Обухово», свернуть вправо по первому заасфальтированному проезду (имени он не имеет) — и вот оно, перед вами!

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Мы уже почти вышли из села Александровского, но нам еще рано делать шаг навстречу очередному селению на нашем пути, деревне Мурзинке. Нас ждет еще один объект, без которого портрет Александровского будет явно неполон.

В середине XIX столетия Петербург столкнулся с проблемой острейшей нехватки кладбищ. После долгих дебатов и размышлений решено было устроить за счет города два новых некрополя — Преображенское кладбище у Николаевской железной дороги и Успенское у Финляндской.

Земли для Преображенского кладбища были приобретены близ недавно открытой полустанции «Александровская». Влево от железной дороги, на территории села Александровского, решили устроить иноверческие кладбища. Вправо от железной дороги (на территории нынешнего Фрунзенского района) было основано православное кладбище.

Захоронения на кладбищах открылись 1 декабря 1871 года. По большей части здесь хоронили бедноту — солдат, крестьян, рабочих. От Шлиссельбургского тракта к кладбищам были проложены дороги. И сейчас к ним идут Тихая улица (прежде Николаевская), берущая начало у Ново-Александровской улицы, а также проспект Александровской Фермы, начинающийся у пересечения улиц Бабушкина и Шелгунова.

Когда число поездов на кладбища стало значительным, полустанок перенесли поближе к некрополям, построили на нем небольшое вокзальное здание и две платформы. Обновленная в 1877 году станция стала именоваться по близлежащей местности «Обухово».

На Преображенском кладбище случались нерядовые захоронения. Весной 1881 года, например, здесь тайно захоронили останки казненных первомартовцев — народовольцев, казненных за участие в убийстве Александра II. Тайно похоронили здесь и многих жертв Кровавого воскресенья. Именно поэтому после революции кладбище было переименовано в «Кладбище Жертв 9 Января». Здесь установили памятник погибшим работы скульптора Матвея Манизера и архитектора Владимира Витмана.

Тайные захоронения осуществлялись на этом кладбище и в 1930-е годы. Только хоронили здесь уже жертв советской власти, расстрелянных в ходе репрессий...

Это все о той части кладбища, что находится ныне во Фрунзенском районе, а нас больше интересует село

Александровское. Здешняя часть кладбища была разбита на пять участков — лютеранский, римско-католический, иудейский, магометанский и караимский, однако реально захоронения осуществлялись только на первых трех.

Лютеранское и католическое кладбища открылись в 1873 году, еврейское — двумя годами позже. Сохранилось первое его захоронение. На стеле из песчаника на двух языках

*Александро-Невская церковь
на Преображенском кладбище*

Казанская церковь на Преображенском кладбище

написано: «Берка Бурак, Мошка Фрисна. Лаборатористы Охтенского порохового завода 23 лет от роду. Погибли при взрыве лаборатории 28 февраля, 15 адара, и погребены на кладбище 2-го марта 1875 года».

Молитвенный дом омовения и отпевания долгое время был деревянным, но в 1908—1909 годах его заменили на впечатляющий каменный, возведенный по проекту архитектора Якова Гевирца.

До революции на Еврейском кладбище были похоронены многие видные деятели петербургской культуры и промышленности: скульптор Марк Матвеевич Антокольский (1902), барон Давид Горадиевич Гинцбург (1910), архитектор Борис Ионович Гиршович (1911), два «железнодорожных короля» своего времени Абрам Моисеевич Варшавский (1888) и Самуил Соломонович Поляков (1888).

Совпадение дат смерти Варшавского и Полякова не случайно. Эти люди состояли в родстве — дочь

*Молитвенный дом омовения и отпевания
на Преображенском кладбище. Фото 2006 г.*

Полякова была замужем за Варшавским. Ряд неудач привел Варшавского к банкротству, и он покончил жизнь самоубийством. Поляков так был потрясен произошедшим, что во время похорон Варшавского, 7 апреля 1888 года, скончался сам — прямо здесь, на Еврейском кладбище.

Вообще биография Самуила Полякова заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее. Он был одним из сыновей мелкого торговца и наряду со своими братьями Яковом и Лазарем сумел превратить карьеру в цепь непрерывных шагов вверх. Яков и Лазарь пошли в основном по финансовой линии, став в конце концов крупнейшими банкирами России. Самуил выбрал иную стезю.

Строительный рабочий, десятник, подрядчик, управляющий винокуренным заводом в имении министра почт и телеграфа графа И. М. Толстого — уже этот взлет мог бы вызвать зависть менее удачливых людей. Но для Полякова это был только старт.

Он понимал хорошо: будущее — за железными дорогами. И эти дороги могут приносить хороший доход. Особенно если стать, по современным нашим понятиям, генеральным подрядчиком их строительства и иметь при этом хороших покровителей в верхах. Представил государству смету, получил деньги в полном размере, распределил нужным образом — и все довольны!

Граф Толстой помог Полякову в осуществлении его мечты. Когда обсуждался вопрос о концессии на строительство дороги Курск—Харьков—Азов, именно граф убедил Александра II отдать заказ Самуилу Соломоновичу. Покровитель не остался без вознаграждения.

Из 7800 верст, построенных в России в 1867—1869 годах, на долю Полякова пришлась четверть. Всего же он построил в стране 2500 верст железных дорог. Пиком взлета Полякова стала история строительства Бендеро-Галацкой и Фратешты-Зимницкой железных дорог. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов эти пути приобрели стратегическое значение. Договор с Поляковым был подписан 27 июля 1877 года, а движение по путям длиной 285,4 версты открылось 7 ноября. На все про все Полякову потребовалось 3 месяца и 12 дней!

Это была настоящая сенсация международного масштаба. Не случайно международное жюри Всемирной выставки в Париже признало новые дороги «одним из наиболее выдающихся современных сооружений по скорости постройки». Самуилу Соломоновичу из казны было выплачено дополнительное вознаграждение — 4,5 миллиона рублей серебром.

Но постепенно стали накапливаться проблемы. Дороги строились быстро, но от этого качество их далеко не всегда было на высоте. О том, что поляковские дороги сооружены «на живую нитку», принялись говорить не только в комиссиях, но и на страницах газет. Шумиху,

конечно, замяли (не без посредства денежных сумм), но с некоторых постов Полякову пришлось уйти.

Огромные заработанные деньги Поляков тратил не только на себя. Три миллиона рублей он отдал на благотворительность. На его деньги создавались училища и гимназии, приюты и госпитали, построили первое общежитие для студентов Петербургского университета.

Говорят, что при этом Поляковым руководило желание получить баронский титул. Желаемого он не получил, хотя стал тайным советником и обрел личное дворянство. Как бы то ни было, желание помочь ближнему отличает далеко не всех состоятельных людей, и Поляков в этом отношении заслуживает теплых слов...

После революции Еврейское кладбище продолжило свое существование, а вот лютеранское и католическое были заброшены. В 1930-е годы было решено построить на их месте цеха машиностроительного завода имени товарища Ворошилова. Однако план этот не осуществили. К 1950-м годам, как пишут исследователи, оба кладбища превратились в заросшие травой и кустарником пустыри. И тогда было решено присоединить их к Еврейскому кладбищу.

Теперь на месте лютеранского и католического некрополей расположена «новая» часть Еврейского кладбища.

НА ДАЧЕ, НАЗЫВАЕМОЙ «МУРЗИНКА»

И вот Мурзинка. В начале XX столетия границы этой деревни были определены Обуховским заводом с одной стороны и селом Рыбацким с другой.

Поселение на этом месте существовало еще в XV столетии и отмечено в русском документе 1500 года как «Д. на Туршую Ручью на Неве». Шведы именовали это поселение деревней Тюрсева. Соответственно, так же именовалась тогда и река Мурзинка.

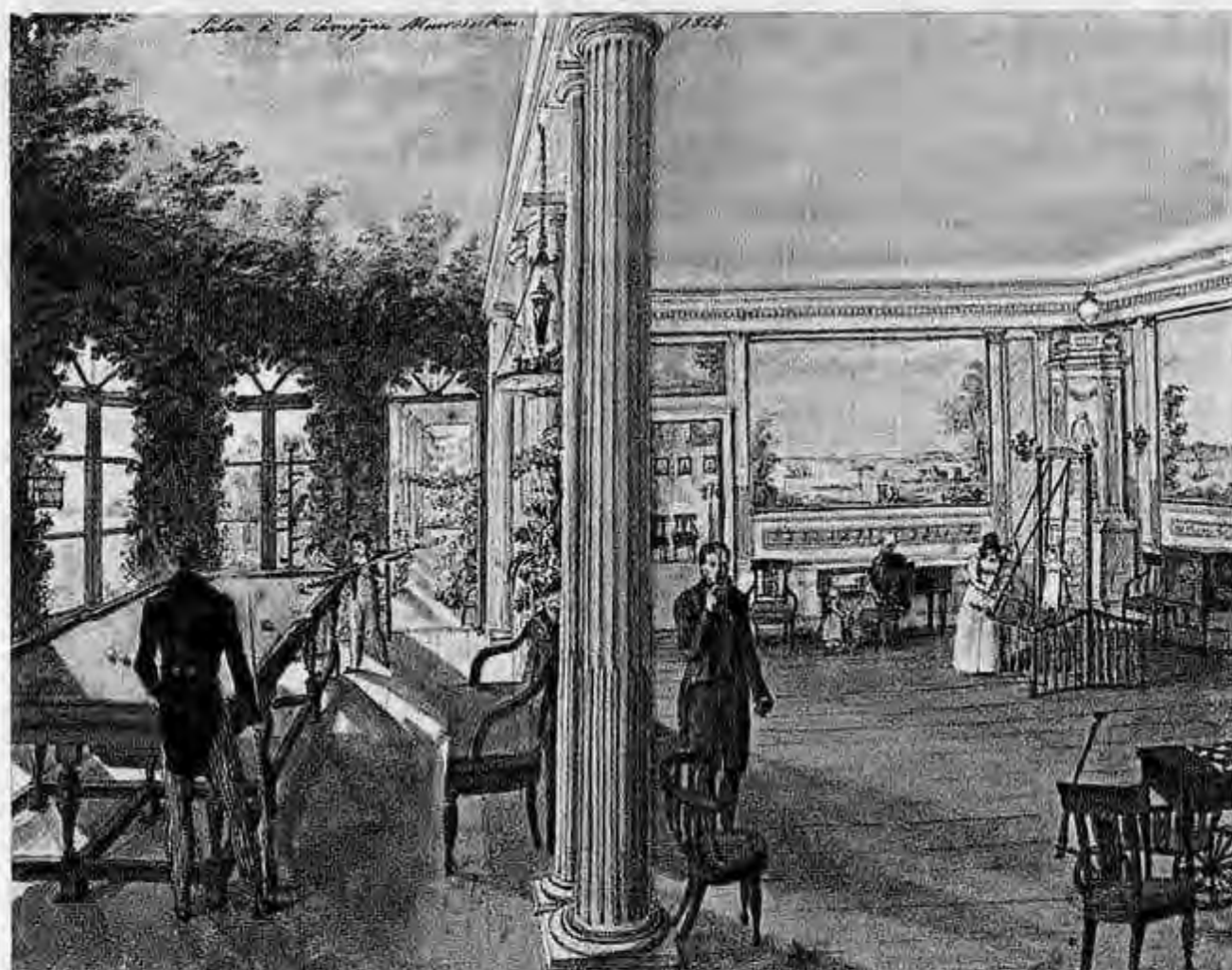
В петровское время, когда широко раздавались земли «под дачи», местность эта досталась генерал-поручику Александру Румянцеву, отцу прославленного фельдмаршала. Александр Иванович был близок к императору

*Вид на Мурзинку. Художник Никола Серркарприола.
Начало XIX века*

Вид с в. в. Конюшен Мурзинки

*Мурзинка. Художник Никола Серркарприола.
Начало XIX века*

Петру I, получал от царя не только подарки, но и ответственные поручения, в том числе дипломатические.

Очевидно, он и присвоил своему поместью имя Мурзинка (от слова «мурза»). Среди казанских владений генерал-поручика тоже была Мурзинка, и название полюбившегося имения он перенес на свою новую дачу. Имя Мурзинка получила и река, впадающая в Неву.

После Румянцева дача некоторое время принадлежала графу Миниху, во времена Елизаветы Петровны хозяином мызы стал Разумовский. «У последнего часто в ней гостила императрица, где и охотилась, в мужском наряде, с собаками и с соколами».

В 1770-е годы Мурзинка перешла к генерал-прокурору Вяземскому, хорошо известному нам по истории села Александровского. В это имение князь часто приглашал своих родичей, друзей и приближенных. Неоднократно бывал в Мурзинке Гаврила Романович Державин. В своих записках он рассказывает драматический эпизод своего мурзинского бытия:

«1781 год прошел благополучно, кроме что живучи на даче князя Вяземского, называемой Мурзинкой, вместе с господином Васильевым, Державин наверху, а последний нанизу, в один день согласились с ним и прочие его родственники по Неве купаться, то, хотев князя Урусова поучить плавать, утонул было, ибо сей, испугавшись, схватив его поперек за руки, стащил его в глубину, так что был уже на дне; но, не потеряв духа, толкнул ногой в землю и, выплыв, вытащил князя».

Не совсем понятная современному читателю фраза, но смысл ее можно прояснить: Державин чуть не утонул, но все-таки сумел выплыть и князя Урусова вытащить. Что же касается господина Васильева, то это — граф Алексей Иванович Васильев, доверенное лицо Вяземского и в будущем первый русский министр финансов.

В Мурзинке частенько устраивались пышные званые праздники. Барский дом с роскошным парком в английском стиле служил фоном для театральных представлений.

После Вяземского Мурзинка долго передавалась по наследственной линии. Вначале владелицей имения стала дочь генерал-прокурора Анна, вышедшая в 1788 году замуж за неаполитанского посланника при русском дворе герцога Серракаприола. Сын их, Никола Серракаприола, был художником-любителем и запечатлел облик Мурзинки 1820-х годов. Сестра художника, Елена, вышла в свою очередь замуж за генерала Степана Федоровича Апраксина. Так Мурзинка породнилась с семейством Апраксиных.

В конце концов очередным владельцем Мурзинки стал сын Степана и Елены Апраксиных граф Антон Апраксин. Столице Антон Степанович был известен прежде всего как владелец знаменитого Апраксина двора. Известно, что в 1862 году этот центр торговли пострадал от страшного пожара, после чего делегация купцов предложила графу выкупить у него пепелище за 8 миллионов рублей. Огромная по тем временам сумма графа не привлекла. Он отказался наотрез: «Я прибавлю своих два миллиона и превращу свой рынок в несгораемый!». И выполнил обещанное. А кроме каменных корпусов построил театр (в котором ныне работает БДТ) и церковь на берегу Фонтанки (которую снесли в советское время при постройке Дома прессы)...

Мурзинка стала для графа местом постоянного пребывания. Когда 2 января 1899 года он умер, газеты сообщили: «в деревне Мурзинка скончался отставной генерал-лейтенант граф Антон Степанович Апраксин, известный всему Петербургу как очень крупный домовладелец, которому принадлежало несколько больших домов, торговый двор и здание Малого театра».

Известный благотворитель, Апраксин пожертвовал 12 десятин земли для устройства благотворительного заведения, однако использован его дар был лишь после кончины графа.

Еще в 1806 году в Павловске императрица Мария Федоровна создала Училище глухонемых. Оно не раз переезжало, после смерти своей создательницы вошло в состав Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны. Питомцы училища получали уроки Закона Божьего, русского языка, арифметики, географии, истории, труда.

А в 1900 году на мурзинских землях были устроены Ферма-школа и мастерские, для которых архитектор Ипполит Претро возвел новые здания (современный адрес — Прогонная улица, 15—17). Здесь глухонемые мальчики и девочки в возрасте от 6 до 17 лет могли не просто обрести приют, не только получить базовое образование, но и овладеть навыками профессий — сапожника, столяра, переплетчика, швеи. В 1907 году в школе числилось 66 мальчиков и 44 девочки.

Фотографию преподавал в колонии К. К. Булла, запечатлевший ее на целом ряде снимков. К сожалению, в 1918 году колония прекратила существование.

Было в Мурзинке и еще одно подобное заведение — Женское ремесленное убежище для слепых имени графини М. Д. Апраксиной. Открылось оно в 1911 году, принимались в него трудоспособные слепые девушки в возрасте от 16 до 25 лет. «Они пользуются бесплатно полным призрением и обучаются ткацкому мастерству и грамоте, — сообщал в 1912 году справочник по российской благотворительности. — Курс обучения трехлетний, по окончании же его слепых возвращают на родину, чтобы жить своим трудом. Со временем предполагается ввести обучение башмачному искусству».

Вряд ли это обучение успели ввести. Вначале была война, а затем и революция...

От старой Мурзинки сегодня сохранился один сад «Спартак» на берегу Невы, бывший Апраксин сад. С этим садом связана история футбольной команды... «Зенит». Дело в том, что еще в 1914 году на Обуховском заводе появилась своя футбольная команда «Мурзинка». Она выступала даже в чемпионатах города, хотя больших успехов не добивалась. Базовое поле команды находилось именно здесь, рядом с заводом. После революции футбольная традиция продолжилась, только команда была переименована сначала в «Большевик», а затем в «Зенит». Однако к нынешнему «Зениту» эта команда отношения не имеет: тот родился на базе команды Металлического завода и первое время носил имя «Сталинец». И только после кончины мурзинского «Зенита» нынешний «Зенит» получил свое имя.

А при заводе «Большевик» своя команда существовала и позже. Были у нее и юношеские, детские составы. И как раз в детской команде «Большевика» началась футбольная жизнь прославленного и очень популярного в свое время нападающего Льва Бурчалкина. За ленинградский «Зенит» (настоящий «Зенит») он сыграл 400 матчей.

В советские годы в парке и рядом с ним был построен спорткомплекс завода «Большевик» (проспект Обуховской Обороны, 230), который называли лучшим среди спортклубов ленинградских предприятий. В его состав были включены не только футбольные поля и игровые площадки, но и два современных Дворца спорта с искусственным льдом и плавательным бассейном.

ВОСТОЧНЫЙ ГЕНЕРАЛИССИМУС

А вот еще два события из летописей Мурзинки не имеют никакого касательства к ее дореволюционной истории.

Южную водопроводную станцию начали строить в 1931 году. Весной этого года «Ленинградская правда» оповестила горожан:

«„Ленкоммунстрой“ приступил к постройке южной водопроводной станции, которая будет питать водой Нарвский, Володарский, Московский и Выборгский районы. Сооружение новой водопроводной станции в районе деревни Мурзинка решено производить в две очереди. Станция при полной мощности будет давать 320 тыс. куб. метров воды в сутки... Работы первой очереди намечено закончить в 1933 году».

И вправду: первая очередь Южной водопроводной станции мощностью 160 тысяч кубометров воды в сутки была торжественно введена в строй в октябре 1933 года. Строительство ее велось под присмотром Сергея Мироновича Кирова. Потом станция не раз реконструировалась, увеличивала мощность. «Круглые сутки работает Южная водопроводная станция, — рапортовали в 1970 году авторы книги о Невском районе, — ее чистая, как хрусталь, и вкусная вода поступает в квартиры ленинградцев».

А после войны Мурзинка вошла в историю советского монументального искусства, причем дважды.

8 июля 1945 года в Ленинград торжественно вошли воины-победители. Части и подразделения гвардейского Ленинградского корпуса двигались по трем заранее объявленным маршрутам, и первый из них был проложен через Невскую заставу. Проспект Обуховской Обороны, затем Старо-Невский, Лиговка, Греческая площадь, Литейный, Лесной проспект — «и далее к месту назначения».

В начале всех трех маршрутов были устроены временные триумфальные арки. Ту, что за Невской заставой, спроектировали архитекторы Давид Гольдгор и Игорь Фомин. Стояла она, как сообщали газеты, за заводом «Большевик» — то есть в том месте, где фактически начиналась Мурзинка.

А в полдень 6 ноября 1947 года на проспекте деревни Мурзинки был открыт памятник Иосифу Виссарионовичу Сталину. В те дни Ленинград удостоился сразу нескольких памятников вождю, и стояли они на въездах в город. Мурзинка обозначала «восточный въезд в Ленинград».

Бронзовый монумент был выполнен по модели скульптора Николая Томского. «И. В. Сталин изображен стоящим в форме генералиссимуса, с заложенной за борт плаща правой рукой. Четырехгранный бетонный пьедестал выполнен по проекту скульптора Д. С. Гольдгора. Высота фигуры — 3,5 метра, общая высота памятника — около 7,5 метра», — сообщал справочник «Памятники Ленинграда».

Надо сказать, что «мурзинский» Сталин не был оригинальным произведением искусства. Николай Томский был автором нескольких высочайше утвержденных моделей памятника Сталину, и по этим моделям монументы ставились по всей стране и даже за ее пределами — в Албании, Монголии, ГДР.

Простоял монумент в Мурзинке не очень долго. «Десталинизация» Ленинграда началась еще в 1956-м году. Прежде всего взялись за имена улиц, но понемногу перешли и к монументам. Пресса о снятии сталинских монументов не писала ничего, но упомянутый справочник по городской скульптуре сообщает в 1959-м уже лишь о двух ленинградских памятниках Сталину, в том числе у Невы.

А потом пришел 1961-й год и XXII съезд партии, после которого тело Сталина вынесли из Мавзолея — и памятник был обречен...

БОЛЬШОЙ ВАНТОВЫЙ

Вантовый мост, он же официально Большой Обуховский, не заметить невозможно. Строительство его стало событием для современного Петербурга: давно в городе не осуществлялось таких интересных в инженерном отношении проектов. Впрочем, все мосты Невской заставы в этом плане заслуживают внимания — и Вантовый просто не стал исключением из правила.

Два 126-метровых пилона этого моста связаны с пролетами четырнадцатью парами вант. Ванты состоят из витых стальных тросов в пластиковой оболочке. Мост неразводной, но подмостовой габарит — 30 метров — вполне допускает проход по Неве судов класса «река—море».

Открытие моста состоялось 15 декабря 2004 года в присутствии президента России Владимира Путина. По проекту мост должен стать важнейшей составной частью кольцевой автодороги (КАД). Однако случилось так же, как и с Володарским мостом: Вантовый опередил события, появившись тогда, когда большей части КАД еще не существовало.

Любопытная деталь: при выборе названия для моста городская Топонимическая комиссия впервые обратилась за советом к горожанам и жителям Ленинградской области, в том числе через газету «Санкт-Петербургские ведомости». И вот что писала редакция о присланных в газету вариантах имени моста:

«Из сотен предложений лидируют (по числу упоминаний) Ладожский, Юбилейный, Петербургский (Ленинградский), Восточный, Рыбацкий, Новый (Большой) Обуховский, Смоленский, Крылатый.

Появилось много новых идей, не связанных с географией, политикой или историей. Так, Борис Левашов предлагает назвать мост „Русь“. А что, забавный аргумент: „Русь“, по которой птицей-тройкой летят „Мерседесы“ и „Вольво“...

Емельян Сергеевич Левченко считает, что это должен быть „Буревестник“ (над Невы седой равниной... и так

Вантовый мост. Фото 2006 г.

далее), символизируя бурное развитие дорожного строительства. Может, это и не совсем удачные варианты, но ход мысли интересен: почему обязательно „какой-то“ или „имени кого-то“?

М. С. Стручков предлагает дать мосту имя Кулибина. А ведь и вправду, наш гениальный самоучка первым предложил проект однопролетного моста, почти такого, как вантовый... А Владимир Шилинский-Лерри считает, что мост должен носить имя академика Сахарова, поскольку на фоне восходящего солнца напоминает „красивую и жуткую картину ядерного взрыва“.

Интересную мысль высказала Анна Солнцева. Она предлагает назвать мост Спартаковским по имени сада, по которому прошла теперь дорога на мост, или Зенитным — поскольку этот мост круче всех вознесся к зениту. Ах, коварная Анна Николаевна, неужели вы хотите „завести“ всех городских болельщиков и сделать вантовый Мостом Великих Футбольных Побойщ?

Оригинальное название сочинила Маргарита Шустрова — Вант-Петербургский. Кстати, не знаете, „ванты“ и „вантуз“ — одного корня?

Целый букет названий предложила Татьяна Огарова. Среди них отмечены Верхоянский, Лунный, Радужный и особо — Дилижансовый. Совсем подкосил нас 91-летний К. Н. Лебедев: „Если уж совсем ничего не подобрать, то назовите «Безымянный»... „Нет уж, извините! Для того и конкурс, чтоб мост получил название...“»

Все полученные варианты были рассмотрены Топонимической комиссией. В итоге победил вариант простой и надежный: Большой Обуховский мост. Городское правительство утвердило это решение через несколько дней после открытия моста.

РЫБАЦКАЯ ДЕРЕВНЯ

Село Рыбацкое начинается за речкой Мурзинкой. И здесь тоже поселения были еще до Петербурга. Скромных размеров Костина деревня (она же Костиала), известная с 1640-х годов, находилась у Невы примерно в створе улицы Дмитрия Устинова. Побольше была деревня Хурнитсы (она же Хурила, Хурма, Калина), известная с 1500 года и находившаяся у излучины реки Славянки — примерно там, где эта река впервые близко подходит к нынешнему переулку Слепушкина.

Петр I велел переселить в эти края несколько десятков крестьянских семей с Оки, которым предписано было заниматься рыболовством, а попутно и сельским хозяйством. Крепостных здесь не было.

Рыбная слобода долгое время поставляла рыбу для царского двора, но помимо этого получил здесь развитие и другой промысел — кирпичный. В середине XVIII века тут находилась, по свидетельству Андрея Ивановича Богданова, «мыза Столбенскаго, посацкаго человека, обжигалщика Кирпишных Заводов». Мыза — это усадьба, отдельно стоящий загородный дом с хозяйством.

Богданов сообщает: «Сей человек имел промысел обжигать однако кирпичи. Хотя небогатой был, но учтивой; когда Государь Петр Великий изволил повсягодно ездить в Шлютельбург, для воспоминовения оной Крепости Виктории, тогда оной человек всегда Государя Петра Великаго на том месте, где ево Мыза,

встречал с хлебом, что Государь Петр Великий, видя онаго человека учтивство, пожаловал ему то место, где он жил, с Довольным пространством земли и леснаго угодия, в длину на несколько сот сажень».

При Елизавете Петровне в Рыбной слободе находились деревянный дворец, построенный в 1745 году, и зверинец. В 1805 году академик Николай Озерецковский, посетив Рыбацкое, так описал свои впечатления:

«Дворец этот теперь сгнил, а место зверинца по косягу к Неве произрастает летом многоразличные травы, которые развелись там от сена, для просушки из судна выгруженного. По названию слободы сей подумать можно, что обыватели ее суть рыбаки; вместо того большая часть их кормится провозом в Петербург кирпича, плиты, извести, тесу и проч. на судах, называемых „романовками“, но есть здесь также несколько рыбаков, которые промышляют рыбною ловлею. Перед моим приездом изловили они в Неве осетра весом в десять пудов. По рыбацкой слободе слишком много шатаются юродивых людей, ханжей и нищих, которые просят милостыню своими ремеслами: юродивые болтали вздор, ханжи пели всякую всячину замутившись, а нищие кричали под окнами, и т. д.»

В слободе было немало достопримечательностей, и в числе главных — Покровская церковь, существовавшая близ Невы (по современным координатам — близ дома № 12 по Рыбацкому проспекту). Ее начали строить в 1741 году, а завершили в 1744-м, причем обряд освящения проводил протоиерей Федор Дубянский, духовник императрицы Елизаветы Петровны — слобода оставалась царской вотчиной. Храм не раз переделывали, в 1934 году его закрыли, затем использовали как склад, и в конце концов снесли.

Настоятелем храма был какое-то время священник Михаил Славнитский (его сын Юрий Славнитский основал в советские годы Детский хор Ленинградского радио и телевидения). А сменивший Славнитского в 1905 году протоиерей Николай Кулигин оставался настоятелем храма до самого его конца. Сам священник погиб в 1937 году. По приговору Особой тройки его расстреляли 14 октября, в Покров Пресвятой Богородицы — в день престольного праздника его церкви. Уже в 2003 году отец Николай был причислен к лику священномучеников...

Из сооружений при храме до наших дней уцелел построенный в 1878—1881 годах епархиальным архитектором Иваном Булановым трехэтажный дом церковного причта (Рыбацкий проспект, 12). А в совсем недавние времена на месте престола Покровского храма появились памятный крест и скромная колоколенка. В начале 2006 года в Рыбацком на берегу Невы была освящена деревянная часовня Покрова Пресвятой Богородицы...

Памятник в Рыбацкой слободе. М. Рашевский

Из старинных достопримечательностей Рыбацкого — кладбище. Вначале жителей слободы хоронили рядом с Покровской церковью, потом открыли кладбище на новом месте, подальше от реки. В 1880-е годы на кладбище был построен деревянный храм во имя Казанской иконы Божией Матери (по проекту архитектора Фарфорового завода Леонарда Шауфельбергера), а вскоре к нему сделали каменную пристройку. Само кладбище тоже стало именоваться Казанским (современный адрес — Караваевская улица, 16). Каменная часть храма сохранилась на кладбище и сегодня...

А главной своей достопримечательностью Рыбацкое обязано войне со шведами. В июне 1788 года шведский король Густав III направил свой флот к Кронштадту, стремясь захватить Петербург. Время было тяжелое, Россия сражалась с Турцией, битва на два фронта могла иметь роковые последствия. Именно тогда жители Рыбацкого и села Усть-Ижора решили отправить добровольцами на Балтику каждого пятого мужчину. Местные уроженцы составили морское ополчение, которое на галерах, под руководством адмирала Чичагова, блестяще разбило шведский флот.

В память об этом в 1789 году в Рыбацком и в Усть-Ижоре были поставлены два обелиска — каменные, почти 9-метровой высоты. Доска на обелиске в Рыбацком гласила: «Сооружен повелением благочестивейшей самодержавнейшей императрицы Екатерины Второй в память усердия Рыбачьей слободы крестьян, добровольно нарядивших с четырех пятого человека на службу ее величества и отечества во время шведской войны 1789 г. июля 15-го дня». Доску и сегодня можно увидеть на обелиске, но она более позднего происхождения: ее установили в 1954 году взамен утраченного оригинала. Несколько изменен и ее текст, из него были изъяты слова про императрицу и службу ее величества...

«НА РЕКУ НЕВУ СМОТРЕТЬ...»

Федор Никифорович Слепушкин. В начале XIX столетия имя этого жителя Рыбацкого было известно чуть ли не всей России. Биография Слепушкина известна неплохо. Выходец из Ярославской губернии, он рано обучился грамоте, работал вначале сидельцем в лавочке съестных припасов, а затем работником у мельника, «на дочери которого женился, перейдя, по примеру тестя, в раскол».

Потом он решил отправиться в Санкт-Петербург.

«Придя в столицу с тремя полтинами, С. на эти деньги купил лоток и груши и занялся продажей. Похаживая, как „конь ретивый“, он набрал денег для небольшой лавочки у Александро-Невского монастыря, но она не оказалась выгодной, и тогда смелый, вечно добрый и веселый Ф. Н. решается отправиться к немцам в Новосаратовскую слободу: снять там лавку и заняться торгом. Держась правил честной торговли, он приобрел среди немцев большое доверие, а потому дела его здесь настолько поправились, что он вскоре мог вызвать свою семью из деревни». Это сообщение из «Русского биографического словаря».

Новосаратовская колония находилась на правом берегу Невы, против Рыбацкой слободы. Жители Рыбацкой со временем повадились ездить к Слепушкину за товарами, которые были у него и дешевле, и лучше, чем у иных торговцев. Его прозвали Заречным

и стали звать переселиться на левый берег, в Рыбацкую. Что в конце концов и произошло.

Уже поселившись в слободе Рыбацкой, Слепушкин как-то нашел в поле бывшей мызы «Столбенского посадского человека» пробный кирпич времен Петра I. Тогда-то он и решил заняться кирпичным делом, выстроив собственный завод. Дело удалось поставить на широкую ногу: предприятие Слепушкина ежегодно поставляло в Петербург до семи миллионов кирпичей.

Впрочем, главное в биографии Федора Никифоровича — не его деловые успехи. По свидетельству знавших его людей, Слепушкин еще в детские годы отличался остроумием и способностями к рисованию («он рисовал избышки, мельницы и птичек, причем красками ему служили черника и малина»). Но главным делом его жизни стали стихи, которые обратили на себя внимание всей светской публики столицы. «В 1826 году, — подводил итог сам Слепушкин в своих записях, — посетили меня графы и князья и разные вельможи, коих было 136 персон».

Слепушкин начал с лирических стихов на темы сельской жизни, а также басен — «Бык и Комар», «Лев и Барс», «Собака, Осел и Козлы». Первая книга его, «Досуги сельского жителя», увидела свет как раз в упомянутом 1826 году. Итогом стало не только паломничество светских читателей в Рыбацкое, но и награды: Академия наук присудила крестьянину золотую медаль, а Николай I пожаловал поэта кафтаном...

На волне успеха Слепушкин познакомился с Пушкиным. «У него истинный, свой талант», — такие слова о крестьянском поэте Александр Сергеевич обронил в письме своему другу барону Дельвигу. А в другом послании Пушкин писал: «Стихотворения Слепушкина получил и перечитываю все с большим и большим удивлением». Известно также, что одно из стихотворений Слепушкина написано на тему, подсказанную ему Пушкиным.

А вот стихотворение Слепушкина «Вечер», в котором запечатлены виды окрест Рыбацкой слободы:

Час седьмой как дым ударил;
Вечер был уж на дворе,
День еще мой век убавил...
Я сказал тогда себе:
Побреду я до сумерек
На реку Неву смотреть;
На крутой зеленый берег!
Чем мне дома все сидеть.
Час от часу солнце ниже
Опускалось на леса;
Ветер с моря стал потише,
И зарделись небеса!..
Разноцветные картины
Отразились на водах;
Позлащались долины
И вершины на деревьях!
Вдоль по берегу стояли
Домы мирных поселян;
Злачный берег украшали;
Иностранных то крестьян, —
С поля гнали скот рогатой,
Близясь к дому бык рычал;
А дубиной суковатой
Там пастух ленивых гнал.
В стаде тучные бараны,
Рассердясь, друг друга бьют;
Всюду барок караваны
По Неве на низ плывут.
Весел шум и голос песен
Раздавался по водам;
Разносился гул чудесен,
Повторяясь по лесам.
Вверх по берегу рядами
Бурлаки шумя идут,
Тянут судны бечевами
Внутрь России, в дальний путь.
В заводах тогда ж мелькали
Лодки смелых рыбаков, —
А другие вытягали
Невод силой воротов.

Тихо сумрак ночь сменяла,
Опускалась в дол роса;
И в долине исчезала
Вся приятность и краса!
Так превратно под луною
Век проходит, как сей день.
Время острою косою
Все повергнет в смертну тень.

Федор Слепушкин ушел из жизни в 1848 году: тогда в столице была холерная эпидемия, и поэт заразился, помогая землякам. Отпевали его в Покровской церкви, старостой которой Слепушкин был не один год и которую он воспел в своих стихах. Похоронили его здесь же, в склепе под храмом.

Память о Слепушкине еще долго хранилась в названии Караваевской улицы: оно напоминало, что именно здесь, в своем постоялом дворе, Слепушкин кормил обедами проезжих и рабочих своего кирпичного завода. Однако в 1980-е годы Караваевская улица была в связи с новым строительством упразднена, но имя ее сохранили — перенесли на соседнюю улицу, существующую ныне.

Критики советских лет сурово развенчали Слепушкина, причислив его к числу реакционеров: «Некоторые литературоведы (Сакулин, Гроссман) склонны рассматривать С. как одного из первых крестьянских поэтов, проглядев маскарадность фигуры С. Не случайно С. был принят в Зимнем дворце и награжден Николаем I. Обласканный двором, поэт был усердным исполнителем правительственного заказа („...царский дом благослови, да благоденствует Россия“, обращается С. к богу). С. посвящал хвалебные стихи и своим вельможным покровителям... Для мироощущения С. характерны упоение застойным патриархально-буржуазным бытом, самодовольный квиетизм».

Вряд ли нужно пояснять, сколь смешны подобные обвинения. Тогда ведь и Пушкина с его идиллическими описаниями русской деревни можно причислить к махровым реакционерам...

СКАЗОЧНАЯ БАРКАРОЛА

Бурлаки упомянуты были в стихотворении Слепушкина, и нельзя не сказать здесь несколько слов на эту тему.

Всем известна картина Ильи Репина «Бурлаки на Волге». Но не все знают, что изначальный толчок к ее созданию Илья Ефимович получил на Неве, где впервые увидел бурлаков. В один из летних дней 1869 года (уже и Слепушкина давно не было в живых) товарищ Репина по Академии художеств Константин Савицкий подбил его отправиться на этюды вверх по Неве. «Посмотрел бы ты, какие берега! А за Рыбацкой! У колонистов — прелестные места! Завтра, в семь-восемь утра, мы едем на пароходе, не кобенься, душенька...»

Отправились товарищи в Усть-Ижору. Уже за чертой города пароход сделал остановку. Судя по расписанию тогдашних рейсов, это могло произойти либо у Рыбацкой слободы, либо у Новосаратовской колонии — на правом берегу Невы, против Рыбацкой.

Увиденное восхитило Репина: яркие краски, обворожительные барышни. И вот как он сам описывал дальнейшее:

«Моя живая картина была само солнце без пятен. Глаз не оторвать от ее красоты и блеска...

— Однако что это там движется сюда? — спрашиваю у Савицкого. — Вот то темное, сальное какое-то коричневое пятно, что это ползет на наше солнце?

— А! Это бурлаки бечевой тянут барку; браво, какие типы! Вот увидишь, сейчас подойдут поближе, стоит взглянуть.

Я никогда еще не был на большой судоходной реке и в Петербурге, на Неве, ни разу не замечал этих чудищ «бурлаков» (у нас в Чугуеве бурлакой называют холостяка бездомного).

Приблизились. О боже, зачем же они такие грязные, оборванные? У одного разорванная штанина по земле волочится и голое колено сверкает, у других локти повылезли, некоторые без шапок; рубахи-то, рубахи! Истлевшие — не узнать розового ситца, висящего на них полосами, и не разобрать даже ни цвета, ни материи, из которой они сделаны. Вот лохмотья! Влегшие в лямку груди обтерлись докрасна, оголились и побурели от загара... Лица угрюмые, иногда только сверкнет тяжелый взгляд из-под пряди сбившихся висячих волос, лица потные блестят, и рубахи насквозь потемнели. Вот контраст с этим чистым ароматным цветником господ! Приблизившись совсем, эта выючная ватага стала пересекать дорогу спускающимся к пароходу... Невозможно вообразить более живописной и более тенденциозной картины! И что я вижу! Эти промозглые, страшные чудища с какой-то доброй, детской улыбкой смотрят на праздных разряженных бар и любовно оглядывают их самих и их наряды. Вот пересекший лестницу передовой бурлак даже приподнял бечевку своей загорелой черной ручищей, чтобы прелестные сильфиды-барышни могли спорхнуть вниз.

— Вот невероятная картина! — кричу я Савицкому. — Никто не поверит!

Действительно, своим тяжелым эффектом бурлаки, как темная туча, заслонили веселое солнце; я уже тянулся вслед за ними, пока они не скрылись с глаз.

Пароход наш тронулся дальше; мы скоро нагнали барку и видели уже с профиля и нагруженную расшиву, и всю бечеву, от мачты до лямок. Какая допотопность!

Вся эта сказочная баркарола казалась мне и смешной, и даже страшной своими чудовищными возницами».

Тогда и зародился замысел знаменитых «Бурлаков». Потом Репин побывал на Волге, где и начал непосредственную работу над картиной, принесшей ему поистине всероссийскую славу. Но начало было положено здесь, у Рыбацкого.

ШТАБ В ШКОЛЬНОМ ЗДАНИИ

И еще одна несомненная достопримечательность Рыбацкого должна быть упомянута в этой книге — школа. Открылась она весной 1847 года в специально нанятом для этой цели доме Романа Шишкова, стоявшем у впадения в Неву реки Мурзинки. Преподавал здесь поначалу настоятель Покровской церкви отец Федор Фроловский вместе со своим дьяком, потом сюда стали нанимать постоянных учителей, но с ними постоянно возникали проблемы — то учителя не проявляли должного усердия к службе, то не имели достаточной квалификации.

И все-таки дело шло. А в начале XX столетия случилось событие, чрезвычайно важное для Рыбацкого: часть сельских земель была приобретена правительством для постройки железной ветки из столицы в Вологду, бравшей начало у станции «Обухово» (на этой ветке стоит ныне станция «Рыбацкое»). Часть вырученных денег решено было вложить в строительство каменного училищного дома. В 1909 году было построено внушительное здание Рыбацкого городского училища (современный адрес — Рыбацкий проспект, 18). Спроектировал его зодчий Лев Шишко, немало работавший в области училищной архитектуры.

Школа работала и после революции. А в годы Великой Отечественной здесь поселились участники

агитбригады городского Дворца пионеров. Помещался тут и штаб 55-й армии, в котором побывал осенью 1941 года фронтовой корреспондент Павел Лукницкий.

«Село Рыбацкое. Военный совет. Утро. Яркий солнечный день. Ветер. За окном здания школы — Нева в барашках. Спал на кровати в одной из комнат. Посреди комнаты у окна стол, на нем хороший радиоприемник и телефон. Приехал я сюда вчера в шесть вечера, после дня, проведенного в ТАСС, и обработки моих статей...

Пароходик-паром доставил меня на стоящую посередине Невы канонерскую лодку „Красное знамя“ (бывший „Храбрый“)...

„Красное знамя“ сегодня в 13 часов 15 минут открыло стрельбу — дало двадцать выстрелов. Я наблюдал из окна штаба огромные вспышки и двойные удары. При мне во время ужина на корабль пришло донесение о результатах стрельбы: после двадцати фугасных снарядов канонерки и снарядов с других кораблей все немецкие батареи умолкли. Путь для пехоты был очищен. Всего подавлено шесть немецких батарей в районе Красного Бора. В подавлении их приняли участие корабли „Красное знамя“, „Стройный“, „Строгий“ и девятнадцать береговых батарей, да еще полигон...

Вечером к борту корабля была подана шлюпка, и краснофлотец доставил меня на левый берег Невы...»

Канонерская лодка, стоявшая на Неве у Рыбацкого, была настоящей легендой отечественного флота. Спущенная на воду в 1895 году под именем «Храбрый», она участвовала в походе на остров Крит, воевала в Первую мировую, оказалась в пекле знаменитого Моонзундского сражения. Перед Великой Отечественной использовалась как учебная, но затем снова встала в строй. Осенью 1942 года затонула у острова Лавенсаари после попадания финской торпеды, год спустя была

поднята и снова вернулась во флот. После войны канонерскую лодку использовали как учебную, потом ее разоружили и лишили имени, превратив в плавающую казарму под названием «ПКЗ-152». Лишь в 1960 году лодку исключили из состава флота и разобрали на металл. 65 лет служила канонерка Отечеству. Не случайно ей посвящена отдельная ученая монография!

А мы вернемся к Лукницкому: он записал свои военные впечатления и от самого Рыбацкого.

«Село Рыбацкое. Все оно насыщено воинскими рассредоточенными частями — танками, бронемашинами, грузовиками, обозами, замаскированными, приютившимися между домами. Все оно изрыто окопами, щелями и прочими земляными укреплениями. В нем, однако, много местных гражданских жителей, они волокут в мешках кормовую капусту и картошку, добытую на правом берегу Невы в каком-то совхозе, — копают ее, несмотря на охрану.

Самое главное, что мне стало ясно в Рыбацком: наступательный дух немцев явно ослабевает».

В послевоенные годы здание долгое время принадлежало школе № 333, но потом было отдано под общежитие завода «Большевик». В последние полтора десятилетия дом ветшает и стоит без присмотра. Предполагалось даже его снести, но Комитет по охране памятников сумел остановить этот уже начавшийся процесс...

Еще в 1930-е годы Рыбацкое было типичным сельским населенным пунктом. Путеводитель 1930 года сообщал:

«В селении имеются русский колхоз „Путь к социализму“, объединяющий 192 хозяйства и 657 едоков, „Рыбацкое“ — относительно мощное объединение (107 хозяйств и 416 едоков), а также небольшая сельскохо-

зяйственная артель „Крестьянская правда“ (40 хозяйств со 150 едоками). Хозяйство этих объединений носит, как это вообще характерно для Пригородного района, ясно выраженное молочно-огородное направление.

Население Рыбацкого состоит из рыбаков, крестьян, рабочих и служащих, занятых на производствах и в учреждениях, находящихся на обоих берегах Невы».

Современная застройка Рыбацкого берет начало в 1950-х годах. Тогда поселок вошел в городскую черту, и здесь были возведены первые кварталы кирпичных домов. В конце 1970-х в Рыбацком появился первый 9-этажный панельный дом — на улице 3-й Пятилетки (ныне Караваевской). А массовая застройка взяла старт в 1986—1987 годах. Итог ее можно видеть сегодня.

СЛАВЯНКА ВРЕМЕН ВАРЯГОВ

Если с севера Рыбацкое ограничено рекой Мурзинкой, то южную его границу обозначает река Славянка — та самая, что причудливо петляет в садах Павловска. Устье этой реки, известной в допетровские времена как Венйоки, было с давних пор заселено крестьянами.

В самом устье реки находилась деревня Гудилова, название которой, по мнению специалистов, восходит ко временам варягов. Было такое древнешведское имя Гудлеф, от которого и могло после искажений родиться имя деревни. Возможно, еще в те древние времена варяги имели здесь свой опорный пункт.

А с начала XVIII века в устье реки находится село Усть-Славянка, которое служило сторожевым пунктом и русских, и шведских войск в войну 1714 года.

В 1973 году Усть-Славянка вошла в городскую черту.

Примечательно, что последняя улица Рыбацкого, идущая вдоль реки Славянки, именуется переулком Слепушкина. А сразу за рекой, у самого устья Славянки (на Славянской улице, 1) находится большой дом Федора Слепушкина, построенный еще в пушкинские годы и находящийся под охраной государства. «При устье ее, где берег образует мыс, вдавшийся косой в Неву и ограждающий пристающие суда, во время шведского владычества возвышалась сторожевая башня», — пишет об этом месте Михаил Пыляев. На

старинном фундаменте и поставил свой дом Слепушкин. Первый этаж дома — каменный, второй — из дерева. Здесь был постоялый двор, на котором поэт-крестьянин принимал своих гостей.

И еще одно примечательное место. Как раз возле Славянки Нева делает крутой поворот, и как раз у этой излучины реки стояла в допетровские времена еще одна деревня. В новгородском документе 1500 года она значится как «Д. Выстрой на Пясье на реце на Неве».

А наш маршрут окончен. За Славянкой начинается длинная череда приневских поселений, о каждом из которых можно написать немало. Но это уже тема для других книг...

ПОСЛЕСЛОВИЕ ДЛЯ ВНИМАТЕЛЬНОГО ЧИТАТЕЛЯ

Работая над этой книгой, автор просмотрел множество печатных трудов, путеводителей, справочников газетных и журнальных статей. Надо сказать, что Невская застава вовсе не обделена вниманием историков. Только вот какая беда: большинство посвященных заставе и ее предприятиям книг носит весьма специфический характер. Возьмем, к примеру, солидный труд И. И. Ломакиной «Невский имени Ленина», увидевший свет в 1981 году. Объем его — больше четырехсот страниц. Из этого количества лишь 6,5 страницы (!) посвящены дореволюционной трудовой биографии прославленного завода. Все остальное — рассказ о революционном движении и достижениях советского периода.

Подобным же перекосом страдают и другие книги 1970—1980-х годов. Из выпущенных работ о Невском районе и о проспекте Обуховской Обороны читатель не узнал бы ровным счетом ничего о Николае Назарьевиче Муравьеве и его усадьбе, о родившемся за Невской заставой Колчаке, о братце Иоанне Чурикове, да и много еще о чем. Даже знаменитые потемкинские Озерки присутствуют в этих книгах на правах бедного родственника.

И все-таки автор благодарен всем, кто писал о Невской заставе. Потому что в каждой из перечисленных ниже книг и статей ему удалось найти крупицы интересной, яркой, нужной информации.

Автор прекрасно сознает, что и в его книге есть немало пробелов. Вне ее страниц остался, например, целый ряд предприятий Невской заставы — таких, как «Трубосталь» или «Гигровата». Однако автору не удалось сыскать в истории этих предприятий ничего, что могло бы представлять интерес для широкого читателя. Специалистам наверняка попадутся в этой книге и какие-то ошибки и неточности. Однако решение представить читателям книгу именно в этом виде было вполне осознанным. Дальнейшее накопление, уточнение, расширение материалов — процесс длительный, многолетний. Стоит ли откладывать первую встречу книги с читателями так надолго?

Что же касается недостатков, то их автор твердо обещает исправить в возможных будущих переизданиях.

НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЕ КНИГИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АВТОРОМ

Антонов В. В., Кобак А. В. «Святыни Санкт-Петербурга» (2003).

«Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX—начала XX века» (1996).

Барabanова А. И., Ямщикова Е. А. «Народовольцы в Петербурге» (1984).

Бартенев И. А. «Современная архитектура Ленинграда» (1966).

Барышников М. Н. «Деловой мир Петербурга» (2000).

Бейзер М. «Евреи в Петербурге» (1989).

Богданов А. И. «Описание Санктпетербурга» (1997, переиздание).

«Быт пушкинского Петербурга» (2005).

Виленская Н. Х., Клычин В. Н. «На лыжах по окрестностям Ленинграда» (1930).

Грекова Т. И., Голиков Ю. П. «Медицинский Петербург» (2001).

Горбачевич К. С., Хабло Е. П. «Почему так названы?» (2002).

Добкович В. В., Хамармер И. П., Иппо Б. Б. «Где провести выходной день» (1966).

«Императорский Стекланный завод. 1777—1917» (2004).

«Историческая застройка Санкт-Петербурга. Перечень вновь выявленных объектов...» (2001).

«Исторические кладбища Петербурга» (1993).

Кенсу С. «Петербург до Петербурга» (2000).

Кулакова Л. И., Салита Е. Г., Западов В. А. «Радищев в Петербурге» (Л., 1976).

Курбатов В. Я. «Петербург» (СПб., 1913).

Ломакина И. И. «Невский имени Ленина» (1981).

Лунев В. С., Шилов В. В. «Невский район» (1970).

«Магистраль имени Октября» (1990).

Михневич В. О. «Петербург весь на ладони. Справочная книжка» (1874).

Наркевич С. С. «Чудотворная икона Пресвятыя Богородицы Всех Скорбящих Радости (с монетами), находящаяся в часовне Скорбящей Божией Матери в г. С.-Петербурге, на Стекланном, за Александро-Невской лаврой, по Шлиссельбургскому проспекту, и описание чудес от нея» (1908).

Никифорова Л. Р. «Родина русского фарфора» (1979).

Нистрем К. М. «Книга адресов Санкт-Петербурга на 1837 год» (1837).

«Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной» (2000).

«Памятники Ленинграда» (1959).

«Памятники промышленной архитектуры Санкт-Петербурга» (2003).

Петровская И. Ф., Сомина В. В. «Театральный Петербург» (1994).

Пыляев М. И. «Старый Петербург» (1889, репринт 1990).

Рубанов С. А., Негинский С. А. «Крупская в Петербурге-Ленинграде» (1975).

«Русские писатели. 1800—1917» (1992—1999).

«Русский биографический словарь» (1896—1918).

Саитов В. И. «Петербургский некрополь» (1912—1913).

«Санкт-Петербург. Энциклопедия» (2004).

«Становление революционных традиций питерского пролетариата. Пореформенный период. 1861—1883 гг.» (1987).

Столпянский П. Н. «Вверх по Неве. От Санкт-Петербурга до Шлюшина» (1922).

Столпянский П. Н. «Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования» (Л., 1925).

«Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга» (2002).

Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В. «Православные храмы Санкт-Петербурга 1917—1945 гг. Справочник» (1999).

Шилов В. В. «Народный музей революционной истории Невской заставы» (1987).

Шилов В. В. «Проспект Обуховской Обороны» (1978).

Шульц С. С. «Храмы Санкт-Петербурга» (1994).

Эмме Б. Н. «Русский художественный фарфор» (1950).

Яковлев Н. А. «Михаил Щурупов» (2001).

«Весь Петербург», «Весь Петроград», «Весь Ленинград», «Весь Ленинград и Ленинградская область» за 1896—1930 годы.

Путеводители по городу 1903, 1931, 1933, 1957, 1986 годов.

Статьи Ю. Л. Алянского, М. Л. Гавлина, С. Е. Глезерова, Н. В. Гречук, Е. Григоренко, А. Д. Ерофеева, А. А. Иванова, Э. Иоффе, Е. Лисанова, Г. Д. Морозовой и С. В. Морозова, Р. В. Николаева, В. Рыкова, В. Б. Сапунова, С. Себаг-Монтефиоре, Л. В. Сидоренко, О. Симовой, А. Степанова, Е. Шолоха, Н. Я. Эйдельмана, а также иные публикации в газетах «Гражданин», «Деловой Петербург», «Красная звезда», «Ленинградская правда», «Московская промышленная газета», «На-

тали», «Невское время», «Объединенная машиностроительная газета», «Парламентская газета», «Пассаж» (Одесса), «Санкт-Петербургские ведомости», «Славянка сегодня», журналах «Былое», «Вопросы истории», «Град духовный», «Морской сборник», «Новое Литературное обозрение», «Октябрьская магистраль», «Российский биомедицинский журнал», «Русская старина», «Русский архив», «Русский дом» и др.

Труды А. А. Аллилуева и М. А. Богданова, Б. И. Антонова, А. П. Аспидова, М. А. Балтрашевич, А. А. Бахтиарова, А. А. Бескурникова, Н. Н. Бобринского, А. Венгера, В. Ф. Владимировой, Н. Власова, А. Д. Гдалина, Б. В. Горбунова, О. С. Зыбина, Н. М. Корневой, П. Б. Кривской, В. М. Крылова, М. Ю. Либединского, Т. А. Малининой, Н. В. Петрова и К. В. Скоркина, И. Ф. Плотникова, В. И. Саитова и Л. Н. Майкова, Н. А. Синдаловского, Ю. Сопотовой и Я. Артемичевой, М. З. Тарановской.

Произведения О. Ф. Берггольц («Дневные звезды»), В. П. Бурнашева, И. Г. Георги, Г. Р. Державина, М. Ильина, Н. Г. Помяловского, М. П. Прилежаевой, А. И. Солженицына.

Воспоминания и дневники А. С. Аллилуевой, О. Ф. Берггольц, А. П. Боголюбова, В. Е. Васильева, М. А. Гордеева-Битнера, Е. Евдокимова, митрополита Евлогия (Георгиевского), Н. К. Крупской, С. Ю. Левика, Е. Б. Леонова-Гладышева, П. Н. Лукницкого, Н. П. Полетики, П. И. Полетики, А. Ф. Редигера, А. М. Тургенева, Л. В. Успенского, В. И. Чуйкова, И. И. Шамшева, Л. В. Шервуда, Е. А. Штакеншнейдер и других авторов.

Сайты предприятий Невской заставы — «Звезды» (zvezda.spb.ru), «Картонтоля» (www.kartontol.ru), «Невской косметики» (www.nevcos.ru), «Вены» (www.vena.ru), ЛОМО (www.lomo.ru) и др., а также сайты vvs.spb.ru и www.spb-business.ru.

Автор благодарит за подсказки при подготовке этой книги А. А. Иванова, старожила Невского района О. С. Иванову, С. П. Осипову, а также А. Ф. Векслера и О. Д. Шервуд.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
«Когда сядешь на невский паровичок»	10
Монастырские амбары	17
Мимо некрополей	21
«В бою шли стена на стену...»	26
Канал, ограничивающий город	29
От Мордуха до Ленина	32
Фрегат на Глухом озере	35
Стеклянный городок	42
Глухоозерский цемент	48
Несбыточный «Царский городок»	51
Психоневрология от Бехтерева	56
«Христиани» и Ленин	61
Чудотворные	65
Сенной Рожок	74
Казаки у заставы	77
«Невский» рок	80
Последняя гастроль артиста	84
Первым был «Кремль»	87
Крейсера	96
Во льдах	99
Цитадель революции	105
Два взрыва в «Твери»	115
На месте слободы смоленских ямщиков	119
Подворья, подворья... ..	125
Русский Манчестер	130
И картон, и катушки, и мыло... ..	138
Пот и кровь	149
И старый сад, осыпанный морозом... ..	156
Дома для рабочих	164
Гримасы топонимики	173
Караул!	176
«Шум, стук и всеобщее движение изумляют зрителя»	180

Голубой вагон для царской семьи	189
Англиканская церковь	192
Халтурин и другие	194
«Сталин! Иосиф!»	197
Имени доктора Цимбалина	203
...И рожь «муравьевка»	206
Бабушкин парк	216
Русский фарфор	226
Готика от Стефана	233
На земле и под землей	236
<u>Дуга через Неву</u>	241
Сортировочная	249
Памяти вождя	252
Куракина дача	256
Леснозаводская	262
У Шелгунова	266
Прокуроры на даче	269
Александровская мануфактура	275
Здесь родился Колчак	283
Обуховская оборона	291
Дружней, «Большевик»!	295
На Рабфаковских	303
У братца Чурикова	305
В последний путь	311
На даче, называемой «Мурзинка»	317
Восточный генералиссимус	323
Большой Вантовый	326
Рыбацкая деревня	329
«На реку Неву смотреть...»	333
Сказочная баркарола	337
Штаб в школьном здании	340
Славянка времен варягов	344
Послесловие для внимательного читателя	346
Наиболее значимые книги, использованные автором	347

Шерих Дмитрий Юрьевич

НЕВСКАЯ ЗАСТАВА

Берег левый...

Публикуется в авторской редакции

Ответственный за выпуск *Л.И. Янцева*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Корректоры *О.Ю. Гуршева, М.В. Чебыкина*

Компьютерная верстка *Т.А. Шамаевой*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.09.2006.
Формат 84×108¹/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 16,28.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 1858.

Изд. лиц. ИД № 02456 от 27.07.2000 г.

ООО «МиМ-Дельта»

Для писем: Санкт-Петербург,

ул. Фурштатская, д. 19, пом. 35Н

E-MAIL: MIMDEL@MAIL.WPLUS.NET

ЗАО «Центрполиграф»

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

ОАО «Московская типография № 2»

129085, Москва, пр. Мира, 105. Тел.: 682-24-91